

СБОРНИК СТАТЕЙ
ПЯТОЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«СТРАТИФИКАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА
В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ»
(г. Санкт-Петербург, 28–31 ноября 2015 г.)

*Издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ,
проект № 15-04-14048*

Санкт-Петербург
«Златоуст»

2015

Сборник статей Пятой Всероссийской конференции «Стратификация национального языка в современном российском обществе» (г. Санкт-Петербург, 28–31 ноября 2015 г.). — СПб. : Златоуст, 2015. — 292 с.

ISBN 978-5-86547-935-2

Гл. редактор: *к.ф.н. А.В. Голубева*
Оригинал-макет: *Л.О. Пащук*
Корректор: *О.С. Капполь*

© Коллектив авторов (текст), 2015
© ООО Центр «Златоуст» (редакционно-издательское оформление, издание, лицензионные права), 2015

Подготовка оригинал-макета: издательство «Златоуст».
Подписано в печать 11.12.15. Формат 60х90/16. Печ. л. 18,25. Электронное издание.
Код продукции: ОК 005-93-953005.

Санитарно-эпидемиологическое заключение на продукцию издательства Государственной СЭС РФ № 78.01.07.953.П.011312.06.10 от 30.06.2010 г.

Издательство «Златоуст»: 197101, Санкт-Петербург, Каменноостровский пр., д. 24, оф. 24. Тел.: (+7-812) 346-06-68, факс: (+7-812) 703-11-79,
e-mail: sales@zlat.spb.ru, <http://www.zlat.spb.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

Л.С. Алпеева. Электронное учебное пособие «Введение в общевоисковую лексику» (элементарный уровень).....	5
А.В. Белова. Пособие по лексике как источник формирования профессиональной речи студентов-иностранцев в медицинском вузе.....	15
Н.В. Белова. Речевой портрет билингва в лингводидактическом аспекте (на материале русско-таджикского двуязычия).....	18
И.А. Бойцов. О важнейших составляющих мотивации изучения русского языка в странах Центральной Европы.....	24
Н.Г. Брагина. Современный русский литературный язык: границы допустимого.....	29
О. Брамли. Применение нейродидактических исследований в обучении русскому языку зарубежных студентов (на опыте Лондонской школы русского языка и литературы).....	37
Н.В. Бубнова. Ономастическое пособие словарного типа на основе регионального материала как источник формирования знаний и развития речи иностранных обучающихся.....	43
М.Д. Ваджибов. О риторических особенностях русской речи дагестанских студенток.....	50
Н.В. Габдреева. Феноменология процессов смешения в языке естественных билингвов.....	56
И.Е. Герасименко. Использование гендерных моделей для анализа текстов русской культуры.....	62
Т.Е. Григорьева. Лингвистические и экстралингвистические факторы существования языкового смешения в речи билингвов-тюркофонов.....	65
А.В. Дегальцева. О статусе и основных тенденциях развития электронной деловой переписки.....	70
Н.Л. Дробышева. Состав и стратификация авиационной лексики.....	76
Е.В. Ерофеева. Профессиональная актуализация значений многозначных слов.....	81
Т.И. Ерофеева. Гендерные исследования в Пермской школе социо- и психолингвистики.....	89
В.А. Ефремов. Ассоциативный словарь как инструмент исследования гендера.....	95
Т. Б. Ильинская. Функционально-стилистический аспект профессионального языка (геологический язык).....	102
В.В. Каверина. Некоторые особенности графической адаптации новейших англоязычных заимствований в субстандарте.....	105
А.В. Кирилина. Гендерные репрезентации в России (2000–2015).....	109
Е.Ф. Киров. Три языка русского языка.....	123
В.П. Коровушкин. Социально-коммуникативная стратификация лексической системы национального языка и ее социолексикографическое представление в субстандартных словарях в английском и русском языках.....	127
В.М. Кузьмина. Стратегии и тактики выражения согласия/несогласия в комментариях на сайтах для мужчин и женщин.....	134
Т.В. Кузьмина. О некоторых закономерностях освоения лексики детьми, осваивающими русский язык как второй.....	140
Э.П. Лаврик. Автороведческая экспертиза экстремистского текста: гендерный аспект.....	143
Г.М. Левина. Проблемы обучения деловому общению на начальном этапе освоения РКИ.....	148

М.Е. Ляпидовская. Особенности преподавания дисциплины «Деловое общение» в техническом вузе.....	154
В.М. Мокиенко. Язык современной русской рекламы: от профессиональной речи к сленгу.....	159
Л.В. Московкин. Какой язык представлен в первых русских грамматиках для иностранцев?.....	166
Н.А. Нечунаева, Н.Е. Береснева. Учебная литература по русскому языку для школ с русским языком обучения в Эстонии: основа обучения и формирования самосознания.....	172
Ю.В. Николаева. Перевод в век детерминологизации.....	178
В.В. Никульцева. О профессиональном лексиконе артистов балета XXI века.....	185
Е.В. Орлова. Профессиональный медицинский жаргон.....	190
В.М. Пахомов. Русский язык в современном офисе: острые вопросы и лакуны справочников.....	194
З.Н. Пономарева. Неразборчивость или некомпетентность?.....	199
О.Ю. Проничева. Публицистика на военную тему как база профессионально-ориентированного обучения.....	202
И.В. Реброва. Русский язык зарубежья и типология текста (на примере жанра рецензии в современных сетевых эмигрантских журналах).....	208
Т.Д. Романцова. Обучение русскому языку как иностранному в сибирском вузе с учетом языковой специфики территории.....	214
Е.В. Рублева. Использование информационно-коммуникационных технологий в обучении языкам с учетом психолого-педагогического портрета современного учащегося.....	221
Н.В. Рюшшина. Место зооморфизмов в преподавании русского языка арабским студентам.....	225
Я.А. Саморукова. Современная телевизионная реклама в аспекте гендерной стратификации русского языка.....	229
К.Э. Сенчакова. Типичные ошибки в официально-деловой письменной речи трудовых мигрантов и способы их предотвращения (на примере блока «Письмо»).....	235
Н.А. Сычева. Лексико-фразеологические особенности деловой речи при обучении русскому языку как иностранному.....	240
И.Э. Файман. Мотивационные установки эстонских студентов как фактор освоения русского языка.....	245
И.Э. Федотова, И.И. Лапуцкая. К вопросу об особенностях русской речи белорусских студентов.....	253
В.В. Химик. Русские социолекты и лексикография: к истории отношений.....	260
И.А. Шаронов. Русский речевой этикет и словарь коммуникативов для иностранной и для русской аудитории.....	268
А.С. Шатилов. Устная речь иностранцев: психолингвистический аспект.....	277
А.О. Шишолоина. Иноязычная лексика тематической группы «Продукты питания, блюда и напитки» в русском языке новейшего периода.....	281
А.Д. Шмелев. Деловой русский язык и современный речевой этикет: мифы и реальность.....	287

ЭЛЕКТРОННОЕ УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ **«ВВЕДЕНИЕ В ОБЩЕВОЙСКОВУЮ ЛЕКСИКУ»** **(элементарный уровень)**

Ключевые слова: интерактивное упражнение, оформление электронного пособия, электронное учебное пособие.

В настоящий момент на кафедре иностранных и русского языков Военного института (инженерно-технического) Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева активно разрабатывается частная методика преподавания русского языка как иностранного. Она основана на принципах коммуникативной методики. Методика используется при создании учебных пособий по профессионально-ориентированному языку. За последние годы было выпущено несколько таких пособий, и в настоящее время коллектив кафедры вышел на новый качественный уровень подготовки учебных материалов: разработаны электронные версии учебных пособий. Того же требует и федеральный государственный образовательный стандарт высшего и среднего образования, на основании которого библиотечный фонд вуза должен быть укомплектован печатными и (или) электронным изданиями основной учебной литературы.

В Едином стандарте электронного учебника, утвержденном министром обороны Российской Федерации 29 сентября 2015 года, приняты следующие определения:

- электронное издание — электронный документ (группа электронных документов), прошедший редакционно-издательскую обработку, предназначенный для распространения в неизменном виде, имеющий выходные сведения, выполненные в цифровой форме, для использования которого необходимы средства вычислительной техники или иные специализированные устройства для воспроизведения текста, звука, изображения;
- электронный учебник — электронное учебное издание, содержащее систематизированные сведения научного или прикладного характера, изложенные в форме, удобной для изучения и преподавания учебной дисциплины (модуля) или ее раздела (части), соответствующее учебной программе

и официально утвержденного образовательной организацией в качестве издания данного вида. Выделяются текстовое и изобразительное издания, аудиоиздание, мультимедийное электронное издание. Согласно замыслу министра обороны, электронный учебник должен включать как теоретический материал, так и контрольные вопросы, материалы к контрольной работе, примеры, задачи и вопросы для самостоятельного решения.

По классификации [ГОСТ 2013], наши электронные издания (электронные пособия) относятся к мультимедийным электронным изданиям по форме, к учебным — по целевому назначению, к локальным — по технологии распространения, к детерминированным — по характеру работы пользователя с ними. Последнее обозначает, что мы изначально даем методические рекомендации курсанту по использованию электронного учебного пособия в ходе самостоятельной работы, методические рекомендации преподавателю для использования издания в аудитории. Таким образом, авторы пособия задают рамки работы. Курсант не выбирает последовательность выполнения заданий, не может изменить задания. Кроме того, издания различают по периодичности [ГОСТ 2013], наши электронные пособия являются обновляемыми: мы можем добавлять задание, тему, разбивку на уровни сложности, что обязательно будет сделано в процессе апробации и использования данных электронных пособий. На сегодня выпущены первые версии электронного издания. И наконец, нужно сказать, что для воспроизведения электронных учебных пособий необходимо установить программную оболочку на компьютер, она небольшая по объему (6226 Кб), поэтому легко переносится на одном электронном носителе. Учебные электронные пособия имеют стандартные программно-технологические средства, предполагают использование стандартных, доступных для широкого круга пользователей программ. Преподаватели кафедры не имеют технического образования, которое бы позволило разработать авторскую программную оболочку, кроме того, создание такого авторского продукта требует времени, серьезного оборудования.

В 2015 году были созданы учебные пособия «Введение в общевоинскую лексику» (в 2 ч.) и «Введение в язык специальности. Строительство». Цель создания учебных электронных пособий — введение лексики по специальности в группах иностранных военнослужащих на подготовительном и основном курсах. Оба пособия строятся по одному и тому же образцу программной оболочки, так как мы считаем, что, когда обучающийся привыкает к форме подачи учебного материала, процесс усвоения знаний оптимизируется, все внимание направлено не на форму, а на содержание урока. Для создания была использована программная оболочка Constructor electronic

book, которая находится в открытом доступе в Интернете. Эта оболочка позволяет построить дерево учебника, вкладывая разделы и элементы в различных форматах: Word, Excel, PowerPoint и в других форматах. Кроме того, были использованы оболочка для тестов, созданная А.Н. Комаровским, и оболочка EasyQuizzу для создания тестов.

Являясь инициатором создания электронных учебных пособий, автором пособия «Введение в общевоинскую лексику» (часть 1), предлагаю вашему вниманию описание структуры данного электронного учебного пособия. Электронное учебное пособие предназначено для использования в аудитории на практических занятиях или для самостоятельной работы по освоению русского языка как иностранного на элементарном уровне.

Введение лексики научного стиля речи или лексики по специальности — вопрос, имеющий долгую историю. В различные периоды предлагалось вводить данные пласты лексического запаса то с четвертой недели обучения, то во втором семестре, т.е. ближе к базовому уровню владения языком. Мы же считаем, что специальную лексику можно вводить с третьей недели обучения, если построить текстовый материал, аудиосопровождение на примитивных грамматических назывных конструкциях, используя союзы. Электронное учебное пособие используется периодически, параллельно с учебником «Дорога в Россию», по мере изучения грамматического материала. Так, на первом занятии вводятся в употребление воинские звания, но без использования прилагательных *старший*, *младший*. Через несколько занятий параллельно с изучением грамматического материала из учебника «Дорога в Россию» в распоряжении обучаемых оказывается текст «Воинские звания» уже с употреблением прилагательных.

При подборе лексического материала по каждой теме мы исходили из принципа минимизации языка в учебных целях; так, для одного занятия предлагалось от 7 до 15 новых языковых единиц. Для наиболее эффективного усвоения новые слова повторяются в разных формах и в разных контекстах в заданий нескольких видов. Эти лексемы проходят отработку во всех видах речевой деятельности, в том числе при аудировании. С помощью записи голосовых дорожек и их вставки в слайд презентации можно также организовать и рубежный контроль в виде диктанта или ответов на вопросы на экране. Имеющиеся в электронном учебном пособии задания на подбор синонимов, антонимов и однокоренных слов к военным терминам вписывают эти слова в общую лексическую систему языка.

Электронное пособие включает в себя 10 тем по общевоинской лексике. В каждой теме выделены разделы по видам речевой деятельности и форми-

руемым навыкам. Предтекстовые упражнения направлены на формирование произносительных навыков русских звуков, при этом важно помнить о зонах интерференции (то есть трудных для произнесения звуках для конкретного носителя иностранного родного языка учащихся и звуках русского языка). На практике в зависимости от национальной принадлежности обучающихся и их общекультурного уровня планируемое время на отработку учебных вопросов может варьироваться. С учетом разной скорости усвоения материала допускается изменение временных рамок некоторых видов работы, предусмотренных планом.

Кроме того, в структуре каждого урока обязательно присутствуют не только задания на домашнюю работу, но и задания на самостоятельную работу, которые являются заданиями повышенной сложности.

Особое внимание стоит обратить на оформление заданий для курсантов. Для этого были использованы специальные анимированные значки, например:

«СЛУШАЙТЕ»

«ГОВОРИТЕ»

Также был использован значок для функции включения прослушивания аудиоматериала: .

Рассмотрим структуру типового урока в электронном учебном пособии «Введение в общевоинскую лексику» (часть 1). Каждый урок состоит из 8 разделов:

Раздел 1. Предтекстовые упражнения: фонетические упражнения. При выполнении данного упражнения курсант может не только прочитать слова и словосочетания с экрана электронного вычислительного средства вместе с преподавателем, но и прослушать аудиоматериал, который читает носитель русского языка (озвучил аудиоматериал преподаватель Ю.М. Лебедев).

СЛУШАЙТЕ
И ГОВОРИТЕ

БЭ [БЭ] – БЕ [Б'Э]
КО [КО] – КЁ [К'О]
ТЫ [ТЫ] – ТИ [Т'И]
СЫ [СЫ] – СИ [С'И]

Раздел 2. Лексическая работа: в данном разделе курсант осваивает новую лексику, которая представлена в виде иллюстраций с всплывающими надписями. На каждом слайде есть последовательность заданий для курсанта. Преподаватель может построить работу с лексическим материалом в удобном для себя порядке и в соответствии с целевыми установками переходить от слайда к слайду или возвращаться на предыдущий слайд, автоматически закрывая надписи к картинкам.

НИЖНЕЕ БЕЛЬЁ

труссы

носки

майка

1. СЛУШАЙТЕ СЛОВА
2. ЗАПОМНИТЕ ПРОИЗНОШЕНИЕ
3. ПРОЧИТАЙТЕ СЛОВА
4. ЗАПИШИТЕ СЛОВА В ТЕТРАДЬ

В этом же разделе представлены и интерактивные упражнения: обучаемый называет слово, передвигает с помощью компьютерной мыши названный предмет обмундирования и таким образом «одевает» курсанта.

ОДЕНЬТЕ КУРСАНТА И ГОВОРИТЕ
«Это шапка», «Это фуражка»

В разделе продолжается отработка лексико-грамматических навыков через использование новых слов в составе уже знакомых грамматических конструкций. На основе *У меня есть/У меня нет* формируется автоматизация речевых навыков с использованием слов по теме урока, при этом применяется анимация, которая сначала помогает вспомнить грамматическую модель предложения, а затем несогласованное предложение с набором единиц. Курсант должен построить и произнести правильную фразу.

1. Запомните модель предложения

У меня (2 падеж) + **есть** + **О** (1 падеж)

↓ ↓ ↓

- У меня есть кальсоны и футболка.
- У моего друга есть шапка-ушанка.
- А у его жены тоже есть военные брюки, она тоже курсант.
- У моего друга есть ботинки.
- У тебя есть перчатки?
- У него есть своя форма.
- У нас есть фуражки.
- У вас есть берет?

2. Запишите модель и предложения в тетрадь

1. Запомните модель предложения

У меня + **нет** + **О** (2 падеж)

↓ ↓ ↓

• У меня нет	бушлата, у меня есть куртка .
• У моего друга нет	своей формы.
• У моего дедушки нет	современной формы.
• У тебя нет	камбоджийской формы?
• У него нет	российской формы, у него есть камбоджийская форма.
• У неё нет	военной формы, у неё есть красивое платье.
• У нас нет	беретов, у нас есть фуражки.
• У вас нет	шапки-ушанки?
• У них нет	зимней формы, у них есть летняя форма.

У тебя есть парадная форма?

Парадная форма –

это форма на парад,

праздник

Как показано на слайде, тренируется и такой вид речевой деятельности, как письмо (для обозначения использован специальный значок) , но если на первом слайде есть письменное указание «Запишите модель и предложения в тетрадь», то во втором случае используется только значок, так

как предполагается, что курсанты знают его значение и понимают смысл задания.

Раздел 3. В разделе «Презентация» представлен иллюстративный словарь по теме урока, различные виды обмундирования, таблицы летнего и зимнего обмундирования. В других уроках используются эмблемы, видеофрагменты, разнообразные дополнительные схемы для по теме урока.

Раздел 4. В данном разделе вниманию курсантов предлагается текст по теме занятия. Для отработки навыков чтения и аудирования используются: чтение вслух с отработкой ударения, прослушивание текста целиком и поэтапное прослушивание текста.

1. Прослушайте текст.

2. Прочитайте текст.

Это моя новая форма. Это моя куртка. Это брюки. Это мой бушлат. А это мои ботинки.

В России холодно. У меня есть шапка-ушанка и шарф. А ещё у меня есть перчатки.

У моего друга из Камбоджи тоже есть форма. У него есть футболка, кальсоны и куртка, бушлат, брюки и ботинки. У него нет берета.

Раздел 5. Учащиеся приступают к активному использованию единиц в условно-коммуникативных упражнениях. Преподаватель организует работу в диалогах: чтение, повторение и формирование мини-диалога по образцу:

**Ответьте на вопросы
(работа с преподавателем):**

- Чья это шапка-ушанка?
- Чей это костюм?
- Чья это майка?
- Чьи это брюки?
- Это ваша шапка-ушанка?
- Это ваш костюм?
- Это ваши ботинки?
- Это ваши брюки?
- У вас есть фуражка?
- У вас есть костюм?
- У вас есть футболка?
- У вас есть бушлат?

Говорите:

- - Чья это шапка-ушанка? – Это моя шапка-ушанка.
- Чей это костюм? – Это...
- Чья это майка? – Это...
- Чьи это брюки? – Это...
- Это ваша шапка-ушанка? – Да, это моя...
- Это ваш костюм? – Нет, это не ...
- Это ваши ботинки? – Да, ...
- Это ваши брюки? – Нет,...
- У вас есть фуражка? – Нет, у меня нет ...
- У вас есть костюм? – Да, у меня есть...
- У вас есть футболка? – Да, у меня есть...
- У вас есть бушлат? – Нет, у меня нет...

1. Прослушайте диалоги.

1. Прочитайте диалоги (Вы и друг вместе)

1. – У тебя есть форма?

- Да, есть.
- Какая форма у тебя есть?
- У меня есть камбоджийская форма.

3. – Сегодня в клубе праздник?

- Нет, праздник завтра.
- У тебя есть парадная форма?
- Нет, у меня нет парадной формы. Она дома.

2. – Сегодня холодно?

- Да, минус 10 градусов.
- У тебя есть зимняя форма?
- Да, у меня есть шарф, перчатки, бушлат, шапка-ушанка.

4. – Какие красивые ботинки!

- Да, это очень красивые, чёрные, военные ботинки.
- У тебя есть ещё военные ботинки?
- Нет, но они есть у моего друга.

2. Сделайте свои диалоги.

Покажите свою форму и скажите,
что у вас есть.

Раздел 6. В данном разделе предлагается контроль усвоения пройденного материала. Для разнообразных форм контроля используются:

- аудиоматериалы:

Диктант:
СЛУШАЙТЕ И ПИШИТЕ

- иллюстрации:

Контрольная работа

Что это? Пишите в тетрадь:

- упражнения на подстановку грамматических форм:

Контрольная работа
Составьте предложения
правильно:

- У меня нет (современная форма).
- У меня есть (зелёный бушлат).
- У этого курсанта есть (тёплая куртка).
- У меня нет (майка и футболка).
- У моего друга есть (чёрные ботинки и чёрная шарф).
- У тебя дома есть (парадная форма)?
- У моей мамы нет (военный берет).

Раздел 7. Домашнее задание предлагает последовательный алгоритм работы над усвоением лексических единиц: запись в специальный военный словарь, их отработку в активном употреблении (*Составьте предложения с ...; Составьте диалоги с использованием...*).

Раздел 8. Задания на самостоятельную работу считаются имеющими повышенную сложность. Курсанту предлагается найти однокоренные слова к отдельным лексемам, например *военный, парадный*.

В заключение хотелось бы сказать, что в рамках конференции «Новое в лингвистике и методике преподавания иностранных и русского языков» (25 мая 2015 г. ВИ(ИТ)) нами было проведено открытое занятие с учебным отделением курсантов по теме «Обмундирование». По результатам контрольной работы обучаемые дали от 98–100 % правильных ответов на задания.

Литература

ГОСТ Р 7.0.83-2013 СИБИД Электронные издания. Основные виды и выходные сведения // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200104766> (дата обращения 26.10.2015).

Единый стандарт электронного учебника // Военный портал. URL: <http://milportal.ru/2015/09/11/glava-voennogo-vedomstva-general-armii-sergej-shojgu-postavil-zadachusformirovat-edinuyu-elektronnyu-biblioteku-minoborony-rossii-k-1-sentyabrya-2016-goda/> (дата обращения 26.10.2015).

ПОСОБИЕ ПО ЛЕКСИКЕ КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕЧИ СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ

Ключевые слова: антонимия, профессиональная сфера общения, русский как иностранный, студент-медик.

Для обучения пониманию, идентификации и употреблению в речи лексических единиц (например, антонимов) требуется создать упражнения для формирования, развития и совершенствования коммуникативно-речевой компетенции иностранных учащихся, используя лексику профессиональной сферы общения. На кафедре русского языка СЗГМУ им. И.И. Мечникова было создано пособие «Лексика. Фразеология. Часть I: Синонимы. Антонимы». Оно предназначено для занятий по русскому языку со слушателями подготовительных курсов, студентами-иностранцами, аспирантами, стажерами, изучающими русский язык как неродной или как иностранный на продвинутом этапе.

В учебном пособии рассматриваются явления синонимии и антонимии на примере лексики профессиональной сферы общения и страноведения. Пособие предназначено для аудиторной и самостоятельной работы иностранных студентов и направлено на активизацию общенаучной лексики, закрепление изучаемого лексического материала и формирование навыков устной речи. Целью данного курса является формирование навыков выбора и использования лексических единиц профессионального профиля и лексики общего владения в речи студентов-медиков в соответствии с коммуникативными потребностями при изучении общеобразовательных дисциплин на русском языке. Страноведческий материал позволяет закрепить знания по теме «Санкт-Петербург». В пособии два раздела, задания первого содержат лексику профессионального модуля, второй включает в себя лексические единицы общего владения на примере страноведческих текстов.

В разделе «Антонимы» вводятся лексические единицы профессионального модуля (медицина), например: *бледный (цвет лица) — румяный, бод-*

рый — усталый, глухой (голос) — звонкий, жизнь — смерть, заболеть — выздороветь, подъем — спад, полезно — вредно, сон — бессонница, толстеть — худеть и др.

Предлагаются следующие типы заданий:

Задание 1. Прочитайте слова-антонимы в таблице, проверьте, правильно ли вы их понимаете.

Задание 2. В приводимых ниже предложениях вставьте антонимы, используя слова для справок.

Задание 3. Подберите антонимы к иностранным словам.

рекомендованный — ..., активность — ..., систематический — ..., эффективный — ..., нормальный — ... и т. п.

Задание 4. Придумайте предложения со следующими антонимами.

быстро	медленно
вставить	ложиться (садиться)
вчера	сегодня (завтра)
кричать	шептать
левый	правый и др.

Задание 5. В приводимых ниже предложениях найдите антонимы.

Задание 6. Подберите антонимы к следующим словам и составьте с ними предложения.

вопрос — ..., громкий — ..., молодой — ... и т.п.

Задание 7. Подберите из предложенных слов парные антонимы, учитывая их принадлежность к частям речи, например существительное и существительное, глагол и глагол и т.п. Например:

вдох	выдох
сгибать	разгибать
тепло	холодно и т.п.

Задание 8. Прочитайте поговорки, в которых есть антонимы, и объясните, как вы их понимаете.

Кто жить не умел — тому и помирать не выучиться.

Недосол на столе, а пересол на спине.

Старый что малый.

Старый старится, а молодой растёт.

Сытый голодного не разумеет и др.

Задание 9. Вспомните и приведите примеры пословиц и поговорок с антонимами на вашем языке.

Задание 10 (контроль). Заполните пропуски в таблице.

Каждый раздел пособия заключают контрольные задания, проверяющие уровень усвоения материала. Учебное пособие отвечает дидактическим

принципам доступности, системности в представлении учебного материала, учета уровня владения русским языком как иностранным.

Кроме контрольного задания, студентам предлагается выполнить тест в системе MOODLE, выбрав из пяти вариантов один правильный, таким образом, закрепляя лексический материал.

Вопрос	Варианты ответа
Укажите антоним к слову <i>напрягаться</i> .	А. усилить Б. нагнуться В. вставать Г. расслабляться Д. напрячься
Укажите антоним к слову <i>глубокий</i> .	А. тонкий Б. широкий В. короткий Г. длинный Д. поверхностный
Какое из слов является антонимом к слову <i>сытый</i> ?	А. малый Б. голодный В. большой Г. широкий Д. крупный
Укажите антоним к слову <i>заболевать</i> .	А. мечтать Б. гулять В. выздоравливать Г. выглядывать Д. мешать
Какое из слов является антонимом к слову <i>подъём</i> ?	А. верх Б. высота В. спад Г. подход Д. высь

Таким образом, данное пособие помогает обучить иностранных студентов-медиков пониманию и употреблению лексических единиц на примере антонимии в профессиональной сфере общения, способствует обогащению лексического запаса будущего врача, способного грамотно и адекватно выстраивать коммуникацию на иностранном языке.

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ БИЛИНГВА В ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (на материале русско-таджикского двуязычия)

Ключевые слова: национально-русский билингвизм, недифференцированное просторечие, ограниченная языковая среда, регионализм, речевой портрет, языковая ситуация.

Национально-русский билингвизм — отличительная черта языковой ситуации, характеризующей современное постсоветское пространство. Возникнув еще в Российской империи, данный тип билингвизма (в многонациональных регионах — мультилингвизма) утвердился благодаря тому, что в XX веке русский язык обрел статус государственного языка и языка межнационального общения, языка, открывающего широкие образовательные и культурные возможности, минимальный уровень владения которым определялся едиными стандартами школьного образования. Почти за четверть века со времени распада СССР русский язык прожил непростую историю своего утверждения в новом статусе, который далеко не везде определен на законодательном уровне, в условиях становления независимых государств. С изменением статуса русского языка за пределами метрополии изменился и речевой портрет его носителя. Сегодня это не обязательно представитель русского этноса, носителем может быть любой человек, владеющий русским языком как вторым в условиях билингвальной или мультилингвальной языковой среды; при этом владение русским языком по-прежнему остается важным условием социализации личности и реализации ее образовательной стратегии [Дианова 2011: 260].

В Таджикистане русский язык имеет закрепленный конституцией официальный статус языка межнационального общения, однако сферы его свободного функционирования постоянно сужаются. Русский язык преподается в школах как родной с первого класса и как неродной — со второго, однако далеко не все учащиеся имеют возможность изучать язык в школе из-за нехватки квалифицированных педагогов. Закон о государственном языке Республики Таджикистан (№ 553 от 05.10.2009 г.) регулирует приме-

нение таджикского языка во всех сферах жизни республики. Отсутствие в данном законе указания на роль русского языка как средства межнационального общения, на целесообразность его параллельного использования в делопроизводстве, законодательстве, средствах массовой информации и рекламе (в настоящее время указы президента, постановления публикуются де-факто на двух языках) привело к вытеснению русского языка из публичных письменных наименований и текстов: рекламные плакаты, слоганы, названия организаций и улиц даются исключительно на государственном языке, названия центральных улиц Душанбе дублируются только на английском.

Принятие государственной программы совершенствования преподавания и изучения русского и английского языков в Республике Таджикистан на 2004–2014 годы, а затем на 2015–2020 годы было направлено на совершенствование языкового образования, улучшение подготовки учащихся, а также на повышение квалификации педагогов. Сегодня востребованность русского языка в Таджикистане определяется возможностями, которые предоставляет обучение на русском языке по программам российских вузов в самой республике, в России, Белоруссии, Казахстане и в других государствах.

Национально-русский продуктивный билингвизм сегодня характерен преимущественно для жителей городов и крупных сельских поселений Таджикистана, население которого в 2015 году превысило 8,5 млн человек, причем этнические русские составляют менее 0,5%. Русский язык в Таджикистане является вторым (родным) языком не только для русских, но и для представителей национальных меньшинств (узбеков, киргизов, памирцев и др.), а также для таджиков, проживающих не в моноэтнических сельских поселениях. Замкнутость сфер функционирования, длительное межкультурное и межъязыковое взаимодействие позволяют говорить о том, что русская речь вне России имеет свои особенности, которые заслуживают внимания не только с позиции лингвиста, но методиста.

Среди особенностей речи русскоязычных таджикистанцев следует выделить, во-первых, широкое использование регионализмов — слов, отражающих явления региональной культуры, функционирующих на определенной территории, не отмеченных в толковых словарях литературного языка или имеющих в них специальные пометы [Кадоло 2011: 22]. К числу регионализмов, в том числе арабского, тюркского происхождения, относятся наименования национальных блюд (*кульча* — таджикская лепешка, *курутоб* — блюдо из овощей и молочной сыворотки и др.), органов самоуправления и административных единиц (*хукумат* — администрация городского райо-

на, *джамоат* — сельский совет), традиций и обычаев (*хашар* — совместный благотворительный труд, *никох* — свадебный обряд, предшествующий официальной регистрации брака, а иногда и заменяющий ее, *Иди Курбон* — традиционный мусульманский праздник Курбан-байрам) и др. Отличительной особенностью регионализмов является их некомментируемое использование в СМИ и устной речи: *Дехкане* района уже собрали урожай (= крестьяне, фермеры). *Накрыт праздничный дастархан* (= стол). *Именем писателя будет названа махалля на его малой родине* (= квартал). Во-вторых, орфографическая интерференция: в официальных текстах на русском языке очевидна тенденция к переносу таджикских норм правописания; ср. вытеснение традиционного *Ходжент* наименованием *Худжанд*, **Сирдарья* (вместо *Сырдарья*), **чайхона* (*чайхана*), **тонур* (*тандыр* — глиняная дровяная печь) и др. В-третьих, высокая степень клишированности публицистических текстов: в текстах русскоязычных журналистов есть значительное количество речевых штампов, перифраз, канцеляризмов; примеры языковой игры и стилистического новаторства единичны, что свидетельствует об ограниченности сферы публицистического дискурса в целом, преобладании письменных жанров публицистики. Журналисты опираются на усвоенный языковой багаж, продуцируют хорошо усвоенные устойчивые сочетания (*созидательный труд*, *труженики села* и др.), однако редко включают в свои тексты прецедентные высказывания, фразеологизмы, авторские метафоры. В условиях сокращения эфирного вещания на русском языке в Таджикистане, недостатка аналитических, образовательных теле- и радиопрограмм на русском языке, радиоспектаклей остро ощущается ограниченность образцов публичной устной речи; уменьшение доли российских СМИ в медиaprостранстве Республики Таджикистан привело к жанровому и языковому обеднению русскоязычной журналистики в целом.

Национально-русский билингвизм в Таджикистане неоднороден по сферам и объему использования языков. С целью изучить особенности речевого портрета двуязычных молодых людей, обучающихся на русском языке, в 2012–2014 годах было проведено анкетирование более 200 студентов-первокурсников филиала МГУ им. М.В. Ломоносова в Душанбе. Учащимся предлагалось ответить на ряд вопросов об использовании русского языка в разных сферах жизни, его изучении, испытываемых трудностях, оценить уровень владения русским языком и государственным языком, выполнить диагностический тест.

Было установлено, что 40% студентов в семейном и неофициальном общении в равной степени используют два или три языка, при этом более

половины опрошенных отметили, что отлично или хорошо владеют русским языком, и менее 20% указали, что свободно владеют государственным языком. Это позволяет говорить о **сбалансированном координативном билингвизме** респондентов. В таком случае русский язык чаще всего является одним из языков семейного общения нескольких поколений, языком школьного и послешкольного образования и служит для удовлетворения познавательных потребностей. Уровень владения русским литературным языком можно охарактеризовать как средний и выше среднего, а иногда как высокий, что позволяет молодым людям достаточно успешно решать учебно-профессиональные задачи. Отметим, что около 80% опрошенных — выпускники городских школ Таджикистана, поэтому обобщения будут справедливы применительно к данной категории респондентов. В число опрошенных не вошли студенты, слабо владеющие русским языком, поскольку при поступлении абитуриенты сдают вступительный экзамен по русскому языку, успешное прохождение которого свидетельствует о сформированности определенного уровня коммуникативной компетенции (как правило, в объеме В1 или выше по Общеввропейской шкале уровней владения иностранным языком).

Такие учащиеся уверенно владеют системой русского языка, не испытывают трудностей при выражении своих мыслей в устной и письменной форме, у них сформированы необходимые умения работы с текстом и базовые понятия о культурно-историческом наследии России и Таджикистана. К речевым недостаткам, отмеченным в их работах, следует отнести следующие:

- **Недостаточное различие нормативного и просторечного словоупотребления.** Функционирование русского языка в качестве средства устного межнационального общения накладывает отпечаток на формирование представления об образцовой речи. В условиях ограниченной языковой среды ведущей сферой использования языка становится недифференцированное просторечие — неразличение нейтральных и стилистически окрашенных языковых единиц, отсутствие сформированного представления о литературном языке и его стилях, а также о внелитературных формах национального языка.

- **Недостаточный активный лексический запас,** который приводит к неразличению синонимов, паронимов (*любопытный / любознательный, земляной / земельный / землистый, выработать / предложить решение* и др.); ограниченная терминологическая база.

- **Малый запас фразеологических единиц, крылатых выражений, оценочной лексики, трудности перефразирования.**

Суммируя сказанное, можно отметить, что отмеченные недостатки речи билингов со вторым родным русским языком связаны в первую очередь с ограниченностью сфер функционирования русского языка, а также с нехваткой примеров эталонного речевого поведения носителей языка.

Значительное большинство жителей Таджикистана владеют русским языком как неродным, то есть в разное время и в разном объеме изучали его в школе, имеют некоторый опыт общения с носителями языка, определенный культурный и языковой фон. Для представителей данной обширной категории таджикистанцев характерен **несбалансированный субординативный билингвизм** (или мультилингвизм), а значит, сфера функционирования русского языка незначительна. Чаще всего это люди, живущие в отдаленных сельских районах, имеющие основное общее образование и способные воспринимать несложную информацию на русском языке (понимание простых письменных и устных фраз, ограниченный лексический запас, значительные трудности в коммуникации). Однако для обучения на русском языке или профессиональной деятельности требуется более высокий уровень владения языком.

Согласно полученным данным, около 60% первокурсников владеют русским языком как неродным / иностранным: они обучались в школах на таджикском языке, русский язык не является языком семейного общения. Значительная часть этой группы учащихся отметила хороший или удовлетворительный уровень владения таджикским языком как родным и аналогично оценила свой уровень владения русским языком. Очевидно, субъективная оценка собственного уровня владения языком (родным или неродным) опирается на успешность / неуспешность коммуникации с целью решить определенные задачи общения в определенном наборе типичных ситуаций.

Результаты тестирования позволили отметить типичные трудности, с которыми сталкиваются представители данной группы. Во-первых, имеет место интерференция родного языка: ошибки в употреблении предложно-падежных форм имен (*Пишу с *ручкой*. *Купил билет для *поезд*), видовременных форм глагола и глаголов движения (*Летом мы любим *ехать* на дачу), нарушения в согласовании (**Был выявлен большой проблема*; **Состояние ситуации такова*), ошибки в именном и глагольном управлении. К интерференции родного языка относится также ряд фонетических особенностей в речи таджикских учащихся:

- смягчение согласных [ш], [ж];
- неразличение твердых и мягких согласных, а также гласных [и] — [ы] (противопоставление, отсутствующее в родном языке);

- произношение вместо заднеязычных согласных [г], [к], [х] глубоко заднеязычных (увулярных) согласных.

Во-вторых, происходит смешение однокоренных слов, однако, в отличие от ошибок, зафиксированных у первой группы и связанных со смешением синонимов и паронимов, здесь имеет место неразличение однокоренных слов разных частей речи (**Займствование слова активно входят в нашу жизнь*).

В-третьих, нарушается синтаксическая структура высказывания: ошибки при употреблении причастных и деепричастных оборотов, однородных членов предложения и однородных придаточных предложений и др. (**Девушки пошли в библиотеку, куда было много читателей. *Он обещал, а не пришел*).

В-четвертых, имеет место значительное влияние просторечия, что обусловлено функционированием русского языка как средства межнационального общения представителей различных этносов в Таджикистане. Неродной (русский) язык усваивается не только на школьных уроках, но и в ходе общения, в том числе с теми, для кого русский язык также не является родным. Важно, что в такой модели усвоения языка на первый план выступает содержательная сторона общения, тогда как лексической и грамматической правильности речи придается гораздо меньшее значение; иными словами, если ошибки не препятствуют коммуникации, то они оцениваются говорящими как несущественные. Однако в учебно-профессиональной сфере, когда требуется предельная смысловая точность речи, правильность и глубина восприятия звучащего и письменного текста, сформированный уровень коммуникативной компетенции учащихся с неродным русским бывает недостаточным. Исследование показало: около 40% первокурсников испытывают значительные трудности при самостоятельной работе с текстом: извлечение требуемой информации, ее переработка, составление собственного текста на основе прочитанного, в том числе вследствие отмеченных выше трудностей. Преодоление этих трудностей в рамках вузовского обучения требует особого методического сопровождения билингвальных студентов.

Установка на формирование профессиональной компетенции средствами русского языка предполагает дифференцированный подход к развитию коммуникативных умений и навыков учащихся с учетом ограниченной языковой среды. Внимание к характеристикам речевого портрета разных категорий национально-русских билингвов необходимо для организации эффективного обучения на русском языке.

Литература

Дианова Л.П. Актуальные проблемы межъязыкового взаимодействия // Вестник Университета МГИМО. Сер. 16. Языкознание. 2011. № 1. С. 260–264.

Кадоло Т.А. Региональная лексика как проявление поликультурности // Язык и культура. 2011. № 2 (14). С. 22–28.

И.А. Бойцов

Санкт-Петербургский государственный университет,

Санкт-Петербург

О ВАЖНЕЙШИХ СОСТАВЛЯЮЩИХ МОТИВАЦИИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

Ключевые слова: имиджевая характеристика, культурология, курсовое обучение, мотивация (инструментальная, познавательная), социокультурологическое анкетирование.

После известных общественно-политических событий в странах Центральной Европы на рубеже 1990–2000-х годов интерес к русскому языку заметно ослабел. Так, из венгерской, чешской, польской лингвистики, например, ушли многие видные русисты. Значительная часть русистов была вынуждена переквалифицироваться и начать преподавать в самых различных аудиториях более востребованные сегодня языки (английский, немецкий и др.). В результате общественно-политических изменений произошло резкое снижение мотивации к изучению русского языка всеми категориями учащихся, отклонение от личностно ориентированного обучения РКИ, падение профессионально-методической грамотности большинства преподавателей-словесников, многие из которых, сохраняя минимальную нагрузку по русскому языку в отдельных гимназиях и вузах (2–4 часа в неделю), длительное время не выезжали в Россию на курсы повышения квалификации, имели скромное представление об изменениях, происходящих в российской методической науке, не всегда в должном объеме владели знаниями о важнейших страноведческих и культурологических реалиях страны.

С середины 2000-х годов ситуация в этой области начала меняться. Так, например, в Российский культурный центр (РКЦ) в Будапеште, являющийся-

ся на протяжении десятилетий крупнейшим центром курсового обучения по русскому языку в Венгрии, целенаправленно начали поступать нужная научно-методическая и учебная литература, аудио- и компьютерные материалы из России по линии ФЦП «Русский язык». Впервые за долгие годы многим коллегам удалось побывать на курсах ФПК в ГИРЯ им. А.С. Пушкина, в СПбГУ и РГПУ им. А.И. Герцена, учебно-издательском центре «Златоуст». С середины 2000-х годов ежегодный прирост количества слушателей на курсах русского языка при РКЦ составляет более 150–200 человек в год. За последние годы количество слушателей курсов увеличилось более чем в 3,5–4,0 раза и превысило 1000 человек в год.

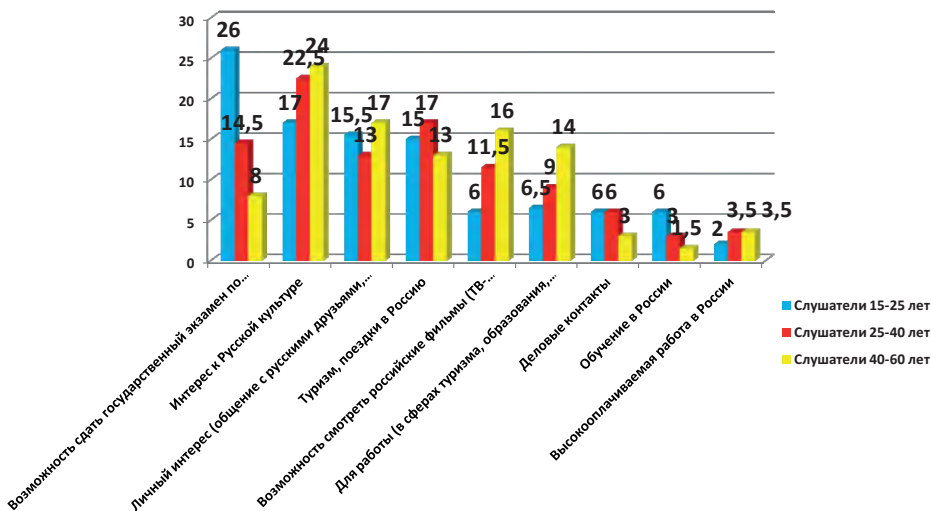
Как справедливо отмечает известный методист А.Л. Бердичевский [2006: 8–10], знание одного английского языка в современном мире является недостаточным, и зачастую иностранец стоит перед выбором, какой еще иностранный язык выбрать для изучения. Что является мотивом для его изучения? Ученый отмечает, что в наше утилитарное время иностранный язык должен прежде всего приносить личную пользу (читай: материальную выгоду).

Среди всех описанных методистами видов инструментальной мотивации обратим внимание на один из самых важных факторов — «применение языка в практической деятельности, связанное с коммуникативными потребностями личности» [там же: 12–14]. Есть множество областей человеческого познания, где особенно ярко проявляется информационная ценность нашего языка, которая заставляет прибегать к нему для достижения конкретных профессиональных целей: знакомство с передовыми технологиями, например в области космоса, самолётостроения, машиностроения, в отдельных отраслях техники, медицины, искусства и т.д.

В настоящее время список сфер взаимовыгодного российско-венгерского сотрудничества расширяется, и в Венгрии это открывает новые карьерные перспективы для людей, владеющих русским языком. Учитывая теоретические предпосылки описания мотивации при выборе русского языка, обратимся к результатам социокультурологического анкетирования слушателей курсов русского языка в Венгрии. Опрашивали учащихся, или впервые начинающих изучать русский язык, или уже когда-либо его изучавших непродолжительное время в условиях венгерской языковой среды и записавшихся в настоящее время курсы РКЦ по предлагаемым учебным программам.

Для более точного определения мотивации изучения русского языка все респонденты (всего около 500 человек) были разделены на три возрастные группы: 15–25 лет, 25–40 и 40–60 лет. Зачастую именно возрастные пока-

затели напрямую влияют на выбор иностранного языка. Так, при общем значительном интересе к русской культуре, понимаемой венграми очень широко, гимназисты и студенты в основном выбирают инструментальную мотивацию: русский язык этой группе слушателей необходим прежде всего для сдачи государственного экзамена по русскому языку (для последующего получения необходимых баллов для поступления в престижные вузы страны или за рубежом, для увеличения заработной платы и т.п.), а также для обучения в России, возможности быть в курсе российской жизни посредством просмотра программ по телевидению и фильмов, туризма. Более подробно специфика мотивации выбора русского языка венгерскими слушателями курсов представлена на рисунке.

Мотивация (сравнительные данные)

При анализе мотивации выбора иностранного языка нами было установлено, что для современного венгра (словака, чеха, поляка) важнейшую роль играет образ (имидж) страны, язык которой предстоит изучить. Общеизвестно, что именно в Венгрии проблема имиджа России представляет особенный интерес. Очевидно и исторически обоснованно, насколько негативным и однозначным должен был стать и, увы, стал образ России после всем известных событий в Венгрии, завершившихся трагедией 1956 года, и их последствий. Об этих событиях немало сказано более сведущими в этих

вопросах историками, политологами и социологами. Очевидно и то, что спустя более полувека после обозначенных событий имидж России, несмотря на феномен исторической памяти народа, неизбежно должен был измениться. И когда речь идет о стране таких масштабов, вызвавшей столько изменений в мировой истории, конечно, и ее образ и ее восприятие другими странами мира будут далеко не однозначными. В опросе участвовали учащиеся на курсах русского языка — в основном молодые граждане, которые не застали упомянутых трагических событий, но, скорее всего, вполне слышаны о них от представителей старших поколений. Кроме того, молодежь в Венгрии наиболее активно получает представление о России во многом, даже в основном, через европейские средства массовой информации, их субъективность и предвзятость передачи информации о нашей стране давно известны.

Тем не менее из анализа общих результатов проведенного опроса следует, что вопреки предположениям важнейшее место среди мотивов выбора русского языка для изучения по-прежнему сохраняется интерес к русской культуре у подавляющего большинства респондентов. Такой интерес к ней, с одной стороны, является стандартным объяснением самого процесса изучения языка: очевидный факт состоит в том, что, начиная изучать новый язык, мы открываем для себя новый мир, ведь как бы это ни было привычно в современном мире, все же удивительно, что контакт с миром, его восприятие, его анализ могут быть выражены на другом, неизвестном нам языке. С другой стороны, тот факт, что культура занимает в результатах опроса первое место, неудивителен и говорит и о том, что Россия все же ассоциируется со своим культурным наследием и великая русская культура составляет часть современного имиджа России.

Сравним ответы респондентов различных возрастных групп по ключевым словам, характеризующим имидж современной России. Какие понятия из области культуры были упомянуты слушателями? Среди слушателей от 15 до 25 лет находим только: *балет, Д. Билан, Чайковский, Пушкин, Кремль*. Слушатели от 25 до 40 лет упоминают такие имена, как *Солженицын, Высоцкий, Есенин, Толстой, Чехов, Улицкая* (к слову, отдельного анализа заслуживает удивительная близость творчества Людмилы Улицкой венграм, общность тем и стиля этого мастера и известных представителей венгерской литературы, а следовательно, популярность и известность Л. Улицкой в Венгрии). С некоторым смещением, но все же похожи результаты опроса слушателей от 40 до 60 лет. Здесь, например, любопытно появление уже ключевых слов-маркеров *толерантность, духовность, православие, демократия, цер-*

ковь, меценат и т.п., которые, скорее всего, являются результатом того, что слушатели в целом знакомы с русской действительностью.

При анализе большинства других выбранных венгерскими учащимися «имиджмаркеров» России все же трудно не отметить господствующую роль привычных стереотипов, присутствующих в сознании и передающихся из поколения в поколение у большей части венгров (ср. постоянно упоминаемые всеми категориями слушателей «ключевые слова»: *Путин, Медведев, Ходорковский, Политковская, лагерь, холод, Сталин, Ленин, Солженицын, шуба, водка, тоталитаризм, Газпром, ушанка, красивые девушки, агрессивность, наркомания, преступность, национализм, бедность, катастрофы, терроризм, коррупция* и т.д.; а в последнее время стали лидировать лексемы *сепаратисты, Крым, вежливые человечки, Украина, оккупация, сбитый «Боинг»* и т.п.). Стереотипизация, как известно, в большинстве европейских стран является ключевой проблемой отношения к России в наше время. Однако именно эта непохожесть, своеобразие, инаковость нашей страны продолжают выступать в западных, в том числе в центральноевропейских, СМИ постоянным информационным поводом сценарного поведения значительной части западных журналистов, разделяя страны по обычным стереотипам «мы» и «они». Автор многочисленных работ по русской культуре А. Силади подчеркивает, что «для обычного и типичного венгра образ России — это пока еще далеко не научное *образ*, не концептуальная конструкция, а лишь продукт политтехнологии, в первую очередь СМИ, продукт современной мифотворческой деятельности. Образ России существует только как отрицательный феномен, как отклонение от нормы, как нарушение правил: он представляет собой интерес лишь как чистая негативность, иначе он неинтересен. Интересна только “нескучная Россия”, только Россия скандалов, Россия постоянных катастроф и региональных войн» [Силади [2009]].

Окончательный демонтаж большинства распространенных и привычных для современного венгра (чеха, поляка) негативных стереотипов России в ближайшее время не произойдет, и к их числу даже прибавятся новые, отражающие непростые реалии перемен в нашей стране и за границей (события в Сирии, Ираке, Афганистане), пока в зарубежной прессе не будет принято два основных тезиса: **сегодняшняя Россия другая, и россияне все разные**. И на этом пути действительно трудно переоценить роль русского языка, являющегося единственным надежным орудием получения истинных знаний о нашей стране и ее признанном богатейшем культурном наследии.

Литература

Бакони И., Бойцов И.А. Актуальные вопросы преподавания русского языка в Венгрии // Современный язык: функционирование и проблемы преподавания. 2009. № 23. С. 7–13.

Бердичевский А.Л. Русский язык в современной Европе // Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания. 2006. № 20. С. 8–21.

Силади А. Россия – с центральноевропейским акцентом (из выступления на конференции в Центре русистики Будапештского университета им. Л. Этвеша) [2009] // Центр русистики. URL: <http://www.russtudies.hu/Aindex.php?menu=46&lang=r&hirid=290>.

Н.Г. Брагина

**Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
Москва**

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК: ГРАНИЦЫ ДОПУСТИМОГО

Ключевые слова: литературный язык, социокультурная норма, этностереотип, этнофолизм.

Среди традиционно выделяемых характеристик литературного языка: нормированность, вариативность, полифункциональность, коммуникативная целесообразность, престижность, стабильность и определенный консерватизм, три можно отнести к фильмам, сдерживающим легализацию новых явлений в литературном языке. Нормированность и консерватизм ограждают литературный русский язык от проникновения таких единиц, которые в конкретный исторический момент невозможно считать относящимися к языковой норме, а также от таких, которые недостаточно утвердились и закрепились в языке. Кодификаторы осторожно относятся к изменениям нормы, к новым явлениям, которые не имеют подтверждения в регулярных контекстных употреблениях.

Престижность литературного языка также выполняет функцию фильтра, например, словосочетания: *черное, крепкое, вкусное, сладкое... кофе* — являются нормативными, однако носители языка оценивают их как непрестижные и, соответственно, неправильные. Уже не по воле кодификаторов,

но на основании общественного мнения словосочетания, образованные по моделям: прилагательное среднего рода + *кофе*; глагол в прошедшем времени среднего рода + *кофе*, — оказываются как бы за пределами литературного языка. Таким образом, можно говорить о лингвистических и социокультурных ограничителях литературного языка.

В современной ситуации уместно поставить вопрос об этическом фильтре в отношении русского литературного языка. Речь идет об этнофолизмах и этностереотипах с пейоративной оценкой. Их можно отнести к языку вражды (ненависти), который в качестве многофункционального инструмента активно используется некоторым кругом лиц в современной коммуникации. При этом следует оговориться, что в настоящей статье рассматриваются в первую очередь те случаи, когда этностереотип закрепился в языке и стал либо объектом кодификации, попав в общие толковые словари, либо употребляется в художественных, публицистических и научно-популярных текстах и таким образом оказывается включенным в цитатный фонд современного русского языка. Иными словами, речь не идет о лексических единицах, которые кодификаторы относят к просторечию, сленгу и которые не включены в общие толковые словари.

Понятие «этический фильтр» здесь употребляется условно, поскольку ставится вопрос не о селекции этностереотипов, но о необходимости адекватного комментария для художественных произведений и о соответствующих стилистических пометках для этностереотипов, включенных в толковые словари. Такие единицы требуют не только лингвистического, но и социокультурного комментария, а также социокультурных лексикографических помет.

Более сдержанному вербальному поведению в публичном пространстве, в частности, могут способствовать выстроенная с апелляцией к социокультурным нормам система комментирования художественных текстов и социокультурные лексикографические пометы, например *неполиткорректно*.

Тема стереотипов не уходит из фокуса внимания исследователей уже несколько десятков лет. В рамках лингвистического подхода стереотипы рассматриваются как формы упрощения, обобщения и оценки, подчеркивается их нейтральность с точки зрения механизмов образования [Бартминский 2009: 11]. В отдельный класс при этом выделяются этностереотипы. В них прямо или косвенно выражается этноцентристская позиция, моделируется образ другого, чужого. Их природа, семантика, функционирование исследовались на материале народной культуры [Бартминский 2005; Белова 2005; Березович 2009]. Этностереотипы обсуждались в русле тем, связанных с се-

мантикой [Кобозева 1995], с фразеологией [Eismann 1999], с анализом различных дискурсивных практик [Лескинен 2009; Левкиевская 2009], с межкультурной коммуникацией [Кашкин, Смоленцева 2005]. Отдельно также рассматривались и классифицировались этнофолизмы [Грищенко, Николина 2006; Грищенко 2007].

Важным социокультурным свойством этностереотипа является то, что он моделирует оценочное (часто негативное) отношение к другому, чужому, образ которого всегда есть обобщение и упрощение. Это создает особое напряжение, которое может выливаться в конфликты. Этностереотипы по сути своей провокативны. Приведем несколько примеров.

Одно время в СМИ часто цитировался фрагмент из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Казачья колыбельная песня»:

По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползет на берег,
Точит свой кинжал...

Известно, что чеченские представители выражали протест в связи с этой цитацией. Кстати сказать, эта цитата иллюстрирует словарную статью «чеченцы» в толковом словаре [Толковый словарь 1935–1940]. Она приведена не полностью: слово *злой* в ней отсутствует.

В 2010 году по инициативе чеченской стороны в Грозном прошло судебное разбирательство, связанное с иском к издателям «Большой энциклопедии», которая была выпущена издательством «Терра». Резкое недовольство вызвали статьи, посвященные Чечне и чеченцам, которые были помещены в 58-й том энциклопедии. Сторона, предъявившая иск, посчитала оскорбительными некоторые высказывания о чеченцах, например: «...многие чеченцы за пределами Чечни вовлечены в организованные преступные группировки». В ходе разбирательства этого дела защитники энциклопедии апеллировали к энциклопедическому словарю Ф.А. Брокгауза и И.А. Евфрона, где также есть пассаж о грабежах как одном из основных родов занятий чеченцев. Защита также ссылалась на повести Л.Н. Толстого «Казачьи» и «Кавказский пленник». В одном из комментариев к статье об этом судебном деле был сформулирован вопрос: «А Лермонтова с Пушкиным чеченцы запретить еще не требуют?»

В начале 2014 года был предъявлен иск чукчей о защите чести и достоинства к составителям «Большого толкового словаря русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова. Поводом стало толкование слова *чукча*. В одном значении *чукча* определяется как 'представитель народности', во втором,

помеченном как разговорное, — ‘о наивном, ограниченном человеке’ [Большой толковый словарь 1998]. Очевидно, что составители словаря ориентировались на серию известных анекдотов про чукчу, цитаты из которых, например: *чукча не читатель, чукча писатель*, — вошли в речевую практику.

Члены Содружества общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока посчитали толкование по меньшей мере некорректным и подали в суд на составителей словаря. Истцы просили суд признать такое определение порочащим честь и достоинство чукчей. Кстати сказать, в электронной версии словаря на сайте gramota.ru это значение дано в более мягкой форме: ‘О наивном, простодушном человеке’ [Большой толковый словарь 2014].

В 2015 году, в конце июня, Facebook забанил сразу нескольких известных пользователей, которые упоминали в своих записях хохлов. Поводом, в частности, стали словосочетание: *несчастные хохлы*, а также цитирование стихотворения А.С. Пушкина, в котором есть такие строки:

Не торговал мой дед блинами,
Не ваксил царских сапогов,
Не пел с придворными дьячками,
В князя не прыгал из хохлов...

Это событие активно обсуждалось в Facebook. В комментариях пользователи апеллировали опять же к А.С. Пушкину, например: *А то, глядишь, ныне дикий тунгус подаст на А.С. Пушкина в гаагский суд ...)))*

Примеры показывают, что художественные тексты, в которых упоминаются этностереотипы и этнофолизмы, могут использоваться и как цитаты, и как повод для создания новых текстов с оценочными характеристиками какого-либо этноса. Они легализуют оценочные суждения об этносе.

Если обратиться к «Национальному корпусу русского языка», то можно найти много примеров употребления этностереотипов и этнофолизмов. Есть разнообразные употребления слов *хохол* и в современной и в классической литературе. Есть примеры употребления этнофолизмов, образованных с помощью суффиксов *-ишк-* / *-яшк-*, *-ишк-* и др., содержащих пренебрежительную или уничижительную оценку некоторых этносов (армян, татар, поляков, немцев и др.). Употребление слов *жид* и *еврей* с уничижительными характеристиками вообще заслуживает отдельного исследования. Употребление слова *цыган* в качестве этностереотипа — также.

В толковых словарях этностереотипы встречаются, но достаточно редко. В словаре под редакцией Д.Н. Ушакова у слова *цыгане* все выделяемые значения нейтральны. В толковании дериватов, однако, проявляются кон-

нотации: *Цыганить* (простореч.) 1. что и без доп. 'Просить, выпрашивать'. 2. кого-что. 'Издеваться над кем-чем-н.' (устар.) *Гражданского глупца дозволено ли мне с негодным рифмачом цыганить наравне? Баратынский* [Толковый словарь 1935–1940].

В словаре под редакцией С.А. Кузнецова также фиксируется глагол *цыганить*, у которого первым значением с пометой *Разг.* дано: 'Скитаться, бродяжничать; часто переезжать с места на место', а также: *Разг.* 'Назойливо выпрашивать, кланчить'. У слова *цыган* в словаре выделено три значения. Одно из них с пометой *Разг.-сниж.*: 'О бродяге, попрошайке' с иллюстрациями: *Жить ц.* *Больше ничего не проси, ц. какой нашелся.* У слова *цыганенок* с общей пометой *Разг.* также выделено три сходных со словом *цыган* значения. Одно из них: 'О постоянно что-л. выпрашивающем ребенке'. *Мой ц. выпросил игрушку. Расти цыганенком* [Большой толковый словарь 2014].

Слово *хохол* в словаре под редакцией Д.Н. Ушакова снабжен пометами: *дореволюц. разг. шутол., бран.* Приводится толкование: 'В устах шовинистов-великороссов — украинец' [Толковый словарь 1935–1940]. В словаре под ред. С.А. Кузнецова дана статья: *Хохол Разг.* 'Название украинца (первоначально уничижительное)'. *Типичный х. В деревне живет много хохлов.* < Хохлушка *Упрямая х. Симпатичная, дородная х.* *Хохлацкий* [Большой толковый словарь 2014]. Таким образом, согласно словарю под редакцией С.А. Кузнецова, современные употребления слова *хохол* можно отнести к разговорным, и они не содержат отрицательных коннотаций.

В словаре под редакцией Д.Н. Ушакова дано нейтральное толкование лексеме *поляки*: 'Народ, принадлежащий к группе западных славян и составляющий основное население Польши'. Однако иллюстративные примеры, приводимые в статье, большей частью не нейтральны: *Пожарский мчал, сквозь ужасы и пламя, свободу в Кремль по трупам поляков.* Жуковский. *Димитрием назвался и поляков безмозглых обманул.* Пушкин. *Русский народ под руководством Минина и Пожарского изгнал насильников-поляков из Москвы и из пределов русской земли* [Толковый словарь 1935–1940].

Этим летом я провела пилотное анкетирование среди школьников старших классов, студентов, аспирантов, молодых специалистов (преподавателей, библиотекарей, журналистов). Всего около тридцати человек. Они прослушали лекцию, посвященную этностереотипам, затем получили раздаточный материал с цитатами из художественных произведений, в которых были использованы этнофолизмы и этностереотипы: *хохол* и его дериваты; *чукча*; *цыган*, *цыгане*; *татарин*, *татары*; *чухонец* и его дериваты; *армянин* и его дериваты; *полячишка*; *немчура*. В общей сложности

49 примеров. Я просила оценить каждую цитату по пятибалльной шкале: 0 — текст нейтральный; 1 — слабая провокативность; 2 — средне-слабая провокативность; 3 — средняя провокативность; 4 — высокая провокативность; 5 — текст очень агрессивный и провокативный. Разброс баллов, а следовательно, и мнений был высок. Например, реакция на такую фразу: *Омолдаванившийся хохол в десять раз ленивее коренного хохла* (И. Аксаков. «Письма к родным». 1849). Больше трети респондентов оценили провокативность текста как нулевую, четыре человека поставили 1 балл, один человек — 2 балла, пять — 3 балла, четыре — 4 балла, три — 5 баллов. Фразу: *Плюнул на все, думаю, будь что будет, но чтобы я, русский человек, перед этим наглым полячишкой дрожал? Не бывает тому!* (М. Шишкин. «Всех ожидает одна ночь»), — большинство оценило на 3–5 баллов по степени провокативности. Около трети посчитали текст нейтральным либо слабо провокативным. Фразу: — *Дурак! Болван! Армяшка! Не замолчу! Дурак!* (А. Куприн. «Поединок». 1905) три человека отметили как нейтральную, пять человек — как слабо провокативную, три человека — как средне-слабую, остальные поставили баллы от 3 до 5.

Я также просила респондентов ответить на два вопроса. Первый вопрос: *Надо ли цензурировать те художественные произведения, в которых есть неодобрительное отношение к другим нациям?* Варианты ответов:

А. Все тексты авторские, они принадлежат истории, их аутентичность надо сохранить.

Б. То, что читатель прошлого мог воспринимать как (относительно) нейтральное, для современного читателя выглядит оскорбительным. Надо цензурировать наиболее провокативные места.

В. Цензурировать не надо, но надо снабжать специальными комментариями.

Г. Затрудняюсь ответить.

Д. Иное.

Большинство ответили на этот вопрос, поставив букву А. Несколько респондентов склонились в пользу комментариев. Один человек (студент-переводчик, 20 лет) посчитал, что цензура должна быть.

Второй вопрос был сформулирован так: *Нужно ли включать в современные толковые словари такие единицы, как «хохол» и другие, и выделять такие значения, как у слова «чукча» в толковом словаре под ред. С.А. Кузнецова?*

Варианты ответов:

А. Да, надо, так как это факт языка.

Б. Да, надо, но обязательно снабжать какой-нибудь пометой, например неполиткорректно.

В. Нет, не надо, т.к. это может быть оскорбительным в отношении этноса.

Г. Затрудняюсь ответить.

Д. Иное.

Здесь в ответах возникло некоторое замешательство, но большинство склонилось к варианту А. Пять человек выбрали вариант Б, четыре человека — вариант В, и трое затруднились ответить.

Собственно говоря, если делать очень предварительные выводы по данному опросу, то можно отметить, что этические нормы в отношении другого, чужого, иного в русской лингвокультуре не являются обязательными для соблюдения. Они в какой-то мере факультативны. Эта факультативность, с точки зрения многих, поддерживает некоторое равновесие, примерно по поговорке: *Не буди лихо, пока оно тихо*. Как написал один из респондентов, учитель, 27 лет: «Комментарий может натолкнуть на мысль об оскорблении, поэтому комментировать надо обдуманно, не все подряд». Он же оценил все предложенные в раздаточном материале тексты как нейтральные.

Однако равновесие, как кажется, довольно хрупко. Современность с ее активным обсуждением идей этноцентризма оказывается в конфронтации не только с современным же языком вражды (ненависти), но и с некоторыми историческими текстами, в том числе и с текстами русской классики. Для словоцентричной, литературоцентричной культуры, к которой, несомненно, принадлежит русская лингвокультура, это вопрос достаточно важный. Аутентичность текстов, безусловно, должна сохраняться. Однако лингвистам, лексикографам, филологам, вероятно, имеет смысл подумать о социокультурном комментировании и о лексикографических пометах, отражающих социокультурные нормы современного человека, носителя русского литературного языка.

Литература

Бартминский Е. Базовые стереотипы и их профилирование (на материале польского языка) // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре: Сб. ст. / Сост. и отв. ред. Л.Л. Федорова. М.: РГГУ, 2009. С. 11–21.

Бартминский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005.

Белова О.В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М.: Индрик, 2005.

Березович Е.Л. Этнические стереотипы в разных культурных кодах. // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре: Сб. ст. / Сост. и отв. ред. Л.Л. Федорова. М.: РГГУ, 2009. С. 22–30.

Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. М., 1998; 2014.

Грищенко А.И. Источники возникновения экспрессивных этнонимов (этнофолемизмов) в современном русском и английском языках: этимологический, мотивационный и деривационный аспекты // Активные процессы в современной лексике и фразеологии: Матер. междунар. конф. 8–9 июня 2007 г. Памяти Л.В. Николенко и Ю.П. Солодуба (МПГУ) / Гл. ред. Н.А. Николина. М.; Ярославль: Ремдер, 2007. С. 40–52.

Грищенко А.И., Николина Н.А. Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности / Отв. ред. И.Т. Вепрева, Н.А. Купина, О.А. Михайлова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. С. 175–187. (Труды Уральского МИОНа. Вып. 20).

Кашкин В.Б., Смоленцева Е.М. Этностереотипы и табуированные темы в межкультурной коммуникации // Культурные табу и их влияние на результат коммуникации. Воронеж: ВГУ, 2005. С. 246–252.

Кобозева И.М. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национального характера через анализ коннотаций этнонимов // Вестник МГУ. Филология. 1995. № 3. С. 102–116.

Левкиевская Е.Е. Эволюция стереотипа украинца в русском языковом сознании. // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре: Сб. ст. / Сост. и отв. ред. Л.Л. Федорова. М.: РГГУ, 2009. С. 53–71.

Лескинен М.В. Понятие «нрав народа» и этнические стереотипы в отечественной этнографии второй половины XIX века. // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре: Сб. ст. / Сост. и отв. ред. Л.Л. Федорова. М.: РГГУ, 2009. С. 72–82.

Толковый словарь русского языка. Т. 1–4 / Гл. ред. Д.Н. Ушаков. М., 1935–1940.

Eisemann W. Русские фразеологизмы в иноязычном тексте. Выражение и описание обычаев при формировании стереотипа о «русских» в описаниях немецких путешественников XVI–XVIII вв. // Фразеология в контексте культуры. М., 1999. С. 41–52.

ПРИМЕНЕНИЕ НЕЙРОДИДАКТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ЗАРУБЕЖНЫХ СТУДЕНТОВ (на опыте Лондонской школы русского языка и литературы)

Лондонская школа русского языка и литературы была одним из первопроходцев в создании программ и методик по обучению билингвов русскому языку за рубежом, включая саму систему школы зарубежного дополнительного образования для билингвов. Школа работает 18-й учебный год и постоянно совершенствует свои программы и методики, стараясь применять на практике эффективные инновационные методы обучения русскому языку и русской литературе, считая оба предмета неразрывными.

Школа приняла участие в европейских партнерских проектах Art is a basic human need (Neurodidactic answers to increasing social challenges), BILIUМ-Bilingual education. Проект «Нейродидактические ответы на увеличивающиеся социальные вызовы» оказался особенно интересным и полезным в нашей работе. Некоторыми практическими аспектами использования новых знаний о развитии и работе головного мозга применительно к процессу обучения наших студентов мы и поделимся с вами на данной конференции.

Влияние стресса на мыслительную деятельность. Известно, что стресс блокирует мыслительную деятельность человека, следовательно, перед интеллектуальной/учебной деятельностью обучаемым важно освободиться от гормонов стресса. Помогут музыка, движение, черный шоколад, горячие напитки, смех! Пример: в одном из прогрессивных учреждений в Турции на больших переменах устраивают танцы.

Выговор за ошибку сохраняет ошибку в памяти. Подчеркивание ошибок не помогает их исправить. Необходимо создать новый информационный блок, например переписать или произнести несколько раз правильно, желательно вызывая при этом эмоции.

Если вы оказываете давление на студентов, говоря им, что их достижения недостаточны, угрожая плохими оценками, вы не достигнете успеха, по-

сколько ваши студенты будут нейрохимически заблокированы. Если вы снова и снова повторяете обучаемым, что у них есть способности к предмету, который вы преподаете, вы будете вызывать у них выделение нейронных передатчиков; и даже те, кто испытывал трудности, начнут успевать (см. пункт «Эффект прайминга»).

Если вы критикуете ваших студентов, вы консолидируете участки их нейронов, отвечающих за критикуемое поведение, одновременно практикуя осуждаемое вами поведение в своем собственном мозге, то есть воспроизводите именно то, что считаете нежелательным. Это способствует запоминанию критикуемого поведения.

Если вы озвучиваете неудачи и слабости, выражая презрение, угрозы и запреты, «жесткий диск» выйдет из строя, так как человек получит стресс. Нужно ли критиковать студентов? Делайте вывод! Это также объясняет известный факт: постоянные жалобы на чьи-то определенные привычки делают нас самих предрасположенными к выработке этого нежелательного поведения. Наша постоянная борьба с ними ведет к росту и консолидации соответствующих нейронных карт в нашем мозге. Одновременно мы блокируем другие участки нашего мозга, которые могут содержать более желательное поведение. Если сказать вкратце, постоянные жалобы создают все больше и больше причин для жалоб. Лучше использовать этот эффект наоборот и сконцентрироваться на сильных сторонах людей, вызывая позитивные изменения вместо описанного порочного круга.

Угроза, обещание или поощрение? Противоположный эффект вознаграждения различных видов

Угрозы приводят к выработке нейронных блокаторов (глюкокортикоидов) лимбической системой и подавляют нейронные функции, необходимые для размышления (см. «Паника разрушает нейроны»). Очевидно, что это совершенно не подходит для стимулирования интеллектуальных усилий.

Подкуп и посул будущей награды не являются самыми эффективными способами стимулирования в нейрохимическом смысле, так как сама работа становится препятствием для получения обещанного. А что же действует лучше? Только позитивная последовательная поддержка выполняемой работы, постоянное поощрение являются правильным видом стимулирования, который поддерживает интеллектуальные процессы.

Обещание награды для поощрения образовательных усилий — один из наиболее часто используемых методов. Однако на неврологическом уровне он производит эффект, обратный ожидаемому. Это означает, что

выполнение работы будет связано с автоматическим выделением нейронных блокаторов, а плохие отношения с нелюбимыми предметами устанавливаются на долговременной основе. Обещание награды не вызвало внутреннего удовольствия от выполнения работы. Стимулирование гормонов вознаграждения (нейронных передатчиков) было связано с наградой, а не с работой.

В то же время обязательное поощрение оказывает поддерживающий эффект: выражение признания и восхищения каждым маленьким достижением связывает нейроны, отвечающие за работу, с центром подкрепления. Это улучшает связи внутри коры головного мозга путем выделения нейронных передатчиков, что вызывает хорошие чувства при упоминании данной работы. Вот почему нужно поздравлять студента с каждым крошечным достижением — это побудит его или ее сделать следующий шаг. От одного достижения к другому внутренняя мотивация успешно усиливает выделение нейронных передатчиков и мотивацию к учению даже у учеников с трудностями.

В заключение можно отметить, что, в отличие от вознаграждения в будущем, поощрение во время работы связывает нейронные передатчики с нейронами, соответствующими выполняемой работе. Следовательно, например, маленькие шоколадки и/или тихое музыкальное сопровождение вызывают выделение допамина и усиливают связи внутри коры головного мозга, а также удовольствие от выполнения работы. Это выработка классического условного рефлекса Павлова, согласно которому сама работа становится побудителем выделения допамина спустя некоторое время.

Более того, положительные сигналы или дружеский жест до начала работы, даже не связанные с ней, на самом деле также имеют значительное позитивное влияние (см. «Эффект прайминга»).

Запоминание. Наш мозг запоминает все новое, создавая нейронный центр информации. Когда мы получаем следующий блок информации, наш мозг пытается ассоциировать ее с тем, что мы уже знаем, сохраняя ассоциированную информацию рядом с первичным нейроном/нейронами. Все, что ассоциируется с новой информацией, сохраняется в связи с ней и всплывает в памяти одновременно или пошагово.

Первое предъявление информации является решающим. Приятный опыт сохраняется в лобовой части совместно с «трансммиттерами», однако негативный опыт сохраняется в висках в сопровождении гормонов стресса, сдерживающих нейронную активность.

Характер первой встречи и первого предъявления решает будущую судьбу информации (материала и т.п.). Что делать, если первое предъявле-

ние не было успешным? Как его «переписать»? Необходимо создать новый информационный блок!

Эффект мексиканской шляпы наблюдается, когда мы концентрируемся на каком-то аспекте. Для эффективности концентрации внимания наш мозг слегка подавляет мыслительную деятельность, не ассоциирующуюся с данной темой, как бы за полями «мексиканской шляпы».

Как только вы активируете нейрон, он автоматически активирует нейроны вокруг себя, одновременно подавляя все остальные участки путем выделения блокирующих веществ. Нейроны — это «жесткий диск», на котором хранится вся информация, запомнившаяся в контекстуальных картах.

Начало объяснения от общего к частному обеспечивает хранение деталей в единой системе и в тесной ассоциации между собой, что способствует быстрому вызову нужных деталей.

Если вы начнете с деталей контекста, будет трудно или даже невозможно суммировать их для получения окончательной общей картины.

Если, перед тем как перейти к деталям, начать с общего, запрограммируется автоматическая активация этих деталей в рамках контекста.

«Школа будущего» Михаила Казиника, судя по всему, опирается на данный нейродидактический эффект, поскольку информация предлагается учащимся ассоциативным, панорамным методом, ее как бы нанизывают на единый стержень. Аналогичные принципы мы пропагандируем и в нашей школе, хотя не так широко.

Мозг и двигательная активность. Педагогам важно знать, что в процессе формирования мозга мальчика в большей степени необходимо, чтобы тело двигалось, чем мозгу девочки. У мальчиков примерно на 25–30% больше мышечной массы, за координацию которой отвечает определенная часть нейронов в мозгу. Чтобы правильно развить эту часть головного мозга, мальчику важно разного рода движение. Позднее мыслительная деятельность взрослого мужчины опирается в том числе и на ту часть головного мозга, которая развивалась с помощью движения в детстве.

Эффект прайминга. Прайминг — особое воздействие при помощи апелляции к примитивным инстинктам человека с целью вызвать эмоциональное состояние (например, воздействие с помощью физического тепла, физического контакта или активация специфических ассоциаций в памяти). Позитивный прайминг ведет к росту новых нейронов. В педагогической практике эффект прайминга можно применять, чтобы вызвать готовность учащихся к наилучшему восприятию и последующему запоминанию нового материала.

Примеры говорят сами за себя:

1. Студентов разделили на две группы и перед тестом попросили поставить слова в предложениях в правильном порядке. Предложения одной группы состояли из слов с негативной коннотацией: *усталый, плохой, недружелюбный, уродливый* и т.д., а у другой группы включали такие слова, как *хороший, счастливый, легкий, красивый* и т.д. Вторая группа не только получила намного лучшие оценки во время теста (!), но и шла легко и быстро, явно была в хорошем физическом состоянии, чтобы отнести свои работы на другой этаж, в то время как участники первой группы еле-еле плелись с опущенными головами.

2. Доктора, которым после прихода на работу давали такие маленькие подарки, как конфеты, открытки и т.д., в течение нескольких дней, ставили диагнозы намного лучше по сравнению с докторами контрольной группы, которая ничего не получала (см. также «рыбная философия»).

3. Учащиеся, которых попросили написать несколько предложений о том, какой была бы их жизнь, если бы они были профессорами университета, получили намного лучшие оценки за сочинения по сравнению с другой группой, которую попросили написать об их жизни в качестве хулиганов. Первые были позитивно нейростимулированы (Bargh, Chen, Burrows 1996).

Итак, говорить и думать о плохих вещах нежелательно, это вызывает стресс, а следовательно, в итоге приводит к затормаживанию мыслительной деятельности. Если говорить и думать о приятном, напротив, стимулируется мыслительная деятельность.

Если вы придумаете комплименты: «О, тебе так идет это платье!», «Какая замечательная прическа!», «Как я рад тебя видеть!», «Я знал, что ты правильно ответишь!», «У тебя получится, я уверен!», «Твоя настойчивость просто замечательна!» и т.д., химические реакции в мозге студента «взлетят», когда он просто будет думать о вас во время выполнения домашнего задания.

Простая улыбка усиливает связи в коре головного мозга. Совет от Веры Ф. Бёркенбиль: «Если никто вам не улыбается, поднимите уголки ваших губ на 3 минуты. Это приведет к выделению дофамина среди других гормонов, и вы уже почувствуете себя лучше. (Стоит попробовать!)»

Отсюда, обязательное **условие эффективности любого учебного процесса** — создание позитивной, эмоциональной, вдохновенной атмосферы занятий. Данный принцип позитива должен быть в основе отбора материала для занятий. Максимум позитивных эмоций! **«Нет познания без эмоции** — это лак, сохраняющий в памяти информацию» (М. Лоренц).

Как сказал известный музыкант, педагог и искусствовед Михаил Казиник, автор «Школы будущего»: **«Главный двигатель к знаниям — это любовь»**. То, что человек любит, он хочет узать лучше. Далее, перефразируя педагога Леонида Кляйна, **главная цель занятий русским языком — привить студентам любовь к нему**. Любовь передается через эмоции и переживания самого педагога. Педагог сначала отбирает любимый, интересный материал, находит неожиданные для себя ассоциации и, пропуская через себя, с любовью передает его студентам. Не забудем и о сверхзадаче по Станиславскому: **что мы хотим, чтобы студенты сделали после нашего занятия? Какой результат в действии мы хотим получить?**

По материалам проекта «Нейродидактические ответы на увеличивающиеся социальные вызовы» при поддержке Европейской комиссии в переводе и редакции Ольги Брамли, Елены Гордеевой (Лондонская школа русского языка и литературы, Великобритания). Руководитель проекта — доктор Мария Лоренц (Германия).

Литература

Bargh J.A., Chen M., Burrows L. Automaticity of Social Behavior: Direct Effects of Trait Construct and Stereotype Activation on Action // Journal of Personality and Social Psychology. 1996. Vol. 71, N 2. P. 230–244.

Н.В. Бубнова
Военная академия войсковой противовоздушной обороны
Вооруженных Сил Российской Федерации
им. маршала Советского Союза А.М. Василевского, Смоленск

**ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ
СЛОВАРНОГО ТИПА
НА ОСНОВЕ РЕГИОНАЛЬНОГО МАТЕРИАЛА
КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ ЗНАНИЙ
И РАЗВИТИЯ РЕЧИ ИНОСТРАННЫХ
ОБУЧАЮЩИХСЯ**

Ключевые слова: вторичная языковая личность (инофон), имя собственное (оним), пособие словарного типа, региональный материал, фоновые знания.

Пособия словарного типа (ПСТ) составляют один из наиболее востребованных жанров современной учебной лексикографии, в том числе ориентированной на использование в практике преподавания русского языка как иностранного (РКИ). Актуальность разработки ПСТ в лексикографии начала XXI века обусловлена тем, что на фоне так называемого лексикографического бума «десятки переизданных и вновь созданных словарей и словариков заполняют книжные прилавки, но часто остаются невостребованными, поскольку и у учителей, и у учащихся не сформированы устойчивые навыки пользования словарной продукцией» [Козырев, Черняк 2000: 176]. На наш взгляд, особенно очевидна данная проблема для преподавателей РКИ, поскольку в данном случае ситуация осложняется тем, что информация в словарях (за исключением переводных) представлена на неродном для инофонов языке.

Разработка основных принципов создания и структуры ПСТ осуществлялась во второй половине прошлого столетия в Государственном институте русского языка имени А.С. Пушкина под руководством В.В. Морковкина. В частности, обоснование методики разработки ПСТ для иностранных обучающихся принадлежит Н.А. Максимчук, вслед за которой ПСТ мы называем «произведения учебной лексикографии, специфика которых заключается в целесообразном сочетании конституирующих признаков учебного словаря и традиционного практического пособия» [Максимчук 1986: 191].

Изначально ПСТ были ориентированы на описание терминологической лексики с целью оказать помощь иностранцам в изучении языка специальных дисциплин. На сегодняшний день жанр ПСТ оказался востребованным для представления самого разнообразного языкового материала в учебных целях. Так, например, И.А. Казачихина, исследующая коммуникативы как объект описания в ПСТ, отмечает, что, «с одной стороны, работа с пособиями словарного типа может стать начальным этапом в воспитании лексикографической культуры общества, так как содержательное и композиционное построение привычного для пользователей пособия создает ситуацию необходимости обращения к словарю. С другой — разработка теоретических и практических аспектов избранного нами жанра открывает новые возможности для более эффективного изучения и усвоения иностранного языка вообще...» [Казачихина 2008: 116].

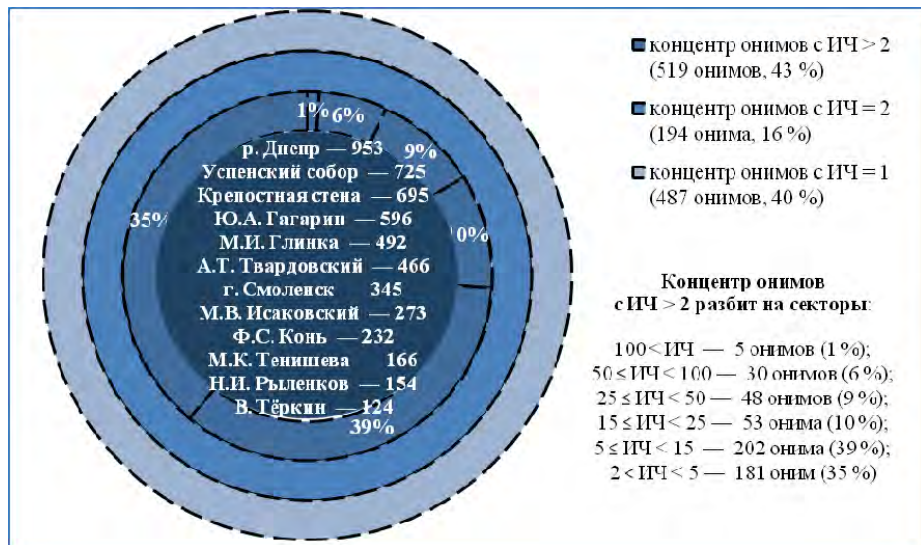
В настоящей работе рассмотрим возможности представления регионального ономастического материала в ПСТ, ориентированных на иностранных обучающихся. Положение о высшей степени лингвокультурологической ценности имени собственного является аксиомой для современной лингвистики; очевидно также то, что овладение сопряженной с онимом обширной лингвокультурологической информацией можно рассматривать как продуктивный способ приобретения фоновых знаний языковой личностью, в том числе попавшей в новую языковую среду. Региональные онимы по причине своей непосредственной близости к воспринимающей языковой личности могут иметь даже большее значение для ее формирования, чем имена собственные более высоких уровней (общечеловеческого и общенационального). Более того, для иностранцев региональные онимы выполняют функцию ориентиров в новом социуме, начиная с названий бытовых объектов (магазинов, учебных заведений и др.) и заканчивая историко-культурными онимами с последовательным погружением в их многоплановое лингвокультурологическое содержание (от названия памятника, музея и т.п. к информации о носителе имени). Можно сказать, что у иностранцев знания об «абстрактной» России формируются преимущественно посредством знаний о конкретном регионе, в который они «включены». Такая постановка вопроса усиливает актуальность исследования и лексикографического описания фоновых знаний, заключенных в ономастике определенного региона, в том числе для практического применения данных результатов в педагогической деятельности, в частности в методике преподавания РКИ.

Разрабатываемое нами ономастическое ПСТ основано на смоленском материале. Специфику ПСТ как жанра учебной лексикографии определяет

целесообразное сочетание корректного лингвистического описания языковых единиц и их учебно-методической интерпретации. Этим же обуславливается структура ПСТ, инвариантными элементами которой являются словарная часть (словарь) и учебно-практическая часть. Факультативно в ПСТ могут входить текстовая часть, справочная часть, методические рекомендации и др.

Основным способом отбора заголовочных онимов для словарной части ПСТ стал ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие 1650 респондентов. В начале эксперимента испытуемые заполняли анкету, содержащую следующие параметры: пол, возраст, место рождения, уровень образования, сферу профессиональной деятельности, время проживания на Смоленщине и место жительства (город Смоленск или один из районов области). Такой выбор респондентов обусловлен основной целью — выявить онимы, общезначимые для данного регионального социума и успешного функционирования в нем. Испытуемым было предложено в течение одной минуты записать имена собственные, с которыми у них ассоциируется стимул *Смоленщина* (см. подробнее: [Бубнова 2013]). Полученный материал был обработан, создана электронная база данных, включающая 1212 онимов-реакций (13 471 употребление). Анализ результатов показал, что онимы-реакции достаточно точно и полно отражают особенности рассматриваемого социокультурного пространства. В словаре представлены наиболее значимые выявленные имена различных разрядов: названия административных территорий области (25 районов) и их центров, названия основных рек, озер, населенных пунктов, событий, памятных мест и др., а также имена известных людей, родившихся на Смоленщине / связанных со Смоленским краем. К числу общезначимых имен относятся, прежде всего, ядерные смоленские онимы, названные всеми группами респондентов (для каждого онима указан индекс частотности реакций) (см. рисунок на с. 46).

По характеру лингвокультурологической информации выявленные нами онимы можно отнести к двум типам: 1) историко-культурные, формирующие фоновые знания культурного наследия, и 2) бытовые, составляющие актуальные фоновые знания (термины Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова). В ПСТ отражены онимы обоих типов. И носители языка и иностранцы могут посмотреть официальные наименования в краеведческой литературе, изучить на занятиях с преподавателем, но нередко иностранцы обращались к нам с вопросом о том, что называется Колхозкой, Крепостнухой и т.п., когда их смоленские товарищи назначали им встречи на Колхозной площади или возле Крепостной стены соответственно. Приведенный пример свиде-

Структура региональных ономастических фоновых знаний современных смолян

тельствует о том, что лаконичные и емкие неофициальные онимы в составы фоновых знаний молодых смолян вытеснили составные номенклатурные эквиваленты. Другой вопрос: как нам, филологам, относится к подобным наименованиям?

Особенностью структуры словарной статьи является выделение в ней нескольких словарных зон: зоны предметных сведений (ПС), зоны языковых сведений (ЯС) и зоны дополнительных сведений (ДС). Предметная зона включает сведения о носителе имени и строится в соответствии с типом и статусом заголовочной единицы. Элементами языковой зоны являются: акцентологическая, грамматическая, словообразовательная характеристики имени и сопутствующие сведения (о переходе имени собственного в разряд нарицательных, о его фразеологической ценности, об этимологии и др.). В зоне дополнительных сведений приводятся иллюстративные тексты (преимущество отдается смоленским авторам), литература для дополнительного чтения, другие сведения, входящие в ассоциативно-культурный фон имени. Такая организация словарных статей позволяет использовать словарь как справочное пособие для выяснения правильного написания, произношения и употребления имени собственного и его производных (в том числе в составе фразеологических единиц в их широком понимании), а также для получения общих сведений о носителе данного имени.

Представим реализацию предложенных принципов построения словарной части ономастического ПСТ на примере одного из ядерных смоленских онимов (здесь и далее содержащийся в словаре богатый иллюстративный материал опущен; курсивом выделены заголовочные единицы других входящих в состав словаря статей):

ТВАРДОВСКИЙ Александр Трифонович (1910–1971)

ПС: Поэт, родился на хуторе *Загорье* ныне Починковского района *Смоленской области*, в семье крестьянина-кузнеца. Печататься начал в 1924 году. Совместно с поэтами *М.И. Исаковским* и *Н.И. Рыленковым* основал смоленскую поэтическую школу. В 1936 году написал поэму «*Страна Муравия*», в годы Великой Отечественной войны — поэму «*Василий Теркин*», в 1960 году — поэму «*За далью — даль*». В 1987 году опубликовано итоговое произведение — поэма-исповедь «По праву памяти». Твардовский — поэт эпического склада. Его отличает прекрасное знание народной жизни, народного характера, родной природы; его стихи характеризует необыкновенная гибкость, близость живой разговорной речи, достоверность интонации («Про Данилу» (1937), «Я убит подо Ржевом...» (1946), «Памяти матери» (1965), «Я знаю, никакой моей вины...» (1966), «Июль — макушка лета» (1965–1967), «На дне моей жизни...» (1967) и др.). С именем Твардовского как редактора связан период расцвета журнала «Новый мир» (1950–1954, 1958–1970).

ЯС: род. Твардóвск|ого Алекса́ндр|а Трифо́нович|а, м.

◆ Что нужно, чтобы жить с умом? Понять свою планиду: Найти себя в себе самом и не терять из виду;

Нет героев от рождения, Они рождаются в боях;

Беспутная земля не то что хлеба, травки не уродит;

Как в двадцать лет Силенки нет, — Не будет, и не жди. Как в тридцать лет Рассудка нет, — Не будет, так ходи. Как в сорок лет Зажитка нет. Так дальше не гляди...;

Кто прячет прошлое ревниво, С грядущим явно не в ладу!;

Назначен срок всему: Здоровью — срок, удаче — срок. Богатству и уму;

Напрасно думают, что память, Смолчав, пройдет сама собой, Что ряской времени затянет любую быль, Любую боль;

Не до ордена — Была бы Родина;

Не та беда, что без вреда для совести и чести, А та, нещадная, когда Позор и горе вместе;

Смерть — она всегда в запасе, Жизнь — она всегда в обрез;

Хорошо тому живется, Кто хороший человек!;

Я жил, я был, за все на свете Я отвечаю головой.

Этим. Фамилия возникла в Польше или Белоруссии от топонимов Твардово, Твардовски, Твардовское (*польск.* *twardy* — ‘твердый, крепкий’). Пан Твардовский —

герой польской народной легенды, которая была хорошо известна на Смоленщине. Биографы А.Т. Твардовского полагают, что прозвище Твардовский заслужил дед поэта, чем-то напоминавший окружающим героя польской легенды; затем прозвище стало наследственной фамилией (Ю.А. Федосюк).

ДС: См. *тжж.* **Музей-квартира А.Т. Твардовского, Музей-усадьба А.Т. Твардовского, Памятник А.Т. Твардовскому, Смоленская областная универсальная библиотека имени А.Т. Твардовского, Улица Твардовского.**

В.В. Ильин. Не пряча глаз: Александр Твардовский. Литературное окружение. Творческие связи (Смоленск, 2000).

Учебно-практическая часть ПСТ направлена на раскрытие обучающих возможностей словарной части. На первом этапе может быть предложена серия заданий, обучающих пользованию словарем, например:

1. Познакомьтесь с перечнем условных знаков и обозначений, найдите в словарных статьях соответствующие им элементы.
2. Познакомьтесь со структурой словарных статей. Какая информация о заголовочном слове присутствует в каждой статье? Какая информация присутствует в полной словарной статье?
3. Найдите в словарных статьях примеры различных информационных зон. С помощью каких средств они выделяются? и др.

Выполнение подобных заданий обеспечивает свободное использование обучающих возможностей словаря и позволяет перейти к следующей группе упражнений, предназначенных для работы с предметной информацией.

Принципы расположения заданий во второй части могут быть различными:

- в соответствии с порядком следования словарных статей;
- по типу раскрываемой информации (предметной, грамматической и т.п.);
- в виде учебно-практических блоков, организованных вокруг словарного блока.

Приведем примеры заданий на материале представленного выше словарного блока *А.Т. Твардовский*:

1. Найдите словарную статью «А.Т. Твардовский» и выделите в ней языковые характеристики имени собственного.
2. В той же статье прочитайте сведения о носителе имени. Что вы о нем узнали?
3. Расскажите об особенностях жизни и деятельности А.Т. Твардовского, используя следующие опорные имена: М.И. Исаковский, Н.И. Рыленков, Василий Теркин.

4. Выпишите все имена собственные из данной статьи и перескажите ее содержание, используя выписанные имена.

5. Прочитайте знаменитые строки из произведений А.Т. Твардовского. Как вы понимаете их смысл?

6. С помощью условных обозначений и алфавитного указателя найдите все словарные статьи, в которых содержится информация об А.Т. Твардовском. Прочитайте эти статьи и скажите, как они относятся к А.Т. Твардовскому.

7. Посетите памятные места, посвященные А.Т. Твардовскому, и объясните, как вы понимаете слова поэта К.Ш. Кулиева об А.Т. Твардовском: «Художник с мудрым сердцем и чистой совестью, до последнего дыхания преданный поэзии, человек большого гражданского мужества и честности...»

Обобщающими работу могут быть следующие задания:

1. Используя материалы словаря, составьте вопросы для тематических кроссвордов «Знаменитые смоляне», «Памятные места Смоленщины», «Улицы Смоленска» и др.

2. Напишите микротекст на тему «Прогулка по Смоленску», «Мой любимый уголок Смоленска» и т.п.

Методическая интерпретация включенных в ПСТ сведений может быть весьма разнообразной в зависимости от целей и условий обучения. Организованные таким образом ономастические словари и ПСТ, совмещающие справочные и обучающие функции, могут быть весьма полезны для всех вступающих в новый региональный социум, как носителей языка, так и иностранцев.

Литература

Бубнова Н.В. Региональные ономастические фоновые знания современных смолян. Смоленск: Смоленская городская типография, 2013.

Казачихина И.А. Коммуникативы как объект описания в учебном пособии словарного типа // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 60. С. 115–119.

Козырев В.А., Черняк В.Д. Современная лексикография в образовательном пространстве // Актуальные проблемы русистики / Под ред. Т.А. Демешкиной. Томск, 2000. С. 173–179.

Максимчук Н.А. Лексические пособия словарного типа как особый раздел учебной лексикографии // Учебники и словари в системе средств обучения русскому языку как иностранному: Сб. ст. / Под ред. В.В. Морковкина, Л.Б. Трушиной. М., 1986. С. 190–197.

О РИТОРИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ РУССКОЙ РЕЧИ ДАГЕСТАНСКИХ СТУДЕНТОК

Ключевые слова: дагестанская студентка, риторические особенности, русская речь.

В современном красноречии риторической считается эффективная речь, которая должна убеждать собеседника или публику. В ораторской речи используются любые средства для достижения поставленной цели. В статье же мы акцентируем внимание на риторических особенностях русской речи дагестанских студенток, в которой нарушаются общепринятые речевые нормы. Это прежде всего выражается реализацией элементов маргинальности, которая нами рассматривается как реакция, с помощью которой студентки сопротивляются окружающей среде, вербально и невербально выражая свое несогласие с определенной пагубной новизной в коллективе, что связано с социально-экономическими преобразованиями в обществе. В этом аспекте интересным является наблюдение за русским речевым поведением дагестанских студенток, в котором наличествуют различные элементы, выходящие за рамки литературной нормы. В инструментарий, который мы условно называем риторическим, входят регионализмы и экзотизмы из автохтонных языков (*сагърай, арадеи, дерхъаб, тохтта, гъечЮ, чIанда, чIягъ, я руи, хъинсса, нух битIаги, ахъваз яда, вуч хъана* и др.), слова из арабского и других восточных языков (ср.: *шайтIан, манишалла, хайван, кайф, намус, кафир, салам, дуъав, садака* и др.), различные сленговые слова (ср.: *препод, сеструха, универ, тахан, окно, степуха, ботáник, шпора, вышка, комп, коммент, игнор* и др.), слова-паразиты (ср.: *например, короче, ну это, даже, значит, понимаешь, вот* и др.), реализация словесной агрессии (ср.: *лешка, крыса, балабол, индеец, тормоз, жук, деревня, тупая* и др.), средства невербальной коммуникации (различные интернациональные и дагестанские жесты, сопровождающие речь; выражение лица и др.), специфические дагестанские произношение и употребление слов (замена твердых и мягких русских согласных полумягкими консонантами, переход на «ты» в силу отсутствия обращения на «вы» в родных языках, гендерные различия в приветствиях и др.) и пр. Помимо этого, в речи дагестанских студенток про-

слеживаются те же отклонения от нормы, что и у студенток вузов любого центрального субъекта РФ (ср.: *звóнят, созвóнимся, афера, квáртиал, пóняла, катáлог, нáчала* и др.).

Русская риторическая речь дагестанской студентки постоянно обновляется жаргонной лексикой (ср.: *запарил, респект и уважуха, гудканул, наберу, фейс, ава, ноут, мэн* и др.), англицизмами (ср.: *forever, life, on-line, off-line, mobile, icq, please, good, cool* и др.) и мусульманской терминологией (ср.: *сабур, Коран, сура, хадис, аят, азан, имам, иман, намаз* и др.), большая часть которой получила второе рождение после перестройки и распада СССР. Использование в русской речи тех или иных слов зависит от восприятия девушкой значения конкретной лексемы, от интеллектуальной подготовленности, эрудированности слушающей или читающей. Поскольку дагестанский менталитет имеет свои характерные особенности, часто в русской речи студенток, обучающихся в поликультурной аудитории, мы находим слова, в которых выражается своеобразие местного национального колорита и среди которых присутствуют регионализмы и экзотизмы, непосредственно связанные с религией, ср.: *садака, ураза, курбан, байрам, адат, халал, харам, проповедь* и др.

В современную русскую речь дагестанок часто «вклинивается» (в положительном смысле) исламская терминология, использование которой во многом определяется идеологией и степенью воспитанности носителя языка (в основном билингва), в сугубо дагестанском или восточном стиле речи которого часто преобладают слова, связанные с религией. Исламская терминология как часть речи дагестанок стоит особняком в силу того, что она не привносит в язык того негативного, что характерно, к примеру, для жаргонизмов в русской речи. Это краеугольный камень в строительстве поликультурного речевого поведения в дагестанском многоязыковом поле, в характеристике современного мусульманского риторического идеала. Данный теологический концепт регулярно применяется в автологическом и металогическом аспектах в речах и текстах, используемых в студенческом риторическом общении на русском языке. Это подтверждается нашими наблюдениями за поведением студенток во время тренингов по риторике, что приводит к мысли о том, что в Дагестане число девушек, пользующихся чистой русской речью, увеличивается год от года [Ваджибов 2013: 4]. Тенденция такова, что в связи с возрождением религии стало намного больше девушек, желающих выполнять так называемую женскую работу и выступать только в роли матерей и жен. И в их речах обычно отсутствуют нелитературные формы русского языка.

Интересно то, как студенческая религиозная молодежь проявляет свою ментальность в различных форс-мажорных обстоятельствах. В первую очередь это умение вести себя сдержанно, тактично, отсутствие интолерантности в высказываниях, стремление к спокойствию, уважительное отношение к собеседнику, который настроен агрессивно, и пр. Стереотипное мнение о том, что речь всего дагестанского студенчества ненормативна, является ошибочным. Именно дискурсивное поведение человека в возрасте 17–22 лет, получающего высшее образование, показывает, насколько правильно общаются на русском языке молодые горцы. При этом, с точки зрения языковой нормы, у девушек речь более чистая, чем у юношей.

В последнее время мы становимся свидетелями того, как девушки прибегают к использованию новых интернациональных жестов, которые сопровождают эмоциональную риторическую речь. Такую речь следует называть смесью различных культур, которую мы считаем резонным в основном определять как *маргинальную* в силу того, что это культура, находящаяся на стыке, не европейская и не азиатская, и она вобрала в себя все необходимое и развивается по особому пути. В то же время назвать данный концепт укоренившейся смесью нельзя, так как в условиях глобализации устои молодежи постоянно подвергаются изменениям.

И.А. Стернин обращает внимание на то, что во время выступления перед женской аудиторией следует пользоваться индуктивной подачей материала — давать факты, а потом комментировать [Стернин 2003: 240]. По опыту работы знаем, как интересуются девушки-студентки реакцией окружающих на то или иное событие. При этом горянки выражаются эмоционально, т.е. дают экспрессивные комментарии. Кстати, в литературе читаем, что «...женская аудитория требует большей эмоциональности, чем мужская» [Каверин, Демидов 2004: 167]. Поэтому девушки оперативно отзываются о том, что услышали. «Для девушек в общении свойственна критичность, причем не только в оценке других, но и в оценке услышанного» [Алентикова 2015: 91]. Это касается любой беседы, в которой участвуют дагестанки.

Поскольку на гуманитарных факультетах в основном учатся студентки, творческие задания по риторике нацелены на определение именно их речевого поведения. В сочинениях девушки стараются использовать побольше эпитетов, что нехарактерно для юношей. При этом женской речи прежде всего свойственно сохранение в коммуникации норм и правил русского речевого этикета; обращение на «вы» в публичных местах и к незнакомым; вежливые слова и выражения, ср.: *Большое спасибо. Будьте добры... Здравствуйте!* и др. Юноши стремятся выражать мысли лаконично, а девушки

стремятся украшать свой дискурс прежде всего положительными или отрицательными эпитетами, ср.: *классный, бомбовый, грамотный, крутой, ужасный, гадкий, мерзкий* и др. В творческих работах юношей часто обнаруживается конкретика, чего не бывает у девушек. Все это составляет особенность речевого поведения студенток. Перед нами употребление пространных речей с приукрашенными выражениями как гендерное своеобразие женской коммуникации в отличие от точных и кратких мужских высказываний и пр.

При определении речевого поведения дагестанских студенток мы часто обращаемся к лексической игре «Угадайте ваш характер», предложенной В.И. Аннушкиным: «Эта игра задумывалась как лексическая игра — поздравление к одному из праздников. В ней записаны 130 женских качеств. Предполагается, что если вы назовете три цифры (например, 32, 69 и 112), то таинственным образом обнаружится ваш характер. Как правило, это так и случается, потому что в празднично-поздравительном пожелании существует элемент магического действия, когда пожелание имеет таинственную силу внушения именно тех качеств, которые вам называются. Во всяком случае, так всегда кажется, когда на занятии играют в эту игру...» [Аннушкин 2012: 78–79]. Похожее задание мы также разработали для гуманитариев: «Подготовьте список из 100 положительных эпитетов, которые вы часто употребляете в речи» [Ваджибов 2012: 70]. Желательно вспоминать эпитеты экспромтом. Тогда точно можно определить, насколько богата риторическая речь молодой учащейся дагестанки. После этого можно дать задание придумать словосочетания и предложения с подобранными эпитетами. Девушки быстрее справляются с таким заданием.

Важной особенностью речевой культуры дагестанских студенток является использование в речи гендерных факторов с целью убедить оппонента или мужчину. При этом акцент делается на эмоциональности применяемых средств в общении, ср.: *Я — женщина, а ты — мужчина; я права, потому что я мать; я слабая женщина! Не спорь с женщиной!* и др. Кстати, студентки данную мысль подчеркивают даже в эссеистике. Не случайно в литературе читаем: «Выбор степени экспрессивности задается главной целью эссе — убедить в необходимости встать на позицию автора, поэтому эта цель нивелирует гендерные отличия...» [Крейтер 2012: 144].

При выражении инвективы мужская речь большинства учащихся характеризуется обилием русских обсценизмов, которые стали для Дагестана частью интернациональной лексики и которыми пользуются не повсеместно, учитывая социальную и психологическую обстановку. Женская же речь отличается использованием эмоциональной лексики с отрицательной экс-

прессией и обращением к словам из восточных языков, ср.: *намуссуз, кафир, маймун, гьяйван, аждагья, шайтлан* и др. Часто девушки аргументируют ее применение, что выглядит убедительно. В последнее время мы становимся свидетелями того, как студентки прибегают к использованию новых интернациональных жестов, которые сопровождают эмоциональную риторическую речь.

В настоящее время не только мужчины, но и значительное количество девушек покидают Дагестан в поисках высокооплачиваемой работы и для получения качественного высшего образования, обучения редким профессиям. Женщины не только учатся, но и зарабатывают и обеспечивают свои семьи в силу возможности реализации собственных способностей и знаний, полученных благодаря высшему образованию. При этом отмечаем, что маскулинизация является частичной, потому что не все девушки принимают новое и отказываются от прежних традиций, когда семью должен был содержать мужчина. У А.К. Михальской находим интересную мысль: «Женщина, занявшая некую социально престижную, властную позицию, как бы вынуждена “брать взаймы” мужской речевой (риторический) стиль» [Михальская 1996: 84]. Нам кажется, что в Дагестане также появляются такие студентки, но при этом что-нибудь «брать взаймы» у мужчин эти отдельные девушки не собираются. Студентки-горянки присваивают себе то, что истари было свойственно мужчинам или юношам. В последнее время наблюдается стирание гендерных граней, что объясняется миграционными процессами, глобализацией и влиянием СМИ и Интернета. Такое мнение противоречит нашей прежней точке зрения: «С гендерной точки зрения речь дагестанских девушек-студенток, которые владеют двумя языками, можно считать культурной, т.к. она не засорена нелитературными словами из разных языков. Речь же обучающихся юношей-билингвов при общении между собой не может быть интересной, конструктивной, если она не насыщена жаргонными выражениями, а иногда обсценизмами и инвективой» [Ваджибов 2012: 22].

Нарушение некоторыми дагестанскими студентками принятых в обществе риторических норм объясняется плохим знанием русского языка, снижением всеобщей речевой культуры в социуме, отсутствием надлежащего семейного воспитания и т.д. Такое вербальное поведение в коммуникации рассматривается как исключение из существующих правил. По нашим наблюдениям, в процентном соотношении риторические отклонения обнаруживаются у минимального количества девушек-феминисток. Для них характерно использование в речи грубых слов в качестве инвективы, вуль-

гарности как речевой специфики современной коммуникации раскованной молодежи, перехода на «ты» в общении с незнакомыми или малознакомыми людьми из-за возможного влияния родного языка на русскую речь, излишней жестикюляции для придания статуса, важности информации или источнику сообщения и др.

Таким образом, с одной стороны, русская риторическая речь дагестанских студенток характеризуется обилием нелитературной лексики, применением в качестве дополнительных речевых аргументов современных модных слов и выражений из английского, арабского и тюркских языков, а также интернациональных жестов, а с другой — использованием дагестанских регионализмов и экзотизмов, которые подчеркивают, насколько удачно обращаются девушки к богатствам языка с определенной речевой интенцией, необходимой для достижения поставленной цели, а с третьей — соблюдением студентками риторических правил и речевых норм русского языка. В русской речи дагестанских студенток прослеживаются риторические особенности, которые связаны со спецификой традиционного общения в поликультурной аудитории с преобладанием представительниц мусульманской конфессии и глобализацией современного общества под влиянием СМИ, в том числе и Интернета.

Литература

Алентикова С.А. Гендерные особенности эффективного общения // Риторика в контексте образования и культуры: Матер. XIX Междунар. науч. конф., 29–31 января 2015 года / Отв. ред. И.Ю. Нефедова; Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина. Рязань, 2015.

Аннушкин В.И. Риторика. Экспресс-курс: Учеб. пос. 3-е изд. М.: Флинта; Наука, 2012.

Ваджибов М.Д. Дагестанский студент-билингв в условиях глобализации // Тезисы III Международной конференции «Проблемы формирования сбалансированного билингвизма» (Санкт-Петербург, 4–7 ноября 2012 г.). СПб.: Златоуст, 2012.

Ваджибов М.Д. Об одной тенденции в дискурсивном поведении части дагестанской студенческой молодежи // Язык и межкультурные коммуникации: Матер. IV Междунар. науч. конф. Вильнюс, Минск, 15–18 мая 2013 г. / редкол.: В.Д. Стариченок [и др.]; отв. ред. В.Д. Стариченок; Белорус. гос. пед.ун-т им. М. Танка. Минск: РИВШ, 2013.

Ваджибов М.Д. Риторика: Учеб. пос. для студентов-бакалавров гуманитарных специальностей. Махачкала, 2012.

Каверин Б.И., Демидов И.В. Ораторское искусство. М.: Юнити, 2004.

Крейтер К.М. «Я»-концепция в эссеистике // Риторика в новом образовательном пространстве: Материалы XVI Международной научной конференции (Санкт-Петербургский государственный Горный институт, 1–3 февраля 2012 г.). СПб., 2012.

Михальская А.К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике: Учеб. пос. для студ. гуманитарных факультетов. М.: Издательский центр «Academia», 1996.

Стернин И.А. Практическая риторика: Учеб. пос. для студ. высших учебных заведений. М.: Академия, 2003.

Н.В. Габдреева

Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева — КАИ, Казань

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ПРОЦЕССОВ СМЕШЕНИЯ В ЯЗЫКЕ ЕСТЕСТВЕННЫХ БИЛИНГВОВ

Ключевые слова: билингв, восприятие, вставки, заимствования, прототип, семантическая структура.

Билингвизм — весьма распространенная в мире языковая ситуация, языковое взаимодействие интересует ученых с различных позиций: процесс заимствования единиц разных уровней, дивергентно-конвергентные векторы развития контактирующих систем, модели смешения в исторической перспективе (адстрат, субстрат, суперстрат). В последние годы в лингвистике активизировалось направление, связанное с изучением языкового сознания симметричных и асимметричных билингвов. К этой теме обращались А.Р. Лурия, И.А. Бубнова, Ю.Б. Денисов, Т.В. Романова, Л.А. Этманова, О.В. Бернгардт.

В настоящей работе исследуются лингвистические особенности языкового сознания естественных билингвов в диахроническом аспекте и в современном состоянии на основе изучения отдельных лингвистических процессов. Лингвистическими единицами наблюдения и анализа послужила заимствованная лексика русского языка XVIII–XIX веков и современных аналогов. Непосредственным материалом явились художественные произведения, созданные билингвами, переводчиками и писателями: творчество А.С. Пушкина, его эпистолярное наследие — письма к жене на русском и французском языках [Пушкин 1986]; мемуары Е.Р. Дашковой [Россия 1990], написанные на английском языке в 1805 году и переведенные на русский, согласно завещанию, через 30 лет после ее смерти. К анализу привлекались современные переводы П. Зюскинда [2000], А. Гавальда [2010], публицистические источники, художественные тексты современных писателей-би-

лингвов, в частности романы, эссе, повести, рассказы — значительная часть произведений Дины Рубиной [2006; 2005; 2009], роман Киры Сапгир «Париж, которого не знают парижане».

Изучение билингвизма, или двуязычия, проводилось в различных аспектах: собственно лингвистическом, психологическом, социологическом и методическом (педагогическом). В нашей работе мы предприняли попытку в некоторой степени объединить лингвистическое и психологическое направления исследования билингвизма. В результате анализа имплицитных и эксплицитных лингвистических проявлений мы пришли к выводу: в структуре и содержании языкового сознания билингвов в XIX веке при условии полноценного двуязычия, поддерживающего функционирование обоих языков, а со второй половины века можно говорить о трех языках (русском, французском и английском), наблюдается смешение (полное или частичное) языковых кодов, рельефно проявляющееся на различных уровнях. Следует различать осознанное и неосознанное смешение. Первый тип смешения — явное, оно базируется на использовании элементов иностранного языка в русской речи и либо обуславливается асимметричной компетенцией, либо имеет стилистические функции и более всего проявляется в макаронической речи.

Неосознанное смешение, если рассматривать его в исторической перспективе, находит проявление в речи билингвов на различных уровнях. Проведем анализ межъязыковых лексических коррелятов, появляющихся при смешении на уровне семантики. Исследуемый нами материал позволяет сделать выводы и о смешении на уровне плана выражения, которое находит проявление в большом количестве вкраплений, или вставок, приводит к нивелированию (смешению) стилистических характеристик, функционированию семантических калек французских и английских фразеологизмов, устойчивых словосочетаний.

На уровне семантики смешение особенно ярко проявляется в межъязыковых лексических корреляциях. Так, Н.Б. Мечковская отмечает: «Любые похожие два слова разных языков при ближайшем рассмотрении оказываются нетождественными и по объему значений, и по месту в своей лексической подсистеме» [Мечковская 1996]. Приведем французские и русские примеры: *visite* — *визит*, *portrait* — *портрет*, *marche* — *марш*, *minister* — *министр*, *magazine* — *магазин*, *anecdote* — *анекдот* и т.д. В силу различной подвижности языков, т.е. изменений в лексических значениях, корреляции становятся асимметричными на определенном этапе: компоненты лексических значений совпадают лишь сегментарно (семы утрачиваются или воз-

никают новые, развиваются переносные значения, происходят различные модификации). Однако в сознании билингвов архаизация семы или семантического структурного звена в одном языке не отмечается вследствие регулярной поддержки прототипом второго языка. В результате межязыкового семантического смещения билингвы активно используют вышедшие из употребления в русском языке значения лексем. Так, у Пушкина и Дашковой отмечены следующие семантические архаизмы: *педант* ‘человек, имеющий широкие, но неглубокие знания’, *министр* в значении ‘посол’, *анекдот* в широком значении ‘происшествие, любопытная история’, *артист* ‘писатель, поэт, деятель искусства’, *гастроном* ‘гурман’ и некоторые другие. Приведем примеры: «Посетил меня шведский уполномоченный, *министр* Нокен, собравшийся оставить Петербург» [Россия 1990: 216]; «В любви считаюсь *инвалидом*, Онегин слушал с умным видом...» [Пушкин 1977: 126]. Как уже отмечалось, на первоначальном этапе эти заимствованные слова функционировали в русских текстах в указанных выше значениях, унаследованных из английского и французского языков, на что указывает синхронная словарная фиксация [Словарь 1796; Dictionnaire 1777]. Однако впоследствии происходит архаизация первичных значений в русском языке, заимствования семантически меняются: *кабинет* в XIX веке — это комната для уединенных письменных занятий, у лексемы *артист* доминирует театральное значение, у лексемы *анекдот* произошло сужение семантического поля ‘смешная история’, *водевиль* — это ‘сатирическая пьеса’, *инвалид* ‘не просто ветеран, а получивший увечье в баталии’. Несмотря на то что русские словари не отмечают редуцированных значений либо дают помету *Устар.*, в русских текстах, создаваемых билингвами, семантические архаизмы продолжают активно функционировать. Приведем примеры: «Разсказывают *анекдот* о неприличной безцеремонности Кауница относительно одного знаменитого лица» [Россия 1990: 171]; «*Анекдот* о трех картах сильно подействовал на его воображение» [Пушкин 1986: 551]. Поскольку в английском и французском языках рассматриваемые значения не устаревают, сохраняются и в современном состоянии, в языковом сознании билингва, по-видимому, происходит смешение, продлевающее жизнь семантическим архаизмам XIX века в русском языке. Отметим, что в сознании билингва фиксируется полная семантическая структура, которая соединяет значение редуцированное (прототипическое) и значение трансформированное, то есть в текстах функционирует, например, *кабинет* в значениях ‘комната для занятий’ и ‘собрание, коллекция’, слово *инвалид* отмечается у Пушкина в пределах одного произведения и в значении ‘ветеран’, и в значении ‘увечный’.

Аналогичный механизм действует в отношении семантических и — реже — лексических неологизмов, поскольку, как мы уже отметили выше, в сознании фиксируется полная парадигма значений у слова в обоих языках. Так, в XVIII веке появились *тамбурин* в значении ‘танец’ и ‘музыкальный инструмент, под который он исполнялся’. В современных переводах отметим семантический неологизм *парфюмер* в названии знаменитого романа П. Зюскинда.

Слово *парфюмер* (от франц. *parfumeur*) в современном русском языке, по данным словарей: 1. работник парфюмерного производства; 2. торговец парфюмерными товарами (устар.). Французское слово *parfumeur* мотивировано сущ. *parfum* ‘запах’ (ср. известная поговорка *Le repas sans fromage c'est une rose sans parfum* — Еда без сыра — это роза без запаха), т.е. это нюхач, если не принимать во внимание русские коннотации. В русском языке тематическая группа, связанная со словом *парфюм*, имеет сему ‘косметический, искусственно полученный запах’ и по сравнению с прототипом (фр. *parfum* ‘запах вообще’) характеризуется семантическим сужением понятийного поля. Таким образом, в названии знаменитого романа П. Зюскинда в переводе Э. Венгеровой, на наш взгляд, не совсем корректно используется лексема «Парфюмер». Человек, который весь мир воспринимал только через запах, в русском переводе назван парфюмером, что искажает и замысел автора, и идею романа, единственно может рассматриваться как гигантская метафора, поскольку некоторое время он занимался изготовлением духов. Другой возможный переводной аналог — *дегустатор* — в современном русском языке связан с семантикой вкусового апробирования.

Если говорить о лексических неологизмах заимствованного происхождения, вероятность их появления в речи билингвов значительно выше, нежели у других носителей. Обратимся к французским переводам конца XVIII века, в период господства пуризма (см. работы Б.А. Успенского, В.М. Живова). Нами отмечены новообразования *квиегист*, *пэр*, *шоссе*, *жалюзи* и др., которые, кстати, имеют значительно более позднюю лексикографическую фиксацию. В XIX веке именно через переводы (результат творчества билингвов) проникают лексемы *метис*, *флакон*, *меню*, *профанация* и др. Лексикон современных билингвов (опять-таки при равноценном функционировании языков) также значительно шире за счет тезауруса второго (третьего) языка, который активно используется в самых разных целях. Так, в произведениях Д. Рубиной функционируют не фиксированные современными словарями лексемы *лобби*, *ретабло*, *дьюти-фри*, *апартамент*; в текстах об Испании — *сверра*, *твентос*, *кантаор*. В романе К. Сапгир отмечены неологизмы *белон*,

граветт, *марен* (разновидности устриц), *пинар* (кислое дешевое французское вино), *лупанар*, *кантина* (столовая), *ремюаж* (операция в винопроизводстве), *габель* (налог, включенный в цену соли), *либертинаж* и др.

Значительное количество французских новообразований содержится в переводах повестей и романов А. Гавальда. Перевод названия романа *La consolante* (букв. утешение) уже являет собой соединение двух способов элиминации лакуны и заключается в использовании детерминированного контекстом наращения «Утешительная партия игры в петанк». Следует сказать, что данная игра, представляющая собой разновидность игры в шары на открытой площадке, широко распространена в Европе, практически неизвестна русскому читателю, о чем свидетельствует отсутствие лексемы в современных словарях иностранных слов. В ткани перевода, кроме описанного слова, отмечены и многие другие, гетерогенные по структуре, написанию, функциям. Можно выделить композиты, бинарные образования *ар-нуво*, *йе-йе* ‘музыкальный стиль’, однослова (*флеш* ‘построение военных войск в форме стрелы’, *маскароны* ‘вид статуй’), семантические неологизмы (*водевили* ‘игра’, *аккомпанемент* ‘сопровождение’), а также нетранслитерированные элементы — названия компаний, фильмов, французских песен, магазинов, церквей и ресторанов, героев книг (*Air France*, *Big*, *Dupont* и *Dupond*).

Таким образом, психические механизмы хранения функционально равнозначных языков в сознании естественных билингвов, обеспечивающие процесс речевой деятельности, определяют полное или частичное смешение языковых кодов, которое находит эвентуальное выражение в плане выражения и плане содержания межъязыковых лексических корреляций при условии социальной равнозначности языков. Данное положение может быть в какой-то степени экстраполировано и на современную ситуацию при функциональной неравнозначности языкового окружения. Вынесенная в заголовок тема является частью большой и многоаспектной проблемы, которая включает в себя ряд взаимосвязанных подтем. Так, требуют отдельных практических и теоретических исследований конкретные вопросы: на каком языке происходит речемыслительная деятельность у билингвов? какие проявления смешения наблюдаются и насколько они явны при генетически родственном билингвизме? насколько отличаются процессы смешения, их феноменология и механизмы при асимметричном владении языками? Любопытным, на наш взгляд, является следующее высказывание Пушкина о процессе речемыслительной деятельности в XIX веке: «Вот уже, слава богу, лет тридцать, как бранят нас, бедных, за то, что мы по-русски не читаем и не умеем (будто бы) изъясняться на отечественном языке. Дело в том, что мы

и рады бы читать по-русски; но словесность наша не старше Ломоносова и чрезвычайно еще ограничена. Мы принуждены все, известия и понятия, черпать из книг иностранных, таким образом и мыслим» [цит. по: Габдреева 2011].

В настоящей статье предпринята попытка проанализировать различные стороны процесса смещения, однако очевидно, что сами проявления на разных уровнях должны быть подвергнуты тщательному исследованию.

Литература

Бернгардт О.В. Взаимовлияние языков в речи детей-билингвов // Актуальные проблемы методики преподавания языков: Матер. межвуз. науч.-практ. конф. Елабуга, 2008. С. 35–38.

Бубнова И.А. Значение слова как единица индивидуального сознания (психолингвистический аспект) // *Вопр. психолингвистики.* 2007. № 5. С. 13–20.

Винарская Е.Н. Сознание человека (Взгляд с научного перекрестка). М., 2007.

Габдреева Н.В. История французской лексики в русских разновременных переводах. 2-е изд., испр. и доп. М.: Лененд, 2011.

Денисов Ю.Б. Специфика языкового сознания в контексте различных лингвокультур: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.

Лурия А.Р. Язык и сознание / Под ред. Е.Д. Хомской. Ростов н/Д.: Феникс, 1998.

Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. М., 1996.

Романова Т.В. Языковое сознание молодого россиянина // *Мир русского слова.* 2009. № 2. С. 60–67.

Этманова Л.А. Психолингвистические особенности языкового сознания естественных билингвов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.

Источники

Гавальда А. Утешительная партия игры в петанк: роман. М., 2010.

Зюскинд П. Парфюмер / Пер. Э. Венгеровой. М., 2000.

Пушкин А.С. Евгений Онегин. Драматические произведения. М., 1977.

Пушкин А.С. Письма к жене. Л., 1986.

Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии Герцена и Огарева. Записки княгини Е.Р.Дашковой, писанные ею самой / Перевод с английского языка: Репринтное воспроизведение. М., 1990.

Рубина Д.И. Белая голубка Кордовы. М., 2009.

Рубина Д.И. Когда же пойдет снег? Повести и рассказы. М., 2005.

Рубина Д.И. На солнечной стороне луны: Роман. М., 2006.

Словарь французских речений первообразных... иждивением и трудами Ильи Яковкина. СПб., 1796.

Dictionnaire de l'Academie française. Nouvelle édition. Lion, 1777. Т. 1–2.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГЕНДЕРНЫХ МОДЕЛЕЙ ДЛЯ АНАЛИЗА ТЕКСТОВ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Ключевые слова: гендер, гендерная модель культуры, матриархатность, патриархатность.

Гендер — это инвариантный конструкт, реализующийся в границах определенного лингвокультурного пространства в маркированных по признаку пола:

- вербально-семантическом ярусе языка;
- сфере когнитивных феноменов, представленных понятиями, концептами, идеями, стереотипами, складывающимися в гендерную картину мира, отражающую иерархию ценностей;
- прагматической сфере, включающей цели, мотивы, интересы, установки и интенции [Герасименко 2009: 16].

В сфере гендера пространство культуры формирует систему ценностей, запретов и правил, образцов поведения, вырабатывает определенные гендерные модели, пронизывающие семантическую сеть национального языка.

Мы исходили из того, что патриархатная и матриархатная гендерные модели культуры строятся на иерархическом принципе соотнесения оппозиции «мужское» / «женское» и коррелируют со стандартами оценок, эталонами/квазиэталонами, символами, характерными для данной лингвокультурной общности. Гендерные модели пронизывают семантическую сеть языка и проявляются в его структурах.

Коннотативное пространство данной лингвокультуры есть совокупность/форма хранения фиксированных в знаках вторичного семиозиса семантических признаков, существенных для представителей данной культуры и демонстрирующих представления, ею опосредованные. «Узлами» коннотативного пространства являются коррелирующие с коннотативными семантическими признаками внутренние формы знаков вторичной номинации как ключевые символы данной лингвокультурной общности.

Проанализировав и сопоставив дескриптивную и коннотативную семантику имеющихся в текстах русской культуры вторичных номинаций мужчин и женщин, мы выстроили оппозицию, главным результатом которой

является принадлежность номинации патриархатной или матриархатной гендерной модели лингвокультуры.

Нами установлено, что базовой гендерной моделью русской лингвокультуры является патриархатная модель (в силу патриархатности русской и в целом европейской культуры), однако матриархатный миф также важен для русской лингвокультурной общности. Это положение дел просматривается в исследованных текстах русской культуры.

В результате применения к произведениям схемы анализа с учетом особенностей гендерных моделей культуры установлено, что в текстовой ткани репрезентируются преимущественно гендерные представления и стереотипы патриархатной модели культуры, относящиеся к референту *женщина*. На втором месте по численности находятся репрезентации, связанные с представлениями о мужчине в той же модели. Матриархатная гендерная модель представлена более слабо [Герасименко 2012: 37].

Мотив служения, подчинения, покорности олицетворяют гендерно маркированные стереотипы женского поведения в патриархатной модели культуры. В патриархатной гендерной модели мужчина часто играет роль соблазнителя, а женщина рассматривается как добыча, которая после охоты на нее становится ненужной, малозначимой, неинтересной. Женщина в патриархатной модели культуры — хранительница домашнего очага, ей отводится роль заботливой хозяйки, матери, не имеющей интересов вне пределов дома. В патриархатную картину мира вполне вписывается не только покорность, подчинение женщины, но и унижение, доходящее до потребности в самоуничтожении.

Следует отметить, что соотношение гендерных моделей в художественном тексте можно рассматривать в качестве особенностей авторского идиостиля писателя. Изменение положения женщины относительно культурной гендерной модели (например, *бедная девочка* → *роскошная богиня* в романе «Евгений Онегин») в творчестве А.С. Пушкина воплощает любимую поэтом идею возмездия. Бедная, влюбленная, самоотверженная, готовая на преодоление любых препятствий ради любви *девушка*, потерпев от обидчика унижение, превращается в *священную матрону*, которая в силах и во власти наказать, уничтожить умалившегося, ставшего подвластным обидчика.

Напротив, матриархатная гендерная модель со свойственными ей стереотипами (*женщина есть существо небесной чистоты, достойное особого поклонения и почитания*) в интерпретации Л.Н. Толстого разрушается, и в его дискурсе доминируют патриархатные гендерные стереотипы: *женщина*

есть самка ('носительница животного начала'), дьявол ('толкающая на грех, в бездну греха') [Герасименко 2014: 98].

Дискурсивный анализ текстов художественных произведений русской классики позволяет обнаружить базовые гендерные модели русской лингвокультуры.

Литература

Герасименко И.Е. Коннотативная семантика единиц языка в аспекте гендерной лингвистики: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009. 48 с.

Герасименко И.Е. Гендерные модели в текстах русской культуры (на примере романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» и повести Л.Н. Толстого «Крейцера соната») // Исследовательский потенциал молодых ученых: взгляд в будущее: Сб. матер. VIII Всерос. науч.-практ. конф. аспирантов, соискателей, молодых ученых и магистрантов. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2012. С. 37–40.

Герасименко И.Е. Лингвистическая репрезентация патриархатных представлений о женщине в повести Л.Н. Толстого «Крейцера соната» // Наследие Л.Н. Толстого в гуманитарных парадигмах современной науки: Материалы XXXIV Междунар. Толстовских чтений. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2014. С. 95–98.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЯЗЫКОВОГО СМЕШЕНИЯ В РЕЧИ БИЛИНГВОВ-ТЮРКОФОНОВ

Ключевые слова: неисконная русская речь, языковое смешение.

Круг явлений, который охватывает понятие «неисконная речь», неоднороден. Ее состав можно определить как гетерогенный, факторы, влияющие на формирование, разнообразны. Мы рассмотрим один из аспектов этого широкого понятия. Итак, к неисконной русской речи можно отнести и речь билингва. Билингвизм — достаточно регулярное и естественное употребление одним человеком двух языков в повседневной жизни. Говоря о родном языке билингва, мы имеем в виду «тот язык, в окружении которого человек родился и вырос, на котором формировались его сознание, мировоззрение и с которыми связаны его представления и понятия об окружающем мире» [Описание 2015].

Два языка обычно бывают сформированы у человека в разной степени, поскольку не бывает двух совершенно одинаковых социальных сфер действия языков и представленных ими культур. Поэтому в определении билингвизма отсутствует требование абсолютно свободного владения обоими языками. Если один язык не мешает второму, и этот второй развит в высокой степени, близкой к владению языком носителя языка, то говорят о сбалансированном двуязычии. Тот язык, которым человек владеет лучше, называется доминантным; это не обязательно первый по времени усвоения язык. Соотношение языков может измениться в пользу того или иного языка, если будут созданы соответствующие условия: один из языков может частично деградировать (языковая атриция), перестать развиваться (фоссилизация), вытесниться из употребления (смена языка), забыться, выйти из употребления (языковая смерть); либо, наоборот, язык может возрождаться (ревитализация), поддерживаться (сохранение), доводиться до уровня официального признания и употребления (модернизация). Эти положения касаются не только отдельных говорящих, но и языковых сообществ [Волков 2010:3].

Двуязычие, или многоязычие, формируется у детей, если семья живет в иноязычном окружении или родители говорят на разных языках, т.е. в смешанных браках. У билингвов (полилингвов) могут наблюдаться явления интерференции (отрицательного влияния первого языка на второй) и трансфера (положительного переноса навыков одного языка на другой). Когда человек долго не пользуется одним из известных ему языков, то говорят, что он «спящий» билингв. Если говорящие пользуются попеременно то одним, то другим языком, то говорят о переключении кода. Причинами заимствований лексем, грамматических форм или синтаксических конструкций из другого языка являются недостаточная компетентность в одном из языков или, наоборот, стремление наиболее точно отразить свою мысль, доказательство групповой солидарности и принадлежности, усталость и иные психологические проявления.

Смещение языкового состава происходит на разных уровнях: в фонетике, в лексике, в морфологии, в синтаксисе.

Смещение на уровне лексики. Одно из проявлений естественного билингвизма — межъязыковое смешение лексики. Говоря на одном языке, билингв употребляет в своей речи слова из другого известного ему языка. Смешение внутри слова или предложения в лингвистике называют смешением кода. Так, в родной речи татар отмечают регулярные вкрапления слов, словосочетаний из русского языка: *Пошли инде!* (= Пошли уже!); *Мина да ал эле, пожалуйста* (= Возьми и мне, пожалуйста, или Купи мне, пожалуйста). Частотно употребление таких слов русского языка, которым нет эквивалента в родном языке: *Нинди опциялэре бар?* (= Какие опции имеет? (о телефоне)). *Мина сканировать итеп жибэр эле* (= Отсканируй и отправь мне, пожалуйста) и др. Чаще всего это речевые клише, этикетные формулы, неологизмы... Говорящие считают подобное смешение удобным [Зидымышева 2015], они чаще всего не замечают его. Когда языки в сознании билингва становятся одинаково употребительными, мыслительный процесс может идти то на родном, то на втором языке, либо лексика родного языка постепенно вытесняется частотными словами русского языка, которые билингв постоянно слышит в речи своего окружения. Так, в крупнейших городах Татарстана почти равное количество жителей русской и татарской национальности (в Казани 47,5% татар, 48,6% русских; в Набережных Челнах — 47,0% татар, 44,9% русских), и большинство татар вне семьи говорят на русском языке, более того, значительная часть молодежи не знает родного языка: либо имеет скудный запас слов обиходной речи, либо только понимает татарскую речь на бытовые темы, а говорить не может, либо совсем не владеет родной речью.

Фактически двуязычие — удел многих независимо от степени образования, в том числе неграмотных. В этом случае картина двуязычия часто далека от гармоничной. И все же обычным требованием для поддержания билингвизма остается требование достаточно регулярно пользоваться каждым из языков, сравнительно много читать, писать, понимать, говорить, быть знакомым с культурой, представленной данным языком. Но и в этом случае используемые билингвом языки будут известны ему не во всех сферах его употребления: например, на одном языке человек понимает юмор, диалектные различия, знает фольклор, на другом — сленг, жаргоны, осваивает современную литературу; на одном легче говорить на политические и религиозные темы, на другом — на бытовые и эмоциональные; на одном легче читать и писать, на другом — понимать и говорить. Кроме того, люди вообще обладают разными языковыми способностями и даже при создании оптимальных условий для усвоения обоих языков не всегда могут овладеть каждым из них одинаково хорошо и на максимально высоком уровне. Другие даже при ограниченном доступе к общению с носителями языка усваивают иной язык очень хорошо.

Смещение в области морфологии. Тюркские языки имеют такие особенности в области морфологии, как агглютинативность, отсутствие категории рода и др. Эти особенности создают затруднения при овладении свойственными русскому языку грамматическими категориями и способствуют появлению в речи тюркофонов, говорящих по-русски, ошибки в согласовании и управлении слов, смешение временных форм глагола и т.п. [Русский язык в национальной школе 1977].

Категории рода, как специальной грамматической категории, в тюркских языках не существует, что создает значительные трудности при изучении русского языка. Имена существительные в татарском языке не имеют родовых окончаний. И между свойствами прилагательного в русском языке и прилагательного в татарском языке есть существенная разница. Если имя прилагательное в русском языке является согласуемой (по роду, числу, падежу) категорией, то в татарском языке — примыкающей категорией, т.е. прилагательное в татарском языке — неизменяемая часть речи: оно сочетается с другими словами в предложении без согласования по роду, числу и падежу. Это свойство незаметно для себя билингв переносит и в свою русскую речь. Возникают разнообразные ошибки: в словах, согласуемых с существительными по роду, то вместо женского рода употребляют мужской, то вместо мужского — женский, то средний род заменяется женским и мужским или наоборот. Доминирующим является употребление мужского рода вместо

женского и среднего рода. В речи билингва с недостаточным образованием эта типичная ошибка может появляться и в непосредственной близости согласуемых слов (существительное и прилагательное, существительное и глагол прошедшего времени): *на моем панели (панель), погода был хороший*. Неразличению рода существительных способствует также твердое произношение мягкого звука в конце существительных (*тетрад, степ, панел*). Это делает их еще более похожими на существительные мужского рода и становится дополнительной причиной замены мужским родом женского рода в согласуемых словах.

Еще одно наблюдение: типичное путание дательного падежа с предложным в местоимениях (*поздравляю Вам, желаю Вас*) имеет место не только при обучении иностранцев русскому языку, но и при обучении татарскому языку русскоязычных (в целом иноязычных) учащихся. Например, *наркта барам, бассейнга йозэм*. Ответ можно найти в психолингвистике.

Применительно к новообразованиям, заимствующим компоненты из разных языков, употребляют термин «гибрид». Так, под влиянием того, что вопросительные предложения в татарском языке строятся с помощью частицы *-мы*, тюркофоны добавляют эту частицу и к слову, замыкающему вопросительное предложение (как правило, к глаголу). Можно услышать такие выражения: *Он читаетмы? Они придутмы?*

Чем дальше тюркофон находился в языковой среде родной речи и глубже погружался в нее (скажем, родился и долго время жил в сельской местности, где общение происходило полностью на родном языке), тем труднее ему вытравить из своей речи неразличение рода, особенно в спонтанной речи. Причем интерференции родного языка подвержена даже речь преподавателей-филологов.

Влиянием родного языка объясняется и смешение форм глагола: употребление в речи вместо будущего времени форм настоящего времени (*я завтра читаю*) и почти полное отсутствие форм простого будущего времени. В татарском языке формы настоящего времени (*барам — иду, кайтам — возвращаюсь*) в значении будущего времени употребляются гораздо чаще, нежели в значении настоящего времени, а в значении настоящего времени более употребительны деепричастные сочетания, обозначающие настоящее данного момента (*укып торам, букв. читая, нахожусь*).

Ударные глагольные окончания настоящего времени не вызывают трудностей ни в произношении, ни в написании, в безударных же вариантах билингвы-тюркофоны не различают *хвалят* и *хвалят, держат* и *держат*.

Яркий пример интерференции родного языка наблюдаем в синтаксисе. Так как глагол в татарском языке должен замыкать предложение (в подавляющем большинстве случаев), татарин инстинктивно так строит и русские предложения. Интересный факт: в речи маргиналов наблюдается и обратная интерференция. Так, оторванные от своих языковых корней, поселившиеся в мегаполисах, где татарский язык как язык общения с каждым днем все больше отходит на второй план, татары начинают строить предложения и в родной речи по типу русских: ставят сказуемое рядом с подлежащим: *Сэ-ламэтлеге белэн проблемалары булган дин, сойлэделэр Городтан* (правильно: «Городтан» (имеется в виду телепередача «Город») *сэламэтлеге белэн проблемалары булган дин, сойлэделэр*).

Итак, родной язык играет немаловажную роль в порождении языкового смешения в употреблении грамматических и лексических явлений, отсутствующих в родном языке. Типичные затруднения тюркофонов имеют фонетическую, словообразовательную, морфологическую, синтаксическую и семантическую природу. Изучение этих явлений способствует правильному выбору методик в обучении русскому языку иноязычных учащихся, в частности тюркофонов.

Литература

Волков А.А. Билингвизм и его классификация // Фонд знаний «Ломоносов». URL: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0127453:article>.

Зидымышева Л.А. Особенности обучения русскому языку в условиях многоязычного окружения и многонациональных классов и литературы // Институт развития образования Республики Башкортостан. Интернет-педсовет 2015г. Доклады. URL: <http://irorb.ru/files/pedsovet/53.docx>.

Описание типичных затруднений обучающихся различных этнических групп в процессе обучения русскому языку // ФГНУ ИСИО РАО. URL: <http://cdpo.isiorao.ru/Project/Rus-ino/1.doc>.

Русский язык в национальной школе. Проблемы лингводидактики / Под ред. Н.М. Шанского, Н.З. Бакеевой. М.: Педагогика, 1977. 248 с.

О СТАТУСЕ И ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ДЕЛОВОЙ ПЕРЕПИСКИ

Ключевые слова: деловое общение, деловая переписка, интернет-коммуникация, ориентация на западные образцы, снижение официальности, электронная почта.

Несмотря на возрастающий интерес лингвистической науки к деловому общению, его статус все еще однозначно не определен. М.В. Колтунова под деловым общением понимает «взаимодействие коммуникатора и его адресата для информирования, волеизъявления в целях достижения внекоммуникативных и коммуникативных результатов» в сфере деловых отношений [Колтунова 2005: 11–12]. Деловое общение может иметь официальный, полуофициальный и неофициальный характер. Официальность обычно связывается с традиционностью, ритуализованностью, общепринятостью, нормативностью, высоким уровнем самоконтроля и стандартизации коммуникативного поведения [Захарова 2001; Байкулова 2012]. Официальный тип общения представлен, прежде всего, в жанрах письменной коммуникации с использованием кодифицированного литературного языка [Колтунова 2005; Байкулова 2012]. Неофициальное общение в меньшей степени регламентировано «рамками коммуникативных, этических и речевых норм» и связано с устной непринужденной коммуникацией, в которой широко распространена разговорная речь [Байкулова 2012: 57].

Полуофициальное деловое общение, являющееся переходной зоной между общением официальным и неофициальным [Бобарыкина 2003; Колтунова 2005 и др.], характеризуется «сниженным уровнем контроля», размытостью ролевых характеристик, «избирательно-ситуативным принципом соблюдения норм» делового общения [Колтунова 2005: 182]. Это «общение хорошо знакомых партнеров или общение в малой социальной группе людей, объединенных совместной деятельностью (трудовое задание, проект)» [там же: 154]. А.Н. Байкулова вместо термина «деловое полуофициальное общение» предлагает ввести термин «рабочее общение», под которым понимается общение в деловой сфере, отражающее взаимодействие сотрудников

во время выполнения производственных заданий и направленное «на решение деловых задач без излишней формализованности, то есть при возможном ослаблении статусно-ролевых позиций коммуникантов и некотором усилении фактора их личных взаимоотношений» [Байкулова 2015: 363–364]. Рабочее общение, по мнению исследователя, может осуществляться как в устной, так и в письменной форме (с помощью записок, СМС-сообщений, интернет-коммуникации). В сфере деловых отношений, помимо рабочего общения, А.Н. Байкулова предлагает выделять межличностное деловое общение, близкое к рабочему. Это общение с целью наладить контакты и деловые связи, а также передать личную информацию. Оно обычно реализуется вне рабочей обстановки [Байкулова 2015].

В современной лингвистической науке в рамках делового общения предлагается выделять понятие «корпоративное общение» / «корпоративная коммуникация», появление которого связано с формированием особой корпоративной культуры. Такая коммуникация обладает жанровым своеобразием, проявляющимся во внутрикорпоративной (стратегическая сессия) и во внешнекорпоративной коммуникации (промо-мероприятия, перформансы, благотворительные акции) [Милехина 2012]. При этом, по мнению Т.А. Милехиной, о корпоративной коммуникации можно говорить как об особой субкультуре [там же: 106].

Таким образом, в современных работах, посвященных деловой коммуникации, происходит дифференциация и уточнение понятия «деловое общение».

Современное деловое общение претерпевает изменения, которые проявляются на уровне не только формы, но и содержания. Все чаще бумажный носитель стал заменяться электронным, преимуществами которого являются оперативность и практически повсеместное распространение. Формами существования электронных сообщений, имеющих отношение к бизнесу, стали личные электронные почтовые ящики, корпоративная почта, а также бизнес-блоги и форумы [Ускова 2013]. Качественные изменения проявляются, прежде всего, в активном процессе сближения институционального общения с общением межличностным, в тенденции к деофициализации деловых бумаг [Голев, Сологуб 2007; Колтунова 2005], а также в ориентации на западные образцы деловой коммуникации. Следует отметить, что снижение официальности деловой электронной переписки во многом зависит от особенностей ее функционирования, поскольку в современной интернет-коммуникации наблюдаются такие тенденции, как усиление коллоквиализации (разговорности) общения, экспрессивизация

общения, тенденция к глобальному снижению и огрублению речи [Интернет-коммуникация... 2012].

Цель данного исследования — выявить основные тенденции, наблюдающиеся в современной деловой переписке, а также определить соотношение формального и неформального начал в текстах писем, установить зависимость проявления официальности/неофициальности общения от жанра письма.

Материалом исследования послужили данные корпоративной электронной почты довольно крупной российской финансовой организации и личной деловой переписки некоторых российских бизнесменов. Всего нами было проанализировано около 1000 электронных сообщений разных жанров и содержания: информационных писем, распоряжений, деловых просьб и предложений, объяснительных и докладных записок и др. Разрешение на использование записей в научных целях было получено. Для достижения поставленных целей использовались методы индукции, систематизации, дискурсивного анализа, контекстного и количественного анализа материала.

Основными тенденциями современной деловой переписки, по нашим наблюдениям, являются ориентация на западные образцы ведения бизнеса и, следовательно, речевого поведения, а также деофициализация общения и, как одно из ее следствий, стремление к сжатию информации, экономии речевых усилий. Рассмотрим каждую из выделенных нами тенденций.

Так как современные бизнес-процессы невозможны без обращения к зарубежному опыту, характерной чертой российской деловой коммуникации является обилие англицизмов. Среди них встречаются как термины, которые иногда вводятся в текст непосредственно на английском языке: *Есть ощущение, что **Cost Structure** неплохая* (*Cost Structure* — структура затрат), так и транслитерированные лексемы, по своему характеру приближающиеся к жаргонизмам: *Как быть с вознаграждением председателя совета директоров? Все-таки **кэшем** нехорошо* (от англ. *cash* — наличные, денежные средства). Употребление терминов-англицизмов во многом объясняется тем, что в русском языке зачастую отсутствуют их аналоги, поэтому для адекватного выражения смысла требуется громоздкая описательная конструкция.

Особенности работы с юридическими документами и широкое распространение влияния английского языка на официальное общение определяют и тот факт, что в названиях должностей, видов документов, составных наименованиях отделов и т.п. нередко пишутся с большой буквы не только первое слово, но и последующие: *Руководитель Отдела, Отдел Сопровождения Продаж*.

Как уже было сказано, другой тенденцией современной деловой переписки является деофициализация. В текстах электронных писем деофициализация проявляется в употреблении ряда лексем и конструкций, свойственных неофициальному общению:

а) употреблению разговорных и разговорно-сниженных слов и выражений (*фотки; флаг ему в руки*);

б) жаргонизмов (здесь и далее в скобках дана ссылка на источник квалификации):

- лексем из компьютерного жаргона: *Я уже загрузил данные* [Словарь современного русского города 2003: 134];

- общего жаргона: *Какой-то лажовый повод твои сотрудники нашли* [Слова, с которыми... 1999: 94];

- молодежного жаргона: *Прикольную они презентацию сделали* [там же: 489];

- профессионального жаргона: *Когда это нужно загружать на Шару?* (от англ. *SharePoint* — система электронного документооборота для автоматизации бизнес-процессов).

Следует отметить, что профессиональные жаргонизмы составляют только 10% от общего количества проанализированных единиц [Дегальцева 2013]. Чаще всего они называют объекты и понятия, с которыми связана профессиональная деятельность. Часть из них по своему происхождению напрямую связана с англоязычными терминами и является следствием калькирования, транслитерации. Профессиональные лексемы нередко являются универбатами (*дебиторская задолженность* — *дебиторка*, *квартальная премия* — *кварталка*).

Деофициализация проявляется и в употреблении фамильярно-дружеских формул обращения (*Аллочка, получил твой архив*), приветствия (*Привет*) и прощания (*Давай!*). Традиции англоязычной культуры и демократизация делового общения привели к тому, что формальное общение на «вы» было заменено дружески-фамильярным общением на «ты», в русской речевой культуре характерным для неофициальной обстановки.

Сказывается деофициализация и на степени экспрессивности речи, что проявляется в использовании экспрессивных синтаксических конструкций (восклицательных предложений, парцелляции, инверсии).

Проявляется деофициализация и в выборе тем для общения (в межличностной деловой переписке встречается обсуждение перемен в личной жизни, рассказы о впечатлениях от командировки и т.д.). Например, в пе-

реписке, где обсуждаются стратегии дальнейшего развития бизнеса, нам встретилось следующее:

А.: *Кстати, я стал папой. Дочке 9 месяцев. Очень прикольная!*

Б.: *Вот это новость! Поздравляю!!*

Степень проявления официальности/неофициальности зависит от жанра делового письма и его содержания. По нашим наблюдениям, официально-деловые документы, которые построены по заданным шаблонам и предназначены для фиксации деловых отношений (договоры, акты, протоколы и т.д.), не претерпевают существенных трансформаций. В них преобладают формальность и стандартизованность, проявляющиеся на всех уровнях языка. Наиболее ярко и многогранно субъективность, оценочность и категоричность проявляются в письмах императивных жанров (приказах, распоряжениях), а также в информативно-оценочных письмах, содержащих докладные и объяснительные записки, в том числе выговоры. Приведем пример из письма-приказа: *Немедленно предоставьте файл с отчетом! Уже 19.15, а его все НЕТ!* Эмоциональность и установка на воздействие проявляются здесь на уровне графики (прописные буквы в слове *НЕТ*), лексики (*немедленно*), морфологии (употребление форм повелительного наклонения), синтаксиса (восклицательные предложения).

В деловом мире время является одним из важных и значимых ресурсов, поэтому еще одной из ключевых особенностей письменного делового общения является стремление к экономии речевых усилий. Для уменьшения затрат времени и текстового пространства, а также для удобства восприятия в деловой переписке используются такие средства сжатия информации, как аббревиатуры и компрессивные конструкции. Если говорить об аббревиатурах, то большинство из них универсальны: *з/п* или *ЗП* (заработная плата), *б/н* (безналичный расчет), другие понятны лишь специалистам в экономической и финансовой сферах: *БП* (бизнес-план), *КЦ* (колл-центр, из англ. *call-center*) и др. Помимо аббревиации в деловой переписке встречаются усечения и сокращения самых распространенных слов, характерные для современной интернет-коммуникации [Михайлова 2012]: *снс* (спасибо), *пжл* (пожалуйста), *инфо* (информация).

Итак, анализ современной деловой переписки показал, что она имеет довольно серьезные отличия от прежних канонов официально-делового стиля. На письменную форму современного делового общения оказывают существенное влияние, с одной стороны, разговорная стихия, а с другой — английский язык (в связи с ориентацией на западные образцы организации бизнеса). Результаты подобного рода воздействия проявляются практиче-

ски на всех уровнях языка — от лексического до коммуникативно-прагматического. В связи с этим в современной деловой переписке наблюдаются следующие особенности: функционально-стилевое смещение в сторону неофициальности, фамильярности общения, размывание или видоизменение таких существенных характеристик официально-деловой коммуникации, как строгость, четкость, логичность, формальность, безэмоциональность и др. Степень сохранения официальности во многом зависит от жанра делового письма.

Литература

Байкулова А.Н. Выбор разновидности типа общения как составляющая коммуникативной компетенции // Изв.Саратовск. ун-та. 2012. Сер. Филология. Журналистика. Т. 12, вып. 1. С. 50–59.

Байкулова А.Н. Устное неофициальное общение и его разновидности. Дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2015. 590 с.

Бобарыкина Н.А. Общение в малой социальной группе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2003. 19 с.

Голев Н.Д., Сологуб О.П. Государственная коммуникация (параметры официализации текста) // Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М.П. Котюровой. Пермь: Пермск. ун-т, 2007. Вып. 11. С. 46–57.

Дегальцева А.В. Некоторые особенности и причины употребления жаргонной лексики в электронном деловом общении // Стратификация национального языка в современном российском обществе: Тезисы междунар. конф.; 30 октября — 2 ноября 2013 года, г. Санкт-Петербург. СПб.: Златоуст, 2013. С. 61–67.

Захарова Е.П. Коммуникативные категории и нормы // Хорошая речь / Под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 2001. С. 163–179.

Интернет-коммуникация как новая речевая формация / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. М.: Флинта; Наука, 2012. 328 с.

Колтунова М.В. Конвенции как прагматический фактор делового диалогического общения. М.: Академия гуманитарных исследований, 2005. 228 с.

Милехина Т.А. Корпоративная коммуникация в аспекте профессиональной стратификации национального языка // Стратификация национального языка в современном российском обществе: тезисы Междунар. конф.; 30 октября — 2 ноября 2013 года, г. Санкт-Петербург. СПб.: Златоуст, 2013. С. 173–182.

Михайлова Ю.Н. Электронный русский: между устным и письменным // Неклассические письменные практики современности / Под ред. Т.В. Шмелевой. Великий Новгород: Изд-во Новгородск. гос. ун-та, 2012. С. 248–258

Слова, с которыми мы встречались: Словарь общего жаргона / Под ред. Р.И. Розинной, О.П. Ермаковой, Е.А. Земской. М.: Азбуковник, 1999. 320 с.

Словарь современного русского города: Около 11000 слов / Под ред. Б.И. Осипова. М.: Русские словари; Астрель; АСТ; Транзиткнига, 2003. 567 с.

Ускова О.А. Формирование профессиональных социолектов бизнес-сообщества в виртуальной среде // Стратификация национального языка в современном российском обществе: Тезисы междунар. конф.; 30 октября — 2 ноября 2013 года, г. Санкт-Петербург. СПб.: Златоуст, 2013. С. 173–182.

Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. 768 с.

Шмелева Т.В. Интернет-письмо как новая форма существования языка // Неклассические письменные практики современности / Под ред. Т.В. Шмелевой. Великий Новгород: Изд-во Новгородск. гос. ун-та, 2012. С. 245–248.

Н.Л. Дробышева
Национальный авиационный университет, Киев

СОСТАВ И СТРАТИФИКАЦИЯ АВИАЦИОННОЙ ЛЕКСИКИ

Ключевые слова: специальная авиационная лексика, стратификация, термин.

Стремительное развитие науки и техники повлекло за собой интенсивный рост специальной лексики, объем которой в настоящее время значительно превышает объем общеупотребительной лексики, что, в свою очередь, способствовало формированию в рамках национальных языков профессионально ориентированных подязыков, так называемых языков для специальных целей, и выдвинуло на повестку дня задачу системного изучения специальной лексики отдельных областей знания и сфер человеческой деятельности.

Предметом настоящей работы являются состав и стратификация специальной лексики конкретной области знания — авиации. Большой энциклопедический словарь [БЭС 1998:10] соотносит сферу авиации с понятием, связанным с полетами в атмосфере аппаратов тяжелее воздуха, относит к авиации организации, службы, использующие эти аппараты для полетов. Массив авиационной лексики насчитывает десятки тысяч единиц: сборник [Афанасьев 1995] содержит свыше 50 000 авиационно-технических терминов, словарь [Аслезова 1969] — 11 000 специальных лексических единиц по гражданской авиации и др.

Авиационная лексика берет свое начало преимущественно в общеупотребительной лексике, тесно взаимодействует с ней в процессе функционирования, опирается на естественно-языковой субстрат. Являясь средством профессиональной коммуникации и специального познания, специальная авиационная лексика отражает в своем содержании результаты научного и профессионального познания, представляет фрагмент модели знаний о мире — профессиональную картину мира сферы авиации. Известное противопоставление общеупотребительной лексики специальной лексике проходит по линии «бытовое — профессиональное».

Объединенная тематической общностью, авиационная лексика образует отдельное семиотическое пространство, отражая систематику сферы авиации, соответственно, организована как особая функциональная система, включающая подсистемы по отдельным направлениям профессиональной деятельности, обладает собственной целостной структурой и ограничена пределами сферы авиации. Среди основных направлений — летательные аппараты, воздушные трассы, аэродромы и др.

Отражая многомерную и многоаспектную реальность сферы авиации, авиационная лексика включает в себя соответствующие классы (типы) лексических единиц. Стратификация специальной лексики осуществляется по различным параметрам.

Главным и основным понятийным элементом, семантическим ядром специальной лексики сферы авиации являются термины. Термины номинируют общие специальные понятия, соответствующие предметам, явлениям и процессам сферы авиации, имеют дефиниции, наиболее информативны, соответствуют языковой и профессиональной норме, относятся к книжному стилю, приняты профессиональным сообществом, отражают классификационные признаки и связи понятия с другими понятиями сферы авиации и все вместе составляют терминологию данной области.

Терминологическая система сферы авиации, являясь логико-понятийной системой, основана на классификации понятий отрасли, представляет собой упорядоченное множество терминологических единиц с отношениями между ними. Это открытая многоуровневая иерархия родовидового типа, формирующаяся на основе экстралингвистического принципа и объединяющая большое количество более узких терминологических систем.

В области авиации можно выделить следующие группы терминологических единиц:

- Базовые термины, относящиеся к ряду базовых научных дисциплин, которые являются основой развития технических средств авиации и осно-

вой их применения: термины аэродинамики, теории механизмов и машин, теории двигателей, самолетовождения и др. (*аэродинамическая сила, аэродинамическое сопротивление, подъемная сила*). Эти термины составляют значительный слой в терминологической лексике авиации.

- Общенаучные, общетехнические, межотраслевые термины, термины смежных наук, которые содержат большой объем информации: *надежность, герметизация, классификация, технологичность* и др. Термины широкой семантики (*материал, устройство, агрегат, аппарат, система, установка, прибор, сооружение, механизм* и др.) характеризуются высокой степенью абстрактности, входят в группу общетехнических, общенаучных и межотраслевых терминов и проявляют в качестве основных свои конститутивные, номинативные, классифицирующие и ориентирующие свойства. Выступая в качестве понятий-категорий, они организуют обширные группы объектов сферы авиации (соответственно, группы терминов) на основе ряда категорийных признаков: *авиационные материалы, летательные аппараты, взлетно-посадочные устройства, системы автоматической посадки, системы управления, силовые установки, навигационные приборы, бортовое оборудование, аэродромные сооружения* и др. Выполняя важную роль в структурировании, систематизации и классификации понятийно-предметной сферы авиации, термины-категории помогают в освоении профессиональной сферы деятельности, ее интерпретации, осмыслении и ориентации в ней, в том числе с привлечением чувственно-наглядных образов, служат опорой профессионального мышления и деятельности. Указанные термины способствуют упорядочению и стандартизации терминологии.

- Отраслевые и узкоотраслевые термины отражают специальное знание и профессиональный опыт, соответствуют уровню развития предметной области знания авиации, возникают в результате познавательной и классифицирующей деятельности специалистов отрасли, характеризуются различной степенью обобщенности — от высокой до низкой, включая аспектные понятия, выражают среднее и экспертное знание (*аэронавигация, крыло с изменяющейся геометрией, гондола, закрылок* и др.).

- Технические номенклатурные наименования (номены) в сфере авиации — это обширный пласт лексики, предназначенный для обозначения частных понятий, соответствующих маркам, сериям, моделям, модификациям, исполнениям и др. однородных рядов объектов (*самолет Ту-204, самолет Ту-204-100, самолет Ту-204-200, самолет Ту-204-300, самолет Ту-204-500*). Номены представляют собой термины особого рода [Лейчик 2009:

29], состоят из двух частей: собственно из родового термина и синтаксически подчиненного ему номенклатурного показателя, служащего для сужения общего специального понятия до частного с более высокой степенью специализации. В логико-понятийной иерархии номены занимают наиболее низкие уровни. Различные уровни изделий могут иметь различную формальную структуру номена, являющуюся результатом когнитивной деятельности специалистов. В общем случае номены замещают собой развернутое описание частного понятия (объекта), представляя информацию об именуемом объекте в виде перечня отличительных признаков или без перечисления отличительных признаков и нуждаются в раскодировании номенклатурного показателя. Например, самолет Ту-204-500 является развитием самолета Ту-204-300, имеет увеличенную взлетную массу, уменьшенное крыло, предназначен для коротких маршрутов.

Кроме терминов в профессиональной сфере авиации функционируют лексические единицы, которые в определенной степени не отвечают ни литературной, ни профессиональной норме. В основном это профессионализмы и профессиональные жаргонизмы, которые, как наиболее удаленные от стандарта (нормы), формируют пограничный класс специальной лексики сферы авиации.

Профессионализмы и профессиональные жаргонизмы имеют хождение в устной форме общения специалистов, относятся к разговорному стилю, имеют ограниченную область использования (например, у диспетчеров их использование исключается), некодифицированы, опираются на результаты перцептивного познания, кратки, отличаются стихийностью процесса номинации и бытования (*тушка* — самолет Ту, *свисток* — самолет Ту-134 (свистит при работе двигателя), *трехсотка* — самолет Ту-204-300, *бесхвостка* — бесхвостовой самолет и др.).

В отдельных случаях профессионализмы могут выполнять роль предтерминов, заполняя собой лакуны понятий, не имеющих терминологического обозначения. В речи специалистов профессионализмы могут служить показателем высокой степени вовлеченности в профессию, ее творческой интерпретации и осмысления.

Характерные особенности профессиональных жаргонизмов: этико-стилистическая сниженность (низкий стиль), высокая степень экспрессии, отступление от нормы. Наблюдается сближение единиц профессионального жаргона сферы авиации с общим жаргоном, что соответствует тенденции усиления интегративных процессов, характерных для языка в целом.

В пределах авиационной лексики можно отметить умеренное распространение профессионализмов и редкую встречаемость профессиональных жаргонизмов.

Таким образом, отвечая на потребности отраслевой научной и профессиональной деятельности, специальная лексика сферы авиации складывается с учетом дифференциации направлений профессиональной деятельности и интеграции результатов деятельности, что предопределяет некоторую общность используемой терминологии. При этом в репрезентации профессионального знания и опыта, профессиональной коммуникации участвуют разные типы лексических единиц, которые отражают определенные аспекты профессиональной картины мира авиационной сферы.

Литература

Аслезова С.М. Англо-русский словарь по гражданской авиации. М.: Советская энциклопедия, 1969. 351 с.

Афанасьев Г.И. Русско-английский сборник авиационно-технических терминов. М.: Авиаиздат, 1995. 640 с.

Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 1456 с.

Лейчик В.М. Общая типология и многоаспектные классификации специальной лексики // Терминология и знание. Материалы I Междунар. симпозиума (Москва, 23–24 мая 2008 г.). М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2009. С. 28–48.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ ЗНАЧЕНИЙ МНОГОЗНАЧНЫХ СЛОВ¹

Ключевые слова: ментальный лексикон, многозначное слово, актуализация значения, профессиональная группа, психолингвистика, социоллингвистика.

Функционирование языка в широком смысле этого термина подчинено многим условиям и факторам, одним из которых является социальная среда. Социальная дифференциация языка давно признается лингвистами, однако внимание традиционно уделяется социальной неоднородности языкового материала, в то время как она, без сомнения, определяется вариативностью индивидуальных языковых систем.

Изучение социального варьирования структур и механизмов, обеспечивающих речевую деятельность, ведется в основном в аспекте изучения ментального лексикона, который рассматривается как система «многоярусных, многократно пересекающихся полей, с помощью которых упорядочивается и хранится... разносторонняя информация о предметах и явлениях окружающего мира, об их свойствах и отношениях, об их оценке индивидом, как и о лингвистических особенностях обозначающих их вербальных единиц» [Залевская 1977: 73].

Ментальный лексикон формируется у индивида в зависимости от социальных условий, и, соответственно, эти условия влияют на его структуру. Это влияние показано на примере таких социальных параметров индивида, как пол/гендер говорящего и его возраст [Гольдин 2010; Сдобнова 2006 и др.], однако работ, посвященных влиянию профессиональных факторов на устройство ментального лексикона, до сих пор довольно мало [Старостина 2009], в то время как психологи и социологи признают профессию одним из наиболее важных факторов, формирующих личность человека [Эрикссон 2000 и др.].

¹Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ, проекты № 15-04-00320 и 15-04-00381.

В настоящем исследовании рассматривалось влияние фактора «профессия» на восприятие многозначного слова. В качестве материала были взяты 10 многозначных слов: *анализ, график, дорога, модуль, операция, отдел, повышение, связь, строй, участок*. Информантами (60 чел.) выступили представители четырех социальных групп: студенты-филологи, студенты технических специальностей, рабочие, военные (по 15 чел. в каждой группе). Эти группы не соотносятся напрямую ни с каким отдельным социальным фактором (полом, образованием, специальностью), однако они формируются определенной комбинацией данных факторов, причем основой этой комбинации служит фактор «профессия/специальность». В данном случае две группы — это обучающиеся специальности молодые люди, профессиональная идентичность которых находится в стадии формирования; другие две группы — работающие по специальности взрослые люди, профессиональная идентичность которых реализуется в их каждодневной практике.

В качестве метода исследования использовался метод наивного толкования слов [Обыденное метаязыковое пространство 2012], в соответствии с которым носителей языка просят объяснить значение предложенных слов. Особенностью метода является то, что информанты обращаются к своему языковому сознанию и называют те значения и компоненты значений, которые важны именно для них. Это позволяет выделить компоненты значений, актуализирующиеся в зависимости от разных социальных факторов.

Всего в эксперименте было получено 600 реакций. В ходе обработки полученного материала анализировались как значения, так и отдельные семантические составляющие представленных толкований. В табл. 1 показана частота реализации толкований слова *операция*.

Все рассмотренные социальные группы актуализируют в определениях разные значения многозначной леммы, при этом у студентов технических специальностей, рабочих и военных четко выделяется ядерное значение (которое для всех трех групп оказывается разным), а у студентов-филологов все три актуализированные значения конкурируют по частоте. Ни одна из групп не актуализировала все возможные значения, в то же время каждая из групп реализовала одно или несколько значений, которые не были названы другими группами.

Аналогичную картину наблюдаем и для других рассмотренных слов. Студенты-филологи в большинстве случаев предлагают большее количество толкований, чем другие группы информантов, что может косвенно свидетельствовать о том, что в их ментальном лексиконе слово связано с

Таблица 1

**Частота наивных толкования слова операция
в зависимости от профессии, абс.**

Наивное толкование	Профессиональная группа			
	Студ.- фило- логи	Студ.- тех. спец.	Рабо- чие	Воен- ные
Хирургическое вмешательство	6	13	3	
Систематизированная последовательность выполняемых действий	5			4
Сложный процесс	4			
Какое-либо действие		2		
Действия вычислительной машины			12	
Обдуманное, масштабное военное действие				8
Вид военного искусства				3

Таблица 2

**Частота компонентов значений слова дорога
в зависимости от профессии, абс.**

Компонент значения	Профессиональная группа			
	Студ.- фило- логи	Студ.- тех. спец.	Рабо- чие	Воен- ные
Место	7	12	15	15
Движение	12	12	15	4
Машины	7	—	—	—
Люди	7	—	—	—
Маршрут, путь	8	3	—	—
Установленный	5	12	15	15
От и до	3	3	—	—
Разметка	—	—	—	11
Дорожные знаки	—	—	—	11

большим количеством семантических полей (сфер), чем в лексиконах других социальных групп, т.е. наименее специализировано.

Анализ компонентов значений, данных информантами, показывает, что можно выделить один или несколько компонентов, которые актуальны для всех информантов, а также специфические компоненты, актуальные только для одной из групп информантов (см. в качестве примера компоненты значений слова *дорога*, табл. 2).

Как видно, в своих толкованиях все информанты реализовали компоненты 'место', 'движение' и 'установленный', связанные с толкованием *установленное место для движения*. В то же время у двух групп наблюдается реализация специфических компонентов. Так, студенты-филологи акцентируют внимание на компоненты 'люди' и 'машины', подчеркивая, для кого предназначена дорога; военные же обращают внимание на то, что дорога должна быть оборудована разметкой и дорожными знаками. Для обеих групп студентов оказывается важно, что дорога — это маршрут от одного места до другого. У рабочих нет специфических компонентов в значении.

Назовем общие и специфические компоненты, обнаруженные при анализе толкований других слов.

- **Анализ.** Общей для всех групп компонент значения не выделен. Специфические компоненты значения: студенты-филологи — 'изучение', 'метод', 'главное', 'мозг', 'информация'; военные — 'факты'.

- **График.** Общей для всех групп компонент значения не выделен. Специфические компоненты значения: студенты-филологи — 'данные', 'визуальный', 'линия', 'форма записи'; студенты технических специальностей — 'зависимость'; рабочие — 'чертеж', 'объект', 'план'; военные — 'утвержденный', 'очередность', 'действия'.

- **Модуль.** Общей для всех групп компонента значения не выделен. Специфические компоненты значения: студенты-филологи — 'математика', 'физика', 'схема', 'форма записи'; студенты технических специальностей — 'абсолютная', 'положительная'; рабочие — 'космос', 'аппарат'; военные — 'часть', 'механизм', 'отдельный'.

- **Операция.** Общей для всех групп компонент значения — 'действия'. Специфические компоненты значения: студенты-филологи — 'сложность', 'процесс'; рабочие — 'вычислительная машина', 'помощь'; военные — 'военная', 'масштабная', 'искусство'.

- **Отдел.** Общей для всех групп компонент значения не выделен. Специфические компоненты значения: студенты-филологи — 'большой'; рабочие — 'снабжение', 'кадры'; военные — 'личный состав', 'структура'.

• **Повышение.** Общий для всех групп компонент значения — ‘увеличение, поднятие’. Специфические компоненты значения: студенты-филологи — ‘должность’, ‘возможность’, ‘реализация’, ‘благо’, ‘состояние’, ‘человек’; студенты технических специальностей — ‘параметр’; военные — ‘награда’, ‘заслуги’.

• **Связь.** Общие для всех групп компоненты значения — ‘объекты’, ‘соединение’, ‘между’. Специфические компоненты значения: студенты-филологи — ‘общее’, ‘способ’, ‘телефон’, ‘Интернет’; студенты технических специальностей — ‘коэффициент’, ‘пропорция’; военные — ‘расстояние’, ‘подразделения’, ‘два’, ‘непосредственное’.

• **Строй.** Общий для всех групп компонент значения — ‘построение’. Специфические компоненты значения: студенты-филологи — ‘политика’, ‘структура’, ‘количество’, ‘люди’, ‘ряд’; студенты технических специальностей — ‘отряд’; рабочие — ‘ровный’, ‘согласованность’; военные — ‘установленный’, ‘устав’, ‘совместные’, ‘действия’, ‘пешком’, ‘на машинах’, ‘марш’.

• **Участок.** Общий для всех групп компонент значения — ‘земля’. Специфические компоненты значения: студенты технических специальностей — ‘владелец’, ‘милиция’, ‘часть’; рабочие — ‘для работ’, ‘для строительства’.

Анализ толкований и их компонентов показывает, что в своих толкованиях представители разных профессиональных групп довольно часто опираются на разные зоны референции, понимаемые как «фрагменты картины мира, с которыми соотносится слова» [Гольдин 2010: 46]. Зоны референции, актуализированные в толкованиях рассмотренных групп, показаны в табл. 3.

В некоторых случаях информанты, принадлежащие разным социальным группам, ориентируются на одинаковые или близкие зоны референции. Так, при толковании слова *дорога* все информанты обращаются к референции ‘место для движения’. При толковании слова *отдел* для всех оказывается важным описание его как составной части какой-то структуры. При толковании слова *участок* все информанты обращаются к референту ‘земельная площадь’. Тем не менее опора на эти общие для всех референты не одинакова: для каких-то групп они оказываются самыми частотными, для каких-то занимают не первое место среди референтов.

В большинстве случаев (7 слов из 10) мы не можем выделить общего для всех профессиональных групп референта, напротив, разные социальные группы «фокусируются» на специфических референтах, при этом зачастую такой фокус определяется именно профессиональной деятельностью

**Зоны референции, актуализированные в толкованиях
в зависимости от профессии**

Слово	Зоны референции			
	Студ.-филологи	Студ. тех. спец.	Рабочие	Военные
Анализ	мышление (12) <i>метод</i> (2) химия (1)	мышление (12) осмысление произво- шедшего (3)	химия (15)	мышление (11) осмысление произво- шедшего (4)
График	план (12) диаграмма (3)	диаграмма (11) план (4)	<i>чертеж</i> (8) план (7)	<i>инструкция</i> (15)
Дорога	маршрут (8) место для движе- ния (7)	место для движе- ния (12) маршрут (3)	место для движе- ния (15)	место для движе- ния (15)
Модуль	<i>математические</i> <i>вычисления</i> (8) <i>физические величи- ны</i> (5) структура (2)	<i>математические</i> <i>величины</i> (15)	<i>космические аппара- ты</i> (11) <i>часть устройства</i> (4)	структура (15)
Операция	хирургия (6) система действий (5) <i>процесс</i> (4)	хирургия (13) <i>действия</i> (2)	<i>автоматические</i> <i>вычисления</i> (12) хирургия (3)	военные <i>действия</i> (11) система действий (4)

Отдел	структура (8) коллектив (4) организационная структура (3)	организационная структура (10) коллектив (5)	организационная структура (15)	организационная структура (15)
Повышение	карьера (8) увеличение (5) улучшение (7)	карьера (9) увеличение (6)	карьера (9)	<i>награда</i> (12) <i>военная карьера</i> (3)
Связь	коммуникации (8) <i>сходство</i> (7)	соединение (11) <i>отношение показате- лей</i> (4)	<i>отношение между объектами</i> (12) соединение (3)	соединение (12) коммуникации (3)
Строй	политическое устрой- ство (7) структура (5) шеренга (3)	структура (13) шеренга солдат (2)	политическое устрой- ство (10) шеренга солдат (3) <i>гармония</i> (2)	<i>порядок движения войск</i> (15)
Участок	земельная площадь (15)	<i>земельная собствен- ность</i> (9) <i>отдел милиции</i> (2) земельная площадь (1)	земельная площадь (15)	земельная площадь (15)

информантов. Так, например, для студентов технических специальностей единственной зоной референции у слова *модуль* является зона ‘математические величины’, для рабочих за словом *график* чаще всего стоит референт ‘чертеж’, для военных за словом *операция* — ‘военные действия’, а за словом *повышение* — ‘награда’ и др.

Выделение уникальных для каждой из профессиональных групп зон референции (в таблице выделены курсивом) показывает особенности в восприятии и понимании слова. Как видим, почти для всех слов наблюдается соотнесение с какими-то специфическими зонами референции, большинство из которых связаны с профессиональным опытом или типом получаемого образования. Иерархия зон референции в целом также зависит от данных факторов.

Таким образом, профессия оказывает существенное влияние на актуализацию того или иного значения многозначного слова.

Литература

Гольдин В.Е. Лексическое значение и зоны референции (к проблеме соотносительности данных толковых и ассоциативных словарей) // Проблемы лексической семантики: Тез. докл. междунар. конф. «Девятые Шмелевские чтения» / Ин-т рус. яз. РАН. М., 2010. С. 45–48.

Залевская А.А. Лексикон человека как функциональная самоорганизующаяся система // Проблемы организации внутреннего лексикона человека. Калинин, 1977.

Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 4. / Отв. ред. Н.Д. Голев; Кемеровск. гос. ун-т. Кемерово, 2012.

Сдобнова А.П. Варьирование лингво-концептуальных норм (по данным ассоциативных словарей) // Русский язык сегодня — 4 / Отв. ред. Л.П. Крысин. М., 2006. С. 480–489.

Старостина Е.В. Факторы, влияющие на динамику ассоциативных полей // Acta Linguistica. 2009. № 1. С. 116–124.

Эриксон Э. Детство и общество / Пер. А.А. Алексеева. СПб.: Речь, 2002.

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПЕРМСКОЙ ШКОЛЕ СОЦИО- И ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

Ключевые слова: вид глагола, гендер, локализм, модальное слово, моделирование, социолект.

В Пермском центре по изучению речи горожан с целью описания социальной структуры общества и функционального членения языка вводится термин *социолект* [Ерофеева Т. 2004; 2009; Ерофеева Е. 2005].

Социолект — инвариантный признак социально маркированной подсистемы языка. Это система речевых средств определенной группы, детерминированных рядом социопсихических и биологических факторов: гендер, возраст, темперамент, место рождения, образование, специальность; это любое социально ограниченное языковое образование в пределах национального языка. Сюда могут включаться как подсистемы языка, так и более мелкие образования. При этом в социолекте объединяются система (код или набор кодов) и ее реализация (речь) [Ерофеева Е. 2005].

Предлагаем различать частные и сводные модели социолектов [Ерофеева Е. 2005; Ерофеева Т. 2009]. Вариация изучаемых лингвистических признаков по одному из факторов исследуется частными моделями социолектов; сводная модель строится на основе ряда факторов.

Построение частных моделей не требует применения сложных статистических процедур. Обычно в этих случаях достаточно простейшего анализа частот употребления исследуемых единиц в речи социальной группы.

Рассмотрим частную модель социолекта по фактору *гендер*. Стратификационное рассмотрение речи горожан показывает, что характеристики говорящего проявляются на лексическом, синтаксическом и фонетическом уровнях. Исследование *лексических* единиц строится на материале анкетных данных, полученных методом интроспекции, то есть информанты сами давали отчет о знании и употреблении (в целом владении) лексической единицей. Рассмотрены диалектные (локализм), архаические (архаизм) и жаргонные (жаргонизм) единицы в аспекте владения ими мужчинами и женщинами.

Частная модель социолекта в зависимости от градации фактора *гендер* показывает следующее поведение лингвистических признаков. В большинстве случаев мужчины лучше, чем женщины, знают и чаще употребляют локализмы, архаизмы и жаргонизмы (табл. 1).

Таблица 1

**Частота владения единицами лексического уровня
в зависимости от фактора «гендер», %**

Гендер	Локализм	Архаизм	Жаргонизм
Мужчины	69	50,5	64,5
Женщины	64,5	46,5	56,5

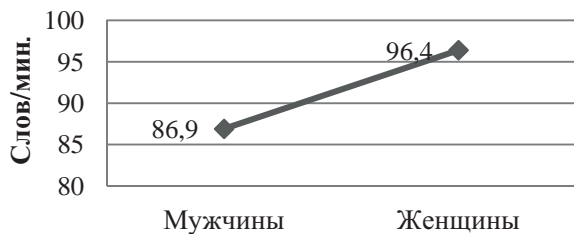
Владение локализмом выше в группе мужчин. Сделанный нами вывод подтверждается данными, которые получены русскими и американскими учеными при исследовании разных языковых фактов. Например, именно в речи мужчин встречается больше просторечий [Крысин 1989]. Кроме того, «в речи полного стиля женщины употребляют меньше осуждаемых форм, чем мужчины» [Лабов 1975: 155].

Сопоставление частот ответов информантов владения локализмом и архаизмом показывает, что средний процент владения архаизмом оказался ниже, чем соответствующий показатель у локализма. Этот факт можно объяснить спецификой лексических единиц: диалектное слово «ближе» нашим информантам, чем архаическое.

Как показало стратификационное моделирование, фактор *гендер* оказался существенным (в сводной модели городских социолектов гендер имеет ранг 2) при употреблении жаргонизма, относящегося к общебытовому словарю: частота употребления жаргонного слова мужчинами выше (51%), чем женщинами (40%).

Материалом для исследования *синтаксического* уровня речи послужили записи спонтанной речи 32 информантов. Количественно характеристики синтаксического уровня, рассмотренного на уровне длины предложения и синтаксической сложности, показывают, что средняя длина предложения у мужчин выше, чем у женщин (26,9 и 21,8% соответственно). У мужчин выше и синтаксическая сложность предложений (1,68 и 1,52% соответственно). Как показало стратификационное моделирование, гендер выступает существенным фактором для параметра *длина предложения* (в сводной модели городских социолектов имеет ранг 2).

В ситуации спонтанной речи на *супraseгментном* уровне главным и единственно существенным является гендер говорящего. Представим данные графически (см. рисунок):

Темп речи мужчин и женщин

График показывает, что темп речи у женщин выше, чем у мужчин: 96,4 и 86,9 слов в минуту соответственно. Речь мужчин характеризуется бóльшим количеством пауз и, соответственно, меньшим темпом. Как видим, фактор *гендер* больше влияет на темп речи. Примерно одинаков вес этого фактора для разных видов ударения, однако надо подчеркнуть, что логическое ударение чаще встречается в речи мужчин, а эмоциональное — в речи женщин.

Итак, стратификационное моделирование показало существенность фактора «гендер» для изучения речевой продукции говорящего. При этом всегда следует помнить о вероятностном характере социобиопсихологической детерминированности, ибо сущность речевой коммуникации определяется через совокупность сложных отношений в системе социального взаимодействия людей.

Выработанные Пермской школой социо- и психолингвистики методологические принципы изучения проявления гендерного фактора в языке и речи позволяют разрабатывать и другие различные вопросы когнитивного направления гендерных исследований:

- гендерная специфика когнитивных моделей ситуации [Углова 2011];
- исследование нарратива, обладающего различными признаками в зависимости от такого социобиопсихологического фактора, как гендер [Ерофеева Т., Глазова 2009];
- изучение функционирования гендерных стереотипов в языковом сознании мужчин и женщин [Гаранович 2011];
- влияние фактора гендер на внутренний лексикон человека [Доценко 2000];
- изучение зависимости этических оценочных реакций от различных социальных страт, в том числе и гендера [Корлякова 2012].

Как показали наши исследования, закономерности гендерного речевого поведения проявляются и на уровне морфологии. Например, изучены гендерные предпочтения в выборе модальности [Усманова 2003; 2011].

В ходе эксперимента с 48 испытуемыми (24 женщины и 24 мужчины) в возрасте от 22 до 28 лет, имеющими высшее образование, они описывали некоторые вымышленные ситуации, связанные с представлениями об удачах, неудачах, межличностных взаимодействиях и т.д. При анализе полученного материала было замечено, что в речи мужчин модальные глаголы встречаются чаще, нежели в речи женщин. Так, у мужчин они составляют в среднем по девяти ситуациям 11,2% от общего количества глаголов, у женщин — 9,7%.

Наиболее частотными модальными глаголами, как в речи мужчин, так и в речи женщин, оказались следующие: *мочь* (*можно*) (наиболее часто встречающийся глагол), *надо* (*нужно*), *хотеть*, *должен*, *стараться*, *пытаться*. При этом преимущественное употребление при описании той или иной ситуации определенных модальных глаголов у мужчин и женщин различалось. Так, для женщин более характерны модальные глаголы, выражающие возможность (*мочь*), необходимость (*надо*) и неуверенность (*пытаюсь*), для мужчин — возможность, желание (*хотеть*), необходимость и долженствование (*должен*).

Анализ монологов на тему «Как приготовить пельмени»¹ показал, что женщины в два раза чаще, чем мужчины, используют в своей речи *надо* (*нужно*) (42,5 и 19,3% соответственно). Кроме того, в речи женщин встретилось модальное слово *необходимо*.

...посолить *нужно* обязательно // (инф. 6)

...и мясо *нужно* сделать / и тесто *нужно* сделать // (инф. 10)

...на эти кружочки *надо* класть э-э / мясной фарш // (инф. 14)

...для приготовления пельменей / *необходимо* приготовить фарш // (инф. 16)

Мужчины же предпочитают в данной ситуации модальный глагол возможности/невозможности *мочь* и модальное слово *можно* (61,2 и 30,0%).

...*можно* использовать свинину // *можно* все смешать // ...а потом все это *можно* есть // (инф. 5)

...продукт / который *можно* считать / продуктом / быстрого приготовления// (инф. 15)

...пельмени *можно* жарить //...*можно* брать с собой //...*можно* отварить... // (инф. 17)

¹Тексты взяты из хрестоматии Ерофеева Т.И., Ерофеева Е.В., Грачева И.И. Городские социолекты: пермская городская речь. Пермь; Бохум, 2000.

Отметим, что исследовались 24 текста от 24 информантов, выборка сбалансирована.

Для установления взаимосвязи между употреблением видовых форм глагола и гендером говорящего был проведен следующий эксперимент [Журавлева 2010]. Объектом исследования выбрана спонтанная монологическая письменная речь носителей русского языка. Информантами выступили 60 студентов пермских вузов. Выборка информантов сбалансирована по признакам «гендер» и «специальность обучения» (техническая, гуманитарная). Информантам было предложено составить рассказы по шести комиксам датского художника-карикатуриста Херлуфа Бидструпа, каждый из которых содержал от 7 до 12 рисунков. Общий объем текстов составил 20 860 словоупотреблений, 4094 из них оказались глагольными формами. В табл. 2 представлены данные анализа текстов.

Таблица 2

**Частота лингвистических параметров
в зависимости от фактора «гендер», %**

Лингвистический параметр	Гендер	
	Мужчины	Женщины
Активность текста	18,9	20,3
Глаголы:		
несов. в.	60,0	71,5
сов. в.	40,0	28,5

Параметр «активность текста», то есть. отношение количества глагольных форм к общему количеству слов в тексте, у мужчин и женщин практически одинаков (18,9 и 20,3%). В целом глагольные формы несовершенного вида употребляются чаще, чем формы совершенного вида. Однако в речи мужчин отношение видовых форм несовершенного вида к совершенному составляет 1,5 (40,0 и 60,0%), в то время как в речи женщин это соотношение составляет 2,5 (28,5 и 71,5%), то есть распределение частот совершенного и несовершенного вида у мужчин более равномерное.

Разница в частоте употребления видовых форм глаголов женщинами и мужчинами составляет 11,5%, при этом глагольные формы несовершенного вида чаще употребляют женщины (71,5 и 60%), а совершенного вида —

мужчины (40,0 и 28,5%). Эти данные свидетельствуют о том, что мужчинам больше, чем женщинам, свойственно употребление глаголов совершенного вида, что соответствует поведенческим характеристикам мужчин: доминирующими признаками совершенного вида глагола являются цель, результат, целостность.

Итак, выделение методологических принципов изучения гендерных феноменов является первостепенно важным при анализе функционирования фактора «гендер». Одним из таких методологических принципов является признание того, что гендер необходимо понимать как социально и культурно конструируемый феномен. Полученные результаты Пермской школы социо- и психолингвистики в этом случае органично вписываются в исследования современной гендерной лингвистики, которая признает сегодня необходимость комплексных статистических методик изучения проявления гендерного фактора в языке и речи. Представители Пермской школы социо- и психолингвистики работают только со сбалансированными выборами по гендеру, возрасту, образованию, месту рождения, что в значительной мере делает изучение проявления гендерного фактора правомерным и соответствующим современным методологическим принципам гендерных исследований в лингвистике.

Литература

- Гаранович М.В.* Вариативность гендерных стереотипов в зависимости от социальных параметров говорящих: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2012. 24 с.
- Доценко Т.И.* Влияние фактора «пол» на внутренний лексикон подростка // Русский язык сегодня: Сб. ст. / Отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Азбуковник, 2000. С. 78–84.
- Ерофеева Е.В.* Вероятностная структура идиомов: социолингвистический аспект. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. 320 с.
- Ерофеева Т.И., Глазова К.М.* Нарратив в социолингвистическом исследовании // Дискурс, концепт, жанр / Отв. ред. М.Ю. Олешков. Н. Тагил, 2009. С. 344–365.
- Ерофеева Т.И.* Социолект: стратификационное исследование / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2009. 240 с.
- Журавлева Ю.Э.* Употребление видовых форм глагола в зависимости от гендера говорящего // Проблемы социо- и психолингвистики (Вып. 14. Языковое пространство XXI века). Сб. ст. / Отв. ред. Т.И. Ерофеева. Пермь: Изд-во Перм. ун-та. 2010. С. 58–68.
- Корлякова А.Т.* Оценочный аспект в языковой картине мира русского и английского социумов (экспериментальное исследование): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2012. 20 с.
- Крысин Л.П.* Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М.: Наука, 1989. 188 с.

Лабов У. Исследование языка в социальном контексте // Новое в лингвистике: социолингвистика. Вып. 7. М., 1975. С. 96–182.

Усманова М.В. Гендерная специфика когнитивных моделей ситуаций (на материале устных спонтанных монологов): Учеб. пос. по спецкурсу. Пермь, 2006. 152 с.

Усманова М.В. О лингвистическом изучении гендерного фактора // Социальные варианты языка — II: Матер. междунар. науч. конф. 24–25 апреля 2003 г. Нижний Новгород: Нижегородск. гос. лингв. ун-т им. Н.А. Добролюбова, 2003. С. 232–234.

В.А. Ефремов
РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург

АССОЦИАТИВНЫЙ СЛОВАРЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕНДЕРА¹

Ключевые слова: ассоциативный словарь, гендер, идеал, концепт, стереотип.

Гендерная стереотипизация отражает культурно обусловленные оценки и репрезентируется на всех уровнях языка. Гендерные стереотипы, определяющие содержание концепта «мужчина» (как и концепта «женщина») в той или иной лингвокультурной общности, могут быть исследованы и через языковые структуры, поэтому для анализа репрезентации гендерных стереотипов в структурировании концепта «мужчина» имеет смысл обратиться к наиболее авторитетному ассоциативному фонду русского языка — «Русскому ассоциативному словарю» (РАС). Одновременно, памятуя о междисциплинарности гендерного подхода, можно эксплицировать наиболее характерные гендерные стереотипы, формирующие образ мужчины, путем сопоставления результатов ассоциативных экспериментов с данными социологических, психологических и других исследований.

Для выявления ряда универсальных гендерных стереотипов используем материалы исследования американских психологов Дж. Уильямса и Д. Бест, в ходе которого был проведен опрос граждан 30 стран (25 лингвокультур; общее число участников исследования — почти 3000). Ученые использовали список из 300 прилагательных: опрашиваемых просили указать, какие из них в большей степени характеризуют женщин, а какие — мужчин. Если более двух третей респондентов одной страны указывали одинаковое при-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 15-04-00318 «Социокультурные факторы как мотивационная основа типологии словарей».

лагательное как атрибут определенного пола, характеристика считалась общепринятой для соответствующей культуры. Обобщая данные, исследователи решили: в случае если характеристика общепринята более чем для двух третей изучаемых культур, можно считать, что существует кросскультурный консенсус относительно данного атрибута для описания либо мужчин, либо женщин.

Степень совпадения типичных описаний мужчин и женщин, полученных от представителей разных культур, поразительна. Общая закономерность состоит в том, что мужчины, например, воспринимаются как *властные, независимые, агрессивные, активные, смелые, неэмоциональные, грубые, прогрессивные и мудрые*. Результаты конвенциональности этих оказавшихся универсальными стереотипов были настолько впечатляющими, что позволили ученым утверждать: «...столь высокая степень согласия дает основания предположить, что исследователям удалось выявить психологические универсалии, касающиеся гендерных стереотипов» [Мацумото 2008: 269].

Характеристики мужчин в разных лингвокультурах

агрессивный (24)	ленивый (21)	реалистичный (20)
активный (23)	логичный (22)	самоуверенный (21)
амбициозный (22)	мудрый (23)	серьезный (20)
бесстрастный (20)	мужественный (25)	сильный (25)
властный (24)	напористый (20)	склонный к риску (25)
громкий (21)	недобрый (19)	суровый (23)
грубый (23)	независимый (25)	трезвомыслящий (21)
дерзкий (24)	неорганизованный (21)	тупоголовый (21)
доминирующий (25)	неосторожный (20)	убедительный (25)
жестокий (21)	неотесанный (21)	уверенный (19)
жестокосердный (21)	несносный (19)	хвастливый (19)
заносчивый (20)	неумолимый (24)	храбрый (23)
изобретательный (22)	неэмоциональный (23)	целеустремленный (21)
инициативный (21)	опportunистический (20)	шутливый (19)
искусный (19)	прогрессивный (20)	эгоцентричный (21)
крепкий (24)	рациональный (20)	энергичный (22)

Сопоставим эти социопсихологические данные с психолингвистическими данными — словарной статьей РАС:

Мужчина: *женщина* 88; *сильный* 43; *высокий* 27; *красивый* 16; и *женщина* 13; *сила, средних лет* 12; *красавец* 10; *настоящий человек* 9; в возрасте 8; *мо-*

лодой, пожилой 7; любимый, мужик, умный 6; друг, он 5; в шляпе, интересный, самец, старый 4; костюм, любовь, мой, обаятельный, отец, симпатичный, хозяин, хороший, элегантный 3; благородный, боец, в годах, вежливый, веселый, видный, в расцвете лет, глупый, джентльмен, знакомый, крутой, лысый, молодец, муж, мужественный, мужество, надежный, не женщина, полный, смелый, солидный, стройный, ум, холостой, черный, эгоист 2; атлет, биологически слабый, блондин, большой, борода, брат, брюки, был, вальяжный, в белом, в галстук, верный, взрослый, в летах, влюбленный, воин, воля, вообще, в пальто, в полном расцвете лет, в расцвете сил, врач, врет, в соку, в теле, выдержанный, вышел, гигант, глава семьи, голый, гора, грозный, грузный, гуляющий, дарит цветы, девушка, деловой, деньги, добрый, Дон Жуан, дорогой, дрянь, дуб, дурак, душа, дырка, едет, если надо причину, животное, жулик, заботится, зрелый, идет, или..., или нет, импозантный, импотент, интеллеktуал, интеллигент, истинный, кабан, как в кино, как я, кинофильм, класс, классный, клевый, козел, который спешит, крепкий, культурист, лицо мужского пола, лучший, лысеющий, любвеобильный, любящий, мальчик, молод, мужской пол, мужчина, мускулы, нарядный, не знаю, неизбежность, неудобный, ничейный, нудный, обнял, обратить внимание, опора, орел, особь противоположного пола, парень, партнер, пиджак, пища, плохой, подлец, позорный, полноценный, порядочный, постамент, представительный, прелесть, принц, приятный, проказник, прохожий, пьет, ребенок, редиска, родина, рыжий, рыцарь, сам, сволочь, сдержанный, седой, сексуальный, семьянин, серый костюм, серьезный, силен, сися, спальня, спортсмен, старина, стопроцентный, странно, страшный, субъект, султан, сынок, табак, Тарзан, твердость, твердый, темно, толстый, трезвый, тройка, уверенный, удачный, учитель, ушел, хилый, хирург, честный, честь, что надо, чужой, Шварценеггер, шляпа и плащ, щедрый, экстравагантный, юноша, я, яркий, я твой 1 [РАС, 1: 335].

Из 48 характеристик, приписываемых мужчине в большинстве обследованных Д. Уильямсом и Д. Бест лингвокультур, в статье ассоциативного словаря с разной степенью полноты отражены следующие стереотипы.

• **Сильный** — самая частотная синтагматическая реакция на стимул «мужчина» (8% всех ответов). Этот же стереотип представлен такими реакциями, как сила (12 ответов), атлет, в расцвете сил, культурист, мускулы, силен, спортсмен. Образный компонент этого ассоциативного поля как языкового воплощения концепта включает в себя и элементы, персонифицирующие стереотип силы: Тарзан, Шварценеггер. Таким образом, суммарная доля ответов, эксплицирующих данный стереотип, — 12%. Данный стереотип отражает одну из базовых линий маскулинизации члена общества,

представленную так называемой нормой физической твердости (the physical toughness norm) — «стереотипом мужественности, согласно которому мужчина должен обладать физической силой и высокой биологической активностью» [Берн 2001: 174].

• **Мужественность** — второй по значимости стереотип, характеризующий мужчину. Он представлен следующими реакциями: *мужик* (6), *мужественный*, *мужество*, *не женщина* (по 2 реакции), *истинный*, *лицо мужского пола*, *мужской пол*, *мужчина*, *особь противоположного пола*, *полноценный*, *стопроцентный*, *что надо*. Суммарная доля ответов, эксплицирующих данный стереотип, — 4%. Представление о мужчине как носителе маскулинности отражает особенности концептуализации языковой, но не научной картины мира: ни мальчик, ни старик, ни парень не могут выступать в роли эталона мужественности, хотя относятся к лицам мужского пола.

Некоторые из приведенных выше универсальных гендерных стереотипов маскулинности представлены синонимами или дериватами: *веселый* (как синоним к *шутливый* из списка Д. Уильямса и Д. Бест), *глупый* и *дурак* (тупоголовый), *крутой* (дерзкий), *эгоист* (эгоцентричный) (2), *грозный* (жестокий), *крепкий*, *сдержанный* (и *выдержанный?*) (бесстрастный), *серьезный*, *уверенный*, *твердость* и *твердый* (неумолимый). Суммарная доля этих ответов в числе всех реакций составляет 3%.

Необходимо сказать и о стереотипах, которые не упомянуты в исследовании Д. Уильямса и Д. Бест (так как не связаны с описанием внутреннего мира человека), но играют важную роль в концептуализации представлений о мужчине.

• **Возраст:** *средних лет* (12), *в возрасте* (8), *в расцвете лет* (2), *в полном расцвете лет*, *взрослый*, *зрелый* (общая доля — 5%). Типичный мужчина в русской языковой картине мира предстает как человек среднего возраста. Более того, наличие таких реакций, как *молодой*, *пожилой* (7), *старый* (4), *в годах* (2), *в летах*, *мальчик*, *молод*, *парень*, *ребенок*, *юноша*, также свидетельствует (в некоторых случаях — от противного) об актуализации стереотипа возраста зрелости. Этот вектор концептуализации соотносится с таким важным направлением маскулинизации личности, как взрослость: в патриархатном и современном обществах мужчина, с одной стороны, не может позволить себе быть ребенком, а с другой — становится полноценным членом общества только в период социальной зрелости. Суммарная доля ответов, эксплицирующих данный стереотип, — 9%.

• **Социальные роли:** а) муж: *муж* (2); б) семьянин: *отец*, *хозяин* (3), *глава семьи*, *семьянин* и в) защитник: *боец* (2), *воин*, *опора*, *рыцарь*. Данный список

вполне отражает архетипические представления о социальных и гендерных ролях мужчины в традиционном обществе. Прежде всего, обращает на себя внимание обилие стереотипных реакций, связанных с семейным статусом мужчины. Это экспликация древнейшего патриархатного стереотипа, согласно которому мужчиной становится только тот, кто обзаводится семьей и становится во главе ее. Более того, для некоторых типов маскулинности наличие семьи — облигаторная составляющая образа полноценного мужчины. Доля ответов, связанных с этой группой стереотипов, составляет 3%.

- **Внешний облик** (мужская одежда): *в шляпе* (4), *костюм* (3), *брюки*, *в галстуке*, *пиджак*, *шляпа и плащ*. Суммарная доля таких ответов — 2%.

- **Настоящий человек**. В качестве отдельного вектора концептуализации необходимо выделить: *настоящий человек* (9), *мужик* (6), *он* (5), *самец* (4), — вариации одного из древнейших стереотипов человеческого сознания о центральном статусе мужчины. По мнению феминисток, это главнейшее проявление андроцентризма языка — отождествления понятий 'человек' и 'мужчина' (ср. англ. *men*, нем. *Mensch*, фр. *l'homme*, с некоторыми оговорками укр. *чоловік*). Суммарная доля ответов, эксплицирующих данный стереотип, — 4%.

Таким образом, если сложить все реакции ассоциативного поля «мужчина», которые выражают гендерные маскулинные стереотипы, то их суммарная доля достигнет 37%, что, безусловно, свидетельствует о значимой роли стереотипизации в формировании концепта «мужчина».

Отметим также, что среди реакций на стимул «мужчина» содержатся не только гендерные стереотипы, но и элементы идеального образа мужчины (идеал как разновидность прототипа, по Дж. Лакоффу):

- **культурный типаж**: *джентльмен*, *рыцарь*, *интеллигент*, *как в кино*;

- **внешняя привлекательность**: *высокий* (27), *красивый* (16), *красавец* (10), *интересный* (4), *обаятельный*, *симпатичный*, *элегантный* (3), *видный*, *солидный*, *стройный* (2), *вальжжный*, *импозантный*, *нарядный*, *представительный*, *сексуальный*;

- **интеллектуальные способности**: *умный* (6) и *ум* (2), *интеллектуал*. Эта характеристика не попадает в разряд универсальных и, кажется, национальных гендерных стереотипов. Такая ситуация выглядит особенно интересно, так как гендерные психологи давно установили, что одно из наиболее распространенных требований, предъявляемых обществом мужчине, — «норма умственной твердости» (*the mental toughness norm*), или «стереотип мужественности, согласно которому мужчина должен быть знающим и компетентным» [Берн 2001: 176]. Более того, по мнению этнографов, в рус-

ском патриархатном мире разумность традиционно представлялась сугубо мужским признаком. Так, появление ума нового, более высокого качества связывали с переходом в следующий возрастной период, например от совершеннолетия к зрелости, а переход от старости к дряхлости происходил со своего рода потерей разумности, что воспринималось одновременно и как размывание половой идентичности: «На бабский разум перешел» [Холодная 2005: 374].

Однако недавнее социологическое исследование показало, что для современного общества однозначное включение более высокого уровня интеллекта в категорию маскулинных стереотипов нельзя считать априорным. Так, анализ полученных ответов о справедливости стереотипа «мужчины умнее женщин» привел к следующим результатам. Абсолютно согласны с этим утверждением лишь 4,9% мужчин и 1,5% женщин. Предположительное мнение («скорее да») высказали 21,7% респондентов, в том числе 15,4% мужчин и 6,4% женщин. Вместе с тем 40,8% (!) респондентов (в основном женщины) считают это утверждение несправедливым («безусловно нет»). Следовательно, в современной России «большинство членов общества считают, что мужчины не умнее женщин, однако, безусловно, более способны к руководству и управлению» [Егорова 2001: 16];

- **этический компонент:** *порядочный, честный, честь;*
- **характер:** *хороший (3), благородный, вежливый, надежный (2), верный, добрый, приятный, щедрый.*

Суммарная доля ответов, эксплицирующих прототипические черты идеала мужчины, составляет 21%.

Заметим, что анализ концепта «мужчина» по данным ассоциативных экспериментов, проведенных среди школьников, позволил выявить следующие схожие с перечисленными выше компоненты: «*Мужчина* (в отличие от *мужика*) характеризуется по его семейной роли (*папа, муж*), через отношения, основанные на различии пола (*девушка*), является выразителем значения грамматического рода (*он, тип*) и пола (*воин*), определяется как *серьезный, элегантный, вежливый, строгий, гордый, осторожный, подлинный, светлый*» [Гольдин, Сдобова 2003: 110]. Данный портрет мужчины, основанный на ассоциациях учащихся средней школы, свидетельствует о том, что гендерные стереотипы в школьном возрасте усвоены уже достаточно полно.

Итак, можно утверждать, что ассоциативный эксперимент — один из эффективных методов исследования концепта и результаты такого рода экспериментов на практике подтверждают теоретические разработки в области реконструкции и структурирования концепта, позволяя эксплицировать

основные векторы формирования концепта как в сознании отдельного индивида, так и в языковой картине мира того или иного народа.

Литература

Берн Ш. Гендерная психология. М.: Олма-Пресс, 2001. 320 с.

Гольдин В.Е., Сдобнова А.П. Мужик, мужчина и женщина, баба в речевом сознании школьников // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 3. / Под ред. М.А. Кормилициной. Саратов: Изд-во СГУ, 2003. С. 106–112.

Егорова Л.С. Гендерные стереотипы в управлении (по материалам социологического исследования) // Женщина в российском обществе. 2001. № 3–4. С. 13–17.

Мацумото Д. Человек, культура, психология. Удивительные загадки, исследования и открытия. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2008. 688 с.

Русский ассоциативный словарь: В 2 т. / Ю.Н. Караулов и др. М.: АСТ, 2002. Т. 1. (РАС).

Холодная В.Г. Мужик // Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре / Д. А. Баранов и др. СПб.: Искусство-СПБ, 2005. С. 371–379.

Т.Б. Ильинская
Военная академия материально-технического обеспечения
им. генерала армии А.В. Хрулёва, Санкт-Петербург

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА (геологический язык)

Ключевые слова: геологическое языковое сообщество, научный стиль, профессионализм, профессиональный язык, термин.

Геолого-минералогическая сфера имеет выработанный и богатый язык, что обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, языковую ситуацию в геологии определяет значительный возраст этой науки. У истоков геологического языка стоял М.В. Ломоносов, благодаря которому геология заговорила по-русски. Его роль в словесном развитии естественных наук охарактеризовал В.И. Вернадский, которого весьма занимали вопросы профессионального научного языка: «Наш научный язык носит отпечаток мысли его, и бессознательно поколения русских натуралистов подчинялись влиянию его мирозерцания» [Вернадский 1997: 22]. Дальнейшая история геолого-минералогических наук включает несколько крупных личностей (А.Е. Ферман, В.А. Обручев), которые были не только геологами-академиками, но и талантливыми писателями. Широкая известность их популяризаторских книг привела к тому, что геологические реалии входили в языковое сознание читающей публики, прежде всего молодежи. Широкое распространение геологической проблематики проявляется, например, в названии радиопередачи «Тектонический сдвиг», где фундаментальное понятие геотектоники метафоризируется и становится обозначением социальных сдвигов, социальных катаклизмов. Термин «стратификация» также пришел из геологии, где он обозначает положение отдельных частей геологических образований в вертикальном разрезе.

Не только термины геологической науки вошли в общенациональный речевой обиход. «Народная» геология влияла на расширение терминологического поля геологической науки. Кустарный промысел драгоценных камней и полезных ископаемых породил немало ярких слов, которые служили для обозначения всех реалий старательского дела. Речевой образ старателя в русской классике (Д.Н. Мамин-Сибиряк, П.П. Бажов) — интересная тема, которая еще ждет своего исследователя. Любопытно, что «народная» геология оказывала некоторое влияние на язык геологической науки. И в этом

процессе сыграл значительную роль А.Е. Ферсман, который всегда отмечал словесные удачи искателей самоцветов. Так, о слове «занорыш», обозначающем небольшую полость внутри каменной породы, Ферсман писал: «Считаю правильным введение в научный обиход этого прекрасного термина уральских горщиков» [Ферсман 1932: 84].

1960-е годы — та эпоха, когда именно в геологии нашлось много общего для «физиков» и «лириков», в других областях жизни стоявших на противоположных позициях. Романтический образ геолога (бардовская песня, кинофильмы, книги, где широко использовались профессионализмы) оказывал заметное влияние на общенародный язык, прежде всего на язык интеллигенции. Так, всенародно любимая песня А. Городницкого «Перекаты» послужила широкой известности термина «абрис» (сделанный от руки схематический план с обозначением данных полевых измерений). Слова:

На это место уж нету карты,

Идем вперед по абрису. —

ввели сугубо геологическое понятие в массовое сознание. Для обозначения движения наугад и блуждания в неизвестных местах поклонники бардовской песни могли воспользоваться выражением «идем вперед по абрису».

Другой аспект анализа геологического языка — это изучение его разновидностей, в частности функционально-стилистических типов. Так, разговорному стилю соответствует принятое в геологической среде словоупотребление *маршрутить*, т.е. двигаться по выработанному маршруту. Научный стиль геологических работ имеет длительную историю, в ней есть и большие мастера слова.

В каждом (в зависимости от профессиональной области) ученом сообществе есть свои особенности научного стиля. Эти особенности определяются спецификой терминосистемы, сложившимися традициями и характером данной отрасли знания. Изучение дисциплин, формирующих геологическое мировоззрение, влечет за собой необходимость в словесном оформлении таких категорий, как, например, геологическое время с его колоссальными масштабами.

Сравнительно-сопоставительный анализ трудов А.Е. Ферсмана (1920–1930-е) и «Записок Российского минералогического общества» (2005–2015) позволил сделать вывод, что научный стиль современных геологических трудов имеет ряд особенностей. С одной стороны, наследуются речевые традиции, специфические для данной области знания. Например, в современных научных трудах по геологии часто встречается слово *приурочить*, употребление которого, на первый взгляд, свидетельствует о недостаточной речевой культуре нашей эпохи: «На поверхности штокверка Тигриного установлено, что ферберит тяготеет к лежащему боку рудной зоны и в мень-

шей степени — к ее осевой части. Гюбнерит, наоборот, приурочен к висячему боку зоны» [ЗРМО 2011: 69].

Однако сопоставление этих кажущихся неправильными словоупотреблений с трудами авторитетных ученых-писателей (А.Е. Ферсман, В.А. Обручев) показывает, что в научных трудах геологической тематики за словом «приурочить» закрепилось значение «быть связанным с определенным местом» (а не временем, как в литературном языке). Например, у Ферсмана «приурочен к глубинам» [Ферсман 1932: 243].

В устной форме геологического научного языка также имеется ряд профессиональных особенностей. Например, совершенно «законным» в научной геологической среде стало слово *добыча*. Его ни в коем случае нельзя считать принадлежащим геологическому жаргону, это слово произносится с самых высоких трибун на ученых собраниях (геологи шутят, что обычное ударение в этом слове вызывает ассоциации с «промыслом» грабителей, в то время как «дóбыча» — с жизнью геологов).

Помимо специфики, современному геологическому научному языку свойственны те недостатки, которые характерны для современного научного стиля всех профессиональных областей. Это, прежде всего, обилие бюрократических оборотов (*вследствие вышесказанного...*), аморфность и громоздкость синтаксических конструкций. В последние годы тяжелый, неудобочитаемый научный язык стал предметом обсуждения в научной среде, и ученые говорят, что к указанным выше стилистическим недостаткам присоединились еще неоправданные заимствования из английского, не вписывающиеся в языковой строй русского языка и приводящие к разрушению традиций научного стиля, специфического для данной научной области. Однако для решения терминологических проблем геологии нужен взгляд не только филолога [Волков 2011: 4], но и специалиста-геолога, способного оценить, насколько вписываются новые термины, в основном заимствованные, в языковые традиции геолого-минералогической науки.

Литература

Вернадский В.И. Статьи об ученых и их творчестве. М., 1997.

Волков С.С. К вопросу об истории русской минералогической терминологии // Записки Российского минералогического общества. 2011. № 2.

Записки Российского минералогического общества. 2011. № 5.

Инге-Вечтомов С.Г. Язык ученого и национальная идея // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов / Под ред. С.А. Кугеля. Вып. XXVI. СПб., 2010.

Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.

Ферсман А.Е. Пегматиты. Т. 1. Л., 1932.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГРАФИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ НОВЕЙШИХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СУБСТАНДАРТЕ

Ключевые слова: адаптация заимствований, русская графика, языковой субстандарт.

Процессы адаптации иноязычных заимствований в литературном языке и субстандарте протекают неодинаково. По мнению Е.В. Мариновой, это «связано с тем, что функция заимствования в литературном языке прежде всего номинативная, в результате чего язык пополняется новыми номинативными единицами. В то время как в субстандарте доминирующей является экспрессивная функция» [Маринова 2008: 116]. Однако это вовсе не означает, что заимствование в некодифицированных сферах не может выполнять номинативную функцию, хотя главной все же остается именно экспрессивная и игровая нагрузка: «Огромное количество заимствованных слов, попадая в русский язык, подвергается разного рода искажениям, дающим каламбурный или просто комический эффект, при этом сохраняя очевидное сходство и с английскими оригиналами» [Литневская 2011: 145].

Как известно, нестандартной лексике в большей степени присуща устная форма существования, при этом функционирование графических и орфографических вариантов — в основном письменная сфера. Но с появлением в конце XX — начале XXI века виртуального общения появился так называемый письменный разговорный язык. Самой яркой особенностью исконных сетевых жанров, по мнению Е.И. Литневской, является то, «что они сочетают устную разговорную речь и письменную форму ее передачи в условиях, приближенным к условиям устной разговорной речи» [Литневская 2010: 133]. Главная примета такой формы письменной речи — графико-орфографическая вариативность (*брейкер* — *брэйкер*, *э-мейл* — *и-мейл* — *е-мейл*).

Особенность некодифицированной речи находит отражение и в методах адаптации заимствований. Слово, попадая в литературный язык, в основном проходит через процедуру практической транскрипции, в то время как в субстандарте часто используется транслитерация. Например, английское слово *manager* в литературном языке функционирует как *менеджер*, а в

субстандарте нередко встречается форма *менеджер*; *message* в литературном языке — *месседж/мессидж*, а в субстандарте *мессага*. Наглядным примером такого различия являются варианты написаний английского слова *frame*: в литературном — *фрейм*, в субстандарте — *фраме*; английское *hacker* в литературном записывается как *хакер*, а в нестандартном языке возможен вариант *хацкер*.

Примерами транслитерированного варианта записи иноязычных заимствований являются сленговые слова: *хом* ('дом' — *home*), *рулес* ('правила' — *rules*), *ворк* ('работа' — *work*), *воркаголик* ('трудоголик' — *workaholic*), *гай* ('молодой человек' — *gay*), *драгстор* ('аптека' — *drugstore*), *таун* ('город' — *town*), *сизе* ('размер' — *size*), *сван* ('продажа одной ценной бумаги с одновременной покупкой другой' — *swap*), *аплоад* ('загружать' — *upload*), *андате* ('обновление' — *update*), *скрап* ('объем продаж мелкий' — *scrap*), *менеджер* ('управляющий' — *manager*), *мессага* ('сообщение' — *message*), *пагер* ('приёмник персонального вызова' — *pager*).

Нередко к транслитерированной форме присоединяется грамматическая морфема — окончание женского рода *-а*. Например: *бида* ('цена покупки' — *bid*), *кара* ('машина' — *car*), *клоза* ('одежда' — *close*), *пага* ('страница' — *page*), *фреза* ('программа-архиватор' — *freeze*), *шара* ('режим Share' — *share*), *шедуля* ('планировщик' — *sheduler*), *моуза* ('мышка' — *mouse*), *герла/гёрла* ('девушка' — *girl*), *голда* ('золотой' — *gold*), *импосиблия* ('невозможно' — *impossible*), *лана/топа* ('ноутбук/компьютер' — *lap top*), *mainboard* ('майнборда' — *системная плата*), *олда* ('старый' — *old*), *пага* ('страница' — *page*), *фриза* ('замерзать' — *freeze*), *френда* ('подруга/друг' — *friend*), *бука* ('книга' — *book*), *батла* ('битва' — *battle*), *бася* ('занятый' — *busy*), *бага* ('сгиб' — *bug*), *каша* ('кэш-память' — *cache memory*), *чикса* ('курица' — *chicken*), *бага* ('сумка' — *bag*), *банка* ('банк' — *bank*), *битла* ('жук' — *beetle*), *блювава* ('синяя волна' — *blue wave*), *рекорда* ('запись' — *record*), *шаровара* ('условно-бесплатное ПО' — *shareware*), *шуза* ('туфли' — *shoes*), *соня* (наименование компании Sony), *тата* ('татуировка' — *tattoo*), *трабла* ('проблема' — *trouble*), *тыча/тича* ('преподаватель' — *teacher*), *эксна* ('жизненный опыт' — *experience*).

Наряду с транслитерацией также активен в субстандарте и смешанный способ передачи заимствований, например *файер* — 'факел' от английского *fair*. Другие примеры подобных образований: *баффер* ('буфер', человек, являющийся соединительным звеном между боссом и членами «семьи» — *buffer*), *офер* ('цена продажи' — *offer*), *флавер* ('цветы' — *flower*), *чойс* ('одинаковая цена *бида* и *офера* в моменте у одного и того же контрагента; согласно примеру, который привел биржевой брокер, если, например, *бид* сегодня, а

офер завтра, притом что цена одна, это уже не *чойс* — *choice*), *дидукт* ('вычитать' — *deduct*), *кавиет* ('предупреждать' — *saveate*), *ивенинг* ('вечер' — *evening*), *експенс* ('затрата' — *expense*), *вок* ('работа' — *work*), *волк* ('гулять' — *walk*).

Субстандарт, в отличие от литературного языка, не торопится освободиться от вариантов; наоборот, здесь варьирование поддерживается речевой практикой. Разные способы передачи одного и того же слова обуславливают графические колебания в данных лексемах, например: *траш/треш/трэш* 'мусор' от английского *trash*. Приведем другие примеры вариантов одного и того же слова: *парти/пати* ('прием, вечеринка' — *party*), *перфоманс/перформанс* ('представление' — *performance*), *вотч/воч* ('смотреть' — *watch*), ('работа' — *work*), *траш/треш/трэш* ('мусор' — *trash*), *аннаблишить/аннублишить* ('неизданный' — *unpublished*), *уникс/ЮНИКС* ('оперативная система' — *UNIX*), *вент/вэнт* ('шёл' — *went*), *чилд/чайлд* ('ребенок' — *child*), *вок/ворк* ('работа' — *work*), *менеджер/менеджер* ('управляющий' — *manager*), *андерграунд/андеграунд* ('под землей' — *underground*).

В субстандарте отмечается тенденция к сохранению графемы *й* перед гласными в новейших заимствованиях вопреки слоговому принципу русской графики, например: *байить* 'покупать' от английского *buy*. Такое правописание характерно для некоторых заимствований литературного языка: «В некоторых словах иноязычного происхождения буква *й* пишется перед буквами *е, ю, я, и*, напр.: *вилайт, дуайен, фойе, стайер, конвейер, фейерверк, кикую* (народность), *аллилуйя, вайя, майя, маракуйя, папайя, паранойя, тупайя; секвойя, секвойи, секвойе, секвойю*» [Правила русской орфографии и пунктуации 2006: 35]. Такое написание находим в следующих словах: *байить* ('покупать' — *buy*), *делайить* ('отсрочить' — *delay*), *стайер* ('спортсмен легкоатлет' — *stayer*), *флайер* ('самолет' — *flyer*), *йелловый* ('желтый' — *yellow*), *файер* ('огонь' — *fire*).

Наличие подобных примеров конвертирования заимствованных англицизмов не подтверждает вероятных предположений о тенденции к устранению *й*. В частности, в буквосочетаниях с последующими гласными *й* сохраняется вопреки слоговому принципу русской графики. Эту же букву следует употреблять перед согласными с целью указать на особенности произношения слова (например, в словаре *криэйтор*).

Регламентированное словарем написание нового слова может быть проигнорировано субстандартом. По словам Е.В. Мариновой, «нередко, даже если то или иное написание нового слова рекомендовано словарем, оно продолжает "жить своей жизнью" и пишется вопреки рекомендациям» [Мари-

нова 2008: 99]. По существующим правилам иноязычный компонент *медиа* (*медиабизнес, медиахолдинг*) следует писать слитно с другими словами [Правила русской орфографии и пунктуации 2006: 118], однако не только в СМИ, но и в научной лингвистической литературе можно встретить дефисное написание подобных образований, например: *медиа-сообщения, медиа-сцена* и др. В соответствии с правилами «Русский орфографический словарь» рекомендует писать *массмедиа* слитно [Русский орфографический словарь Российской академии наук 2001–2007]. При этом наиболее частотным является вариант дефисного написания слова *масс-медиа*. Именно так отображается данное слово в заголовке монографии В.Г. Костомарова «Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой *масс-медиа*» [Костомаров 1999].

Литература

Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. СПб.: Златоуст, 1999.

Литневская Е.И. «Антиорфография» как лингвистический феномен и как письменная речевая субкультура (статья) // Ярославский педагогический вестник. 2010. Т. 1: Гуманитарные науки, № 4. С. 208–212.

Литневская Е.И. Письменные формы русской разговорной речи (к постановке проблемы). М.: МАКС Пресс, 2011.

Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX — начала XXI в. Проблема освоения и функционирования. М.: Элпис, 2008.

Правила русской орфографии и пунктуации: Полный академический справочник / Под ред. В.В. Лопатина. М.: Эксмо, 2006.

Русский орфографический словарь Российской академии наук / Отв. ред. В.В. Лопатин // Грамота.ру. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/lop/>.

ГЕНДЕРНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В РОССИИ (2000–2015)

Постсоветский период, начавшийся в 90-е годы, обнаруживает изменения в содержании гендерных репрезентаций, для создания которых в основном используются имеющиеся языковые средства, видеосоставляющая (существенно усилившаяся с конца XX века [Пойманова 1997]) и возможности новых цифровых технологий.

О специфике репрезентации гендера в 90-е годы XX века мы писали ранее [Кирилина 2002], установив, что в начале постсоветского периода в СМИ наблюдалась ярко выраженная тенденция к усилению гендерной асимметрии, к эротизации женщин и представлению их в качестве сексуального объекта. В 2000-е годы эта тенденция трансформировалась: в массовых СМИ она сохранилась, но несколько ослабла, возможно, по той причине, что новые цифровые технологии позволили диверсифицировать коммуникативное пространство и создать в Интернете поля общения для различных фокус-групп. По сравнению с 90-ми годами XX века в дискурсивном конструировании гендера происходит дифференциация по предпочтениям, интересам и вследствие этого дробление дискурсов, их кластеризация в электронной коммуникации. Общий социальный контекст в этот период отмечен также фактором глобализации, усложнившим картину. Таким образом, начало XXI века характеризуется многообразием гендерных представлений, которые обсуждаются в статье на основании следующих данных: нами проведен анализ СМИ («Комсомольская правда», «Литературная газета», «Московский комсомолец» 2010–2015 годов) и произведена выборка материалов, касающихся гендерных отношений, а также школьных принадлежностей. Частично использован лексический материал, полученный в 2010–2014 годах из комментариев читателей к текстам СМИ при выполнении проекта Российского государственного научного фонда «Лингвистическая диагностика межнациональной напряженности в интернет-коммуникации» (грант № 13-14-77006). Для определения динамики частотности лексических единиц использованы данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и Google books Ngram Viewer.

Вторым источником материала стала повседневность автора статьи: интроспективно фиксировались случаи с эффектом новизны, «задевающие», вызывающие эмоциональную реакцию. Этот метод считается обоснованным в эпоху ускоренной динамики развития языка и коммуникации [Николаева 2010; Coupland 2010], позволяет в определенной мере преодолеть статичность модели «язык/речь» [Blommaert 2010], а также зафиксировать новые явления.

Современное конструирование гендера характеризуется множественностью тенденций и совершается при помощи вербального и невербального кодов (их синхронизация имеет место далеко не всегда). Для систематизации многообразия применена модель гендеризма И. Гоффмана [Goffman 1977], основными движущими силами которой И. Гоффман назвал *институционализацию* и *ритуализацию пола*.

С некоторой долей условности мы выделили две наиболее яркие тенденции противоположной направленности:

- глобальную тенденцию к семиотической минимизации / устранению гендерных различий;
- тенденцию к усилению гендерной дифференциации и гендерной асимметрии.

Тенденция к устранению гендерной асимметрии выражается предварительным проведением гендерной экспертизы текстов [Гендерная экспертиза 2005; Черных 2012], параллельным изображением или вербальным выражением мужских и женских персонажей, пропорциональной представленностью глагольных предикатов различной степени агентивности [Гриценко 2005], отсутствием противоречий в вербальной и видеосоставляющей текстов и др., деконструированием дихотомии через умножение гендерных ролей и усиление внимания к описанию различного рода особенностей сексуального поведения индивидов, дискурсивное перемещение этих особенностей из категории девиации в категорию нормы. Эта область представляет собой поле бурных дискуссий, отражает целый ряд моментов, описываемых термином «постгендеризм» и связанных с формированием новой, плюралистической, модели человека. Для глобального дрейфа к постгендеризму¹ характерен демонтаж прежних норм институционализации и ритуализации

¹ Определения постгендеризма пока не встретились нам в отечественных академических изданиях, но присутствуют в «Википедии»: «...индивид в обществе не сводится к гендерной роли, а является просто представителем человеческого рода, которого характеризуют (если в этом вообще есть необходимость) лишь его собственные поступки» [<https://ru.wikipedia.org/wiki/постгендеризм>].

гендера, в том числе устранение визуальных различий в гендерных репрезентациях.

Институциональная составляющая тенденции. Один из важных аспектов реализации ослабления различий и концептуализации гендера как автономного от биологической принадлежности человека к тому или иному полу — языковое оформление персональной документации лица¹, которая служит его самоидентификации, отражает отношения с обществом, в первую очередь — с ближайшими родственниками, в том числе с матерью. Значимость этой связи доказывается, в частности, тем, что слово *мать* относится к основному лексическому ядру, практически неизменно находится в окружении положительно коннотированных или нейтральных лексических единиц и не обнаруживает негативной стереотипизации, присущей слову *женщина* [Кирилина 2000: 192 и след.].

В 2011 году пресса сообщает о появлении новой институциональной нормы — регистрации ребенка как рожденного без материнского участия:

ОТЕЦ В ОДИНОЧКУ

Женщин можно вычеркнуть не только из жизни, но и из документов своих детей.

Нужна ли в семье... мама? Оказывается, ответ на этот, казалось бы, риторический вопрос не для всех однозначен. В последнее время в России появилась новая тенденция: мужчины сознательно обзаводятся детьми без участия жен. Многие обеспеченные господа боятся женщин как огня, видя в них, и подчас не без оснований, угрозу своему материальному благополучию и душевному покою. Особенно в случае развода. Дошло до того, что на днях столичный загс обнаружил удивительный факт; впервые в Москве зарегистрирован ребенок, у которого в графе «мама» свидетельства о рождении стоит... прочерк. «МК» узнал подробности жизни необычного отца-одиночки: 50-летний Максим, отец мальчика с прочерком вместо мамы, далеко не единственный, кто «родил» себе ребенка сам. На сегодня у нас в стране таких самостоятельных, независимых от женщин семей уже более сорока, причем подавляющее большинство их живет в столице. Но только Максим довел дело до логического завершения, *добившись документального признания того, что матери у его сына нет.* Для этого ему пришлось обратиться в Бабушкинский районный суд Москвы, который и вынес беспрецедентное решение.

[<http://www.mk.ru/social/article/2010/10/22/538730-otets-v-odinochku.html>]

¹ В первую очередь, это «документы о статусе частного лица (паспорт, свидетельства о рождении, браке, смерти, документы об образовании, удостоверение личности, сберегательная книжка, воительские права и т.п.)» [Мечковская 2004: 251–252].

Еще одна инновация в институциональном построении гендера — выбор пола в документах, удостоверяющих личность самим индивидом и при этом не из двух, а из трех вариантов и более: например, лицу, желающему записаться на прием в австрийское посольство в России, на сайте посольства, предлагается заполнить анкету и сделать выбор пола из четырех возможных вариантов: *male, female, not applicable, unknown*.

СМИ и Интернет регулярно информируют читателей о подобных процессах в других странах и об институциональных инновациях (регистрации однополых браков, усыновлении детей однополыми парами, признании родительства трех человек и более и т.п.). Приведем типичные примеры.

В 2014 году в Facebook предлагает различать более 50 видов гендера. Этот факт интенсивно комментируется в СМИ:

Это вам не набившие оскомину «андрогин», «интерсексуал», «гендерквир», «транссексуал», «гермафродит», «трансгендер», «транссексуал». Тут новизна и креатив: «Bigender» — двуполый, «Agender» — бесполой, «Gender Fluid» — пол меняется в зависимости от ситуации, или «Two-spirit» — носители смешанного пола, а «Cisgender» (состояние, при котором биологический, социальный и психологический пол человека совпадают) подразделяется на целых десять разновидностей.

[<http://ria.ru/analytics/20140214/994923109.html#ixzz2tUcCPRzE>]

Число в 58 гендеров, выделенных экспертами для акции «Фейсбука», условно. Их, согласно гендерной теории, может быть и больше. Выделять их можно, по сути, бесконечно, придумывая микроскопические различия. Например, самые распространенные — те, для обозначения которых используют аббревиатуру ЛГБТ: ее буквы обозначают гомосексуальные гендеры (лесбиянки, геи, бисексуалы) и **трансгендер**ы — это те, кто недоволен своим биологическим полом. Их много: **транссексуалы** стремятся сменить пол хирургически, трансвеститы просто переодеваются в одежду противоположного пола, **андрогин**ы сочетают в себе мужские и женские черты и поведение, у гермафродитов есть мужские и женские половые органы, **бигендер**ы меняют половое поведение в зависимости от обстоятельств, **агендер**ы отрицают любой пол. Список можно продолжать, как это и сделали в «Фейсбуке». В кулуарах обсуждается введение новых гендеров, в основе которых лежат инцест и педофилия.

[<http://www.aif.ru/society/people/1114643>]

Анализируя средства языка, используемые для инноваций в институционализации гендера, мы наблюдали появление новой лексики, связанной с более детальным обозначением лица в зависимости от его сексуальных предпочтений, а также ревизию «стандартных» языковых форм представле-

ния гендера. Она реализуется как частотное калькирование англоязычных форм при игнорировании лексических и морфологических возможностей русского языка, что может вести и нередко ведет к противоположному результату — *усилению гендерной асимметрии* (она выражается прежде всего в смещении от метагендерного к гендерному уровню описания, в игнорировании неодинаковой степени андроцентричности языков при переводе с английского языка на русский или калькировании). Так, под влиянием калькированного перевода английских официальных формул, отражающих политкорректность, повышается частотность имен существительных с семантикой пола: *мужчины* и *женщины* (несомненная калька с *men and women* — выражения, заменившего непolitкорректное *men*). Ранее в подобном контексте встретилось бы слово *люди*. По этой же причине появляются сочетания вроде *права человека-женщины*. Там, где ранее несомненно было бы слово *человек*, ныне нередко встречается слово с более четким обозначением принадлежности по полу:

Вспомним теперь Аристотеля. Это был мужчина с незабываемо гибким умом. Великий грек.

[Литературная газета. 2008. №7. 18–24 февр. С. 5]

Сам факт роста частотности подобных лексических единиц говорит о подавлении отмечавшейся нами ранее [Кирилина 1999: 80] неравной степени андроцентризма языков и культур и о переносе иноязычных моделей, касающихся гендера. Так, к концу XX века в триаде *женщина* — *мужчина* — *человек* наибольший сочетаемостный потенциал имело слово *человек*, а наименьший — слово *мужчина*, и наметилась тенденция к снижению частотности слова *мужчина* и увеличению частотности слова *мужик* [Кирилина 2000: 173]. Аналогичные данные получены психолингвистами и культурологами. Так, О. Шабурова в конце 90-х годов фиксировала появление в российском неформальном дискурсе положительно коннотированного типа *мужик* [Шабурова 2002].

Таким образом, глобальная экспансия английского языка оказывает воздействие на тенденции развития гендерно значимой русской лексики (подробнее о масштабе заимствований см.: [Маринова 2008]).

Другой стороной этого процесса можно считать заметное повышение частотности имен существительных, отражающих исключительно семантику пола и возраста, а не пола и профессии, пола и деятельности, как это было ранее (динамику частотности см. ниже).

Ритуализация пола затрагивает преимущественно визуальные образы и обнаруживает смешение привычных черт обоих полов, как например, на обложке блокнота, изображающей супермена (рис. 1).

Рис. 1. Блокнот «Супермен(ша?)»

Еще один прием обновления ритуализации связан с открытием окон Овертона, в данном случае это внесение в семиотику городской среды образов, разрушающих привычные гендерные представления (рис. 2, 3).

Рис. 2. Трансексуал — лидер «Evdokimov-show» стал лицом сайта компании Marc Jacobs

Рис. 3. Реклама салона красоты «МОНЕ». Конец осени — зима 2011. Москва, городские афиши

6 августа 2014 года прошло бракосочетание, на которое молодожены, гетеросексуальная пара, явились в белых платьях и фатах.

В данном случае наблюдается первая стадия окна Овертона — перевод из категории «немыслимое» в категорию «радикальное». Многими гражданами России этот процесс не воспринимается как норма и часто вызывает негативную реакцию, о чем свидетельствуют комментарии читателей, ставшие доступными для наблюдения благодаря Интернету. В городской среде представлена и борьба дискурсов.

Наконец, в ряде предвыборных агитационных материалов маскулинность использована как ресурс при создании имиджа президента В.В. Путина (подробнее см.: [Riabov, Riabova 2014]).

Ритуализация гендера в рамках дискурсивной практики педагогизации пола ребенка [Фуко 1996] касается сексуализации детства (она сосуществует с законом о борьбе против педофилии). Эту тенденцию, ярко проявившуюся в семиотике детских товаров, видимо, тоже правомерно назвать глобальной, поскольку детские вещи сегодня производятся для многих стран (игрушки, школьные принадлежности и т.п.) и тиражируют образы по всему миру, например куклы Bratz (рис. 4), внешность которых акцентирует сексуальность: чрезмерно крупные губы, броская косметика, сексапильная одежда.

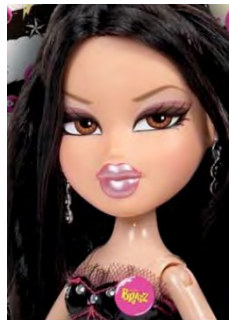

Рис. 4. Одна из четырех кукол серии Bratz

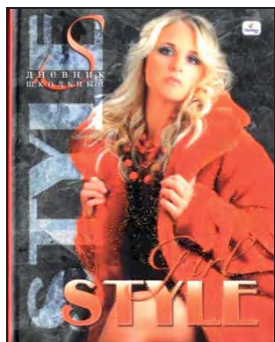

Рис. 5. Дневник школьный (как явствует из русской надписи на обложке) для девочек (как явствует из английской надписи Girl Style на обложке)

Распространение сексуальных образов касается и школьных принадлежностей (рис. 5). Обсуждаемый дневник выпущен в 2010 году. Тогда же (29.12.2010) принят Федеральный закон № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», который вступил в действие в 2012 году, после чего семиотика школьных принадлежностей стала несколько сдержаннее, но усиленная гендеризация сохранилась.

Названные тенденции в значительной мере отражают распространение глобализационного конструирования гендера.

Отечественные¹ гендерные репрезентации также многообразны, но сводимы к идее дискурсивного усиления гендерных различий. Это выражается в заметном увеличении присутствия в общественном дискурсе текстов различных типов, пафос которых — «естественное предназначение» полов, критика феминизма и т.п.

Тенденция к усилению гендерной дифференциации и гендерной асимметрии выражается прежде всего в смещении от метагендерного к гендер-

¹Мы не пользуемся термином «локальные», чтобы избежать ассоциаций с общепринятым в глобалистике понятием «локализация глобального», поскольку рассматриваем обсуждаемые тенденции как специфику страны, а не как специфику укоренения в ней глобалистских трендов, хотя ряд моментов, например последствия миграции, несомненно, находится в пограничной зоне.

ному уровню описания. Происходит дифференциация адресованности по полу адресанта в случаях, когда ранее это не имело места. Так, например, по содержанию и визуальному оформлению в большинстве случаев школьные принадлежности подразделяются на гендерные группы. В научно-популярном дискурсе обнаруживаются даже мизогинические тенденции (ср.: название книги «Конец феминизма. Чем женщина отличается от человека» [Никонов 2005]). Фармацевтический дискурс в рекламе медикаментов для женщин воспроизводит практику истеризации и медиализации женского организма, практически полностью отсутствовавшую в советский период. Обе эти тенденции в той или иной мере игнорируют сложившиеся в советское время гендерные репрезентации. Те, однако, не исчезли полностью, а переместились в интернет-коммуникацию, например, стереотип «советская женщина» обнаруживает явно положительные характеристики в целом ряде блогов: это сайты и блоги с высокой посещаемостью (*zina-korzina*, *uborshizza* и др.). Среди материалов такого рода отметим заметность и востребованность советских плакатов, посвященных женщинам и представляющих их в первую очередь как граждан, как носителей общественно значимых профессий (рис. 6).

Рис. 6. Советский плакат «Врач — друг народа!»
[<http://uborshizza.livejournal.com/3435082.html>]

Особую роль играют постсоветский всплеск религиозной активности и расширение сферы влияния церкви, а также массово привносимые и потому очень заметные традиционные поведенческие модели гендерной культуры мигрантов, в частности весьма гендеризованная семиотика исламского по-

ведения, подразумевающая раздельное пребывание в пространстве, сокрытие женского лица, драпировку фигуры и т.п. (рис. 7, 8). Вследствие мощной миграции все это переносится в города и регионы страны, где исламская семиотика пола не была столь масштабной, и у многих граждан ее стремительная экспансия ассоциируется с подавлением свободы и прав женщин, а также с представлениями, обсуждение которых выходит за рамки гендерной проблематики.

Усиление влияния православия также способствует гендеризации общества.

Рис. 7. Фестиваль исламской моды в Москве на выставке «Халяль»

Рис. 8. Мусульмане-мужчины у соборной мечети в Москве 4 октября 2014 года отмечают праздник Курбан-байрам
[<http://runews24.ru/religion/04102014-musulmane-otmechayut-kurban-bajram.html>]

Изменения в сторону более ярко выраженной гендеризации отмечаются и в моделировании детства. Происходит дифференциация адресованности по полу адресанта в случаях, когда ранее это не имело места или было не столь ярко выражено. Игрушки, школьные принадлежности по содержанию и визуальному оформлению подразделяются на гендерные группы; можно легко отличить тетради, дневники и другие предметы для девочек: они, как правило, розового цвета, на них изображены принцессы, цветы, мягкие игрушки, домашние животные. Школьные принадлежности для мальчиков имеют более широкий спектр изображений и более разнообразную цветовую палитру. Цвета, однако, не столь ярки.

Гендерная идентичность девочки конструируется даже в таком ранее гендерно нейтральном материале, как прописи. Мы обнаруживаем «Прописи для девочек» (рис. 9), стиль которых также гендерно стереотипизирован: розовый цвет окантовки, цветочный орнамент, изображение принцессы в розовом платье.

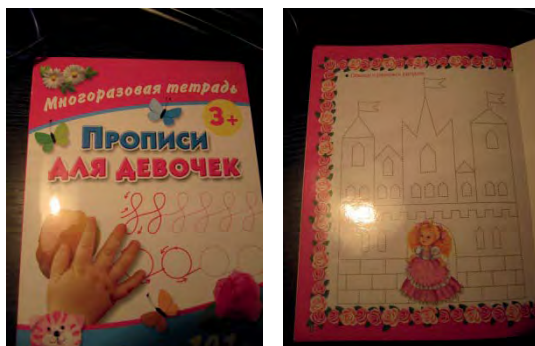

Рис. 9. Прописи для девочек

Существуют и простые прописи, без вербальной гендерной маркированности, однако их видеокomпонент несимметричен вербальному и изображает лишь ученика-мальчика, задавая тем самым образ прототипического школьника (рис. 10).

Рис. 10. Прописи

Не все школьные принадлежности обнаруживают гендерную адресованность, но доля гендеризованных велика, ярка и первой бросается в глаза при посещении соответствующих магазинов или отделов.

Новая отечественная гендерно специфичная лексика представлена, на наш взгляд, слабо, в официальном об-

щественном дискурсе, как правило, не присутствует. Если заимствования и кальки чаще отражают сферу сексуального поведения (*бигендер*, *агендер* и т.п.), то лексика, созданная на материале русского языка, в значительной степени принадлежит к семантической группе «межнациональные отношения». Она отражает специфику миграционных потоков и отношение к ним: *носорог*, *ликан* и т.п. (названия кавказцев), *свинорылый*, *ватник* (названия русского), *чернильница* (девушка или молодая женщина, имеющая сексуальную связь с выходцем с Кавказа), *хиджабнутая*, *заматашка* (мусульманка, носящая хиджаб¹). Как правило, такая лексика обозначает лицо по возрасту, полу и национальной или религиозной принадлежности и имеет негативные коннотации.

Отметим также возрастание частотности лексем, обозначающих лицо по возрасту и полу: *мужчина*, *женщина*, *девушка*. Рост их употребительности заметен в повседневности, а фиксируется при обращении к статистическим возможностям корпусов: на рис. 11 представлена динамика частотности слова *мужчина*, по данным НКРЯ, с 1985 по 2010 год. Рис. 12 отражает динамику частотности слова *женщина*. Одновременно несколько сокращается частотность употребления слова *человек*, в большинстве контекстов, относящегося к метагендерному уровню (рис. 13).

Рис. 11. Динамика частотности слова «мужчина». 1985–2010 годы

¹ В блогах обнаружено и другое определение: «Заматашки — так в Астрахани называют девочек, вдруг надевших хиджаб. Национальный состав очень разношерстный: татарки, казашки, русские, узбечки, аварки. С каждым годом их все больше. Только по официальным данным, сейчас 60 из них — жены боевиков. Одних находят живыми, о судьбе других родные узнают, когда эти молодые мусульманки, ушедшие в бандформирования, погибают за “правое дело”» [<http://blog.fontanka.ru/posts/147948>; 30.12.2013].

Рис. 12. Динамика частотности слова «женщина». 1985–2010 годы

Рис. 13. Динамика частотности слова «человек». 1970–2010 годы

Пики, приходящиеся на середину 1990-х годов, и последующие спады частотности объясняются, на наш взгляд, распространением электронной коммуникации: некоторые специфические области, присутствовавшие в СМИ в 1990-х годах, ушли в интернет-коммуникацию, не вполне пока отраженную в НКРЯ. В пользу этого аргумента говорят и данные Google books Ngram Viewer (рис. 14), отражающие книжные публикации, в которых актуальные тенденции диверсификации в интернет-общении не учитываются.

Слово *мужик*, частотность которого росла в 90-е годы, обнаруживает сегодня меньшую употребительность.

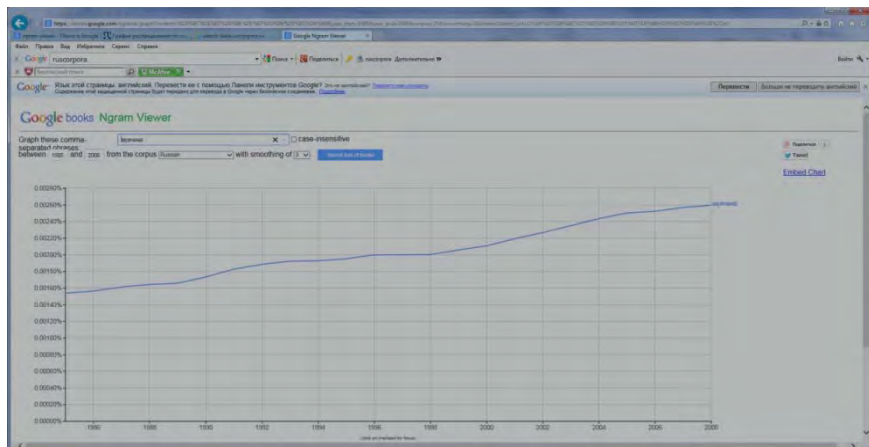

Рис. 14. Динамика частотности слова «мужчина», по данным Google books Ngram Viewer. 1985–2008

Выводы. Названные факты позволяют охарактеризовать современную гендерную модель в России как плюралистическую. Во всем многообразии репрезентаций четко выделяются глобальные тенденции к устранению гендерных различий, к сексуализации образа ребенка, что, на наш взгляд, представляет собой некоторое противоречие и нуждается в дальнейшем изучении и объяснении.

Отечественная тенденция к сохранению и усилению гендерных различий также не лишена противоречивости и в общих чертах сводится к следующему:

- усиление патриархатного фундаментализма;
- «уход в тень» советской модели гендера в общественном дискурсе и пространстве при ее (частичном) сохранении в частной зоне (интернет)-общения; обособленное и положительно коннотированное понятие «советская женщина»; апелляции к советским гендерным моделям при обсуждении современных проблем (...а наши девушки знали, что такое легированная сталь!);
- оживление и «параллельное» существование этнизированных/конфессиональных моделей гендера; религиозные гендерные модели, прежде всего исламские, нередко встречают негативное отношение;
- использование гендера как политического ресурса;
- гендеризация детства.

Названные тенденции — симптом изменения общей модели человека. Факт же их противоположной направленности говорит, на наш взгляд, о борьбе глобалистов и традиционалистов-фундаменталистов за право определять содержание понятия «человек» в современном общественном дискурсе. Те и другие тенденции насаждаются весьма интенсивно и нередко грубо игнорируют ценности, настроения и ожидания людей, что ведет к социальным и личным протестам разного рода и также должно стать объектом научной рефлексии.

В целом семиотические репрезентации гендера подтверждают отмечаемое также социологами [Свадьбина, Немова, Пакина 2014] резкое снижение статуса женщины в рассматриваемый период.

Литература

Гендерная экспертиза учебников для высшей школы / Под ред. О.А. Ворониной. М.: РОО МЦГИ; ООО «Солтекс», 2005. С. 157–174.

Гриценко Е.С. Язык. Гендер. Дискурс. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2005. 267 с.

Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Институт социологии РАН, 1999. 189 с.

Кирилина А.В. Гендерные аспекты языка и коммуникации: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 369 с.

Кирилина А.В. Манифестация гендерных стереотипов в российской прессе: журналистская и читательская перспективы // Wiener Slawistischer Almanach. 2002. Sonderband 55. S. 121–134.

Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX — начала XXI в.: Проблемы освоения и функционирования: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. 44 с.

Мечковская Н.Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков: Учеб. пос. 2-е изд. Минск, 2004. 357 с.

Николаева Т.М. Личность. Семья. Общество. Конфессиональные позиции: Полувековая динамика концептосферы // Язык и общество в современной России и других странах: Междунар. конф. Москва, 21–24 июня 2010 г. Доклады и сообщения. М., 2010. С. 52–56.

Никонов А. Конец феминизма. Чем женщина отличается от человека. М.: Издательский дом НЦ ЭНАС, 2005. 254 с.

Пойманова О.В. Семантическое пространство видеовербального текста: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. 237 с.

Свадьбина Т.В., Немова О.А., Пакина Т.А. Современный трафик работоторговли: причины, последствия, профилактика // СОЦИС. 2014. № 2. С. 43–48.

Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996. 448 с.

Черных О.Ю. Семиотические средства конструирования гендера в педагогическом дискурсе: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 182 с.

Шабурова О. Мужик не суетится или Пиво с характером // О муже(Н)ственности / Под ред. С. Ушакина. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 532–556.

Blommaert J.A. The Sociolinguistics of Globalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 230 p.

Coupland N. Introduction: Sociolinguistics in the Global Era // The Handbook of Language and Globalization / Ed. by N. Coupland. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. P. 1–27.

Goffman E. The Arrangement between the Sexes // Theory and Society. 1977. Vol. 4, N 3. P. 301–314.

Riabov O., Riabova T. The Remasculinization of Russia? Gender, Nationalism, and the Legitimation of Power Under Vladimir Putin // Problems of Post-Communism. 2014. Vol. 61, Iss. 2. P. 23–35.

Е.Ф. Киров

**Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
Москва**

ТРИ ЯЗЫКА РУССКОГО ЯЗЫКА

Можно ли считать, что русский язык имеет статус не только языка межнационального общения, не только международного языка ООН, но и всемирного языка, подобного World English? На этот вопрос следует ответить положительно, поскольку число говорящих на русском языке, по данным президента МАПРЯЛ Л.А. Вербицкой, превысило 500 000 000, а во Всемирной сети он вышел на второе место после английского. Представляется, что через некоторое время именно в Интернете возникнет новый вариант русского литературного языка и это будет литературный язык не высшего (на нем сейчас говорит не более 10 % русскоговорящих), а среднего уровня (на нем говорит большинство говорящих по-русски). Именно так произошло с современным итальянским языком, который возник как язык среднего уровня по сравнению с латинским, его предшественником, относящимся к языкам высшего уровня. Но Данте и Петрарка написали великие произведения на этом языке среднего уровня, и он стал современным литературным итальянским языком. Подобное произошло и с английским языком, который приобрел вариант среднего уровня на американском континенте, и американский английский в настоящее время осознается как самостоятельный вариант английского языка, отличающийся от британского английского языка, эталонным хранителем которого является Букингемский дворец.

Можно утверждать, что русский язык, используемый как родной, в наши дни представляет собой своеобразную матрешку, иллюстрирующую теорию трех штилей М.В. Ломоносова: имеется низкий вариант русского языка (его

нельзя отнести к литературному, это просторечие, жаргонизированные варианты, арго и диалекты), на котором говорит очень значительное количество русскоговорящих (не менее половины преимущественно этнических русских). Как ни странно, этот язык даже поставляет незначительное количество слов в языки верхнего уровня (*мочить в сортире* и т.д.), но сам из языка верхнего уровня почти ничего не берет, отличается фантастической функциональностью и эмоциогенностью.

Самой крупной матрешкой оказывается современный русский литературный язык высокого уровня, именно он описан в академической грамматике и словарях, используется в образцовых языковых произведениях. Этот язык можно отнести к высокому стилю (на нем создаются тексты литературных произведений, журналистики, публицистики, гуманитарной науки, просвещения, ораторского искусства и т.д.). Однако овладеть этим языком непросто, а в массовом масштабе просто невозможно, поскольку этот язык требует особого языкового дара, данного не всем.

Между малой и большой матрешками расположена средняя, которая символизирует язык среднего уровня, последний базируется преимущественно на школьной грамматике и имеет диапазон варьирования от разговорной речи литературного языка до стилистически маркированных текстов официально-делового, научно-технического, профессионального и рекламного характера. Этот русский язык среднего уровня на самом деле используется очень широко, не только в документообороте и рекламе, производстве и военном деле, объявлениях и бытовом общении, но и в Интернете (там он является основным, хотя в Сети можно встретить самую богатую стилевую палитру). Он в определенной степени соответствует тому, что в англосаксонской лингвистике было названо стандартом (Standard English).

Пожалуй, выскажу крамольную мысль, что российская лингвистика всегда отличалась романтическим отношением к языку и признавала только высокий вариант литературного языка как единственный, достойный изучения и распространения. Именно он описан в академических грамматиках и словарях как образец. В послевоенное время существовала даже точка зрения, что литературный язык постепенно вытеснит диалекты и просторечие, и все жители, включая сельских, заговорят на литературном русском языке. Однако так не произошло, да, видимо, и не может произойти, поэтому в русской лингвистике необходимо выработать реалистическую точку зрения, согласно которой говорящие изберут для коммуникации соответствующий их потребностям вариант русского языка. Наблюдаемая в наши дни реальная ситуация использования русского языка свидетельствует, что значи-

тельная часть русскоговорящих говорит на языке низкого уровня (и стиля) и не собирается (да и не может, поскольку не владеет) переходить на другие варианты языка. Очень незначительная часть одаренного в языковом плане населения (и внутри страны, и в мире) говорит на русском языке высокого уровня. И самая значительная часть населения России и русскоговорящих в остальном мире общается на русском языковом стандарте, то есть языке среднего уровня, включающем в себя русскую разговорную речь.

Реалистическая точка зрения требует также и проецирования принципа матрешки на такой феномен, как русский язык как иностранный (и неродной для инофонон-мигрантов). В методике РКИ принят принцип концентров при обучении инофононов русскому языку, материал и его содержание усложняются от первого концентратора к третьему. Например, в программе по русскому языку как иностранному для детей 8–12 лет, не владеющих или слабо владеющих русским языком (авторы-составители: к.ф.н. Т.В. Савченко, к.ф.н. Е.В. Какорина), говорится, что «все три этапа обучения теснейшим образом связаны между собой, так как каждый последующий концентратор повторяет, расширяет и дополняет уже известную детям языковую и культурологическую информацию, создавая прочную основу знаний учащихся. Первый концентратор прежде всего предполагает изучение и систематизацию лексики, необходимой ребенку для повседневного общения, ориентации в городе, городских учреждениях, транспорте, знакомства с этикетом. Поэтому уроки этого этапа организуются на основе лексических тем». Далее описаны второй и третий концентры, что в целом делает описываемый вариант языка похожим на матрешку. Однако при этом не учитывается тот факт, что обучаемым в режиме и РКИ, и РКН может быть взрослый, поэтому ему не обязательно идти от первого к третьему концентратору, ему, может быть, достаточно сдать тест РКИ базового уровня для работы в России, и далее первого концентратора он не пойдет. В таком случае необходимо идти дальше в методике и логике преподавания РКИ-РКН и говорить не о концентраторе, а о малом русском языке (бейсик-русском), который, подобно матрешке, покоится в самой глубине.

Другими словами, необходимо создать аналог бейсик-инглиш на иных лингвистических, методических и логических основаниях. Необходимо создать бейсик-русский по образцу и подобию бейсик-инглиш, но со своей спецификой. Вполне очевидно, что ставить цели обучения иностранцев русскому языку высокого уровня (кроме литературных переводчиков штучной подготовки) по меньшей мере нереалистично. С другой стороны, учить их русскому языку сверхнизкого уровня излишне (он появляется сам собой в языковом сознании как иностранца, так и инофона). Следовательно, основ-

ным объектом распространения русского языка как иностранного/неродного в любом масштабе (включая всемирный), особенно по отношению к обучению взрослых, оказывается бейсик-русский и русский стандартный общепотребительный язык, именно он лежит в основе общепотребительного русского языка, о котором говорилось выше. Такой язык не получил до сих пор научного описания, и он лишь интуитивно и фрагментарно угадывается и проявляется в учебниках русского языка как иностранного, а также явно проявляется в школьной грамматике русского языка. Фактически мы не сильно погрешим против истины, если будем утверждать, что стандартный общепотребительный русский язык — это язык, который отражен и описан в школьной грамматике русского языка.

Все вышесказанное накладывает очень серьезный отпечаток на важнейшую проблему, которую поднял руководитель фонда «Русский мир» депутат Государственной думы РФ В.А. Никонов, — создание единого учебника русского языка. Не нужно быть пророком, чтобы предсказать, что лингвистическая и педагогическая общественность встретит эту идею прохладно, но идея слишком хороша, чтобы оставить ее без защиты. Действительно, если язык представляет собой своеобразную матрешку и если нас интересуют преимущественно две из них — язык высокого и среднего уровня, то можно диалектически преодолеть противоречие между единством и неединством учебника по русскому языку. Другими словами, необходимо создать консорциум из реалистически настроенных лингвистов и педагогов для создания единого учебника по русскому языку, который построен концептуально по принципу матрешки. Другими словами, необходимо создать учебник в одной обложке (хотя это не принципиально), который содержит в себе блок описания русского языка среднего уровня, над которым надстроено более углубленное и обогащенное описание русского языка высокого уровня. Принцип матрешки может стать концептуальной основой такого учебника. При реальном использовании такого ученика каждый обучаемый может выбрать уровень освоения языка, при этом освоение стандартного русского языка следует признать обязательным. Именно он содержательно должен стать тем, что носит название «государственный язык РФ». В настоящее время сам объем и качество русского языка как государственного никем не определены и не ограничены какими-либо рамками, осознаются скорее интуитивно. Во всяком случае, нигде не охарактеризован источник описания русского языка, который признается государственным. Не ясно, какой язык следует считать государственным — тот, который описан в «Русской грамматике» (1980) или в школьном учебном комплексе (их несколько), ка-

ков минимум слов в этом языке и т.д. Создание единого учебника русского языка, предложенное В.А. Никоновым (можно предложить также создание единого словаря), снимет такие проблемы и внесет определенную ясность в термины и объемы понятий, которыми оперируют важнейшие государственные правовые документы, включая Конституцию РФ.

В.П. Коровушкин

Череповецкий государственный университет, Череповец

СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА И ЕЕ СОЦИОЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В СУБСТАНДАРТНЫХ СЛОВАРЯХ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: арго, вульгаризм, жаргон, коллоквиализм, кэнт, просторечие, сленг, субстандарт.

Социально-коммуникативная стратификация вокабуляра национального языка (см. рисунок на с. 128) основана на методологическом положении социолингвистики о том, что ресурсы национального языка от литературного языка до территориальных, этнических и социальных диалектов и субстандарта (просторечия), включая лексиконы субкультур, представляют собой социально-коммуникативную систему (СКС), компоненты которой находятся в отношении функциональной дополнительности.

СКС — это системно организованные и обладающие своей собственной структурой все языковые средства социально-речевого общения конкретного этноса, общества и культуры (социума и субкультуры) в данном государстве, обеспечивающие интеракцию-коммуникацию его членов в соответствии с социолингвистическими параметрами коммуникации и принятыми в нем социолингвистическими нормами в условиях сложившейся в данной стране социально-языковой ситуации.

Наша классификация строится на представлении о том, что лексические компоненты СКС функционально связаны с социальной структурой общества и со сферами общения — совокупностями тем, составляющих содержа-

Социально-коммуникативная стратификация вокабуляра национального языка

Национальный язык	Нормативная вариативность	Стратификационная вариативность	Ситуативная вариативность
	Литературный язык	Литературный стандарт	Литературно-книжный пласт
Нейтральный пласт			Нейтральный регистр
Лексический субстандарт / просторечие	Общепринятый лексический субстандарт / просторечие	Низкие colloquialisms	
	Специальный лексический субстандарт / просторечие	Лексический субстандарт	Общий сленг
Лексический субстандарт		Специальный лексический субстандарт / просторечие	Вульгаризмы
	Социально-профессиональные жаргоны		
		Социально-корпоративные жаргоны	
		Аргокант	
			Неофициальный регистр

ние коммуникации. Это позволяет рассматривать вокабуляр языка в плане его стратификационно-ситуативной вариативности. Стратификационная вариативность вокабуляра, опосредованно отражая социальную структуру общества, взаимосвязана с ситуативной вариативностью — речевым использованием компонентов СКС в зависимости от социальной, социально-языковой и коммуникативной ситуации. Социально-речевая ситуация обуславливает как набор лексических компонентов СКС, так и их употребление с учетом сосуществующих норм первого (стандартного) и второго (субстандартного) уровней. По отношению к норме стратификационная вариативность вокабуляра означает различные правила отбора компонентов (и их элементов), а ситуативная вариативность — правила их функционирования в речи. Последние зависят от типа регистра — дискретного уровня использования языковых ресурсов в различных социальных ситуациях. Мы предлагаем шкалу из трех дискретных регистров: официального — нейтрального — неофициального, поскольку именно противопоставление подобных ситуативных признаков социально-речевого общения оказывается решающим для ситуативно обусловленной вариативности нормы.

По отношению к видам взаимодействия норм двух уровней стратификационно-ситуативная вариативность означает наличие или отсутствие ситуации диглоссии — сосуществования двух экзистенциальных языковых форм СКС в пределах одного и того же социума, использующего эти формы в соответствующих коммуникативных сферах. Социум здесь выступает в роли речевого коллектива — совокупности социально взаимодействующих индивидов, имеющих единый инвентарь языковых единиц, но по-разному употребляющих их в речи. По наличию/отсутствию социально-профессиональной ограниченности употребления компонентов СКС неофициальный регистр подразделяется на подрегистры общего и специального характера. Подрегистр общего характера не детерминирует функционирование элементов СКС (слов и фразеологизмов) ни в профессиональном, ни в корпоративном отношении. Подрегистр специального характера выполняет подобную роль в обоих отношениях.

Представление вокабуляра экзистенциальных форм национального языка как СКС в ее диалектической взаимосвязи с вариативной нормой позволяет построить социально-коммуникативную классификацию словарного состава языка на трех логически совместимых принципах: 1) нормативно-вариативном, 2) стратификационно-вариативном и 3) ситуативно-вариативном. Первый характеризует соотношенность компонентов СКС как экзистенциальных форм национального языка с видами взаимодействия норм

первого и второго уровней. Второй характеризует соотносительность компонентов с социальной структурой общества (в оговоренных выше пределах). Третий характеризует соотносительность компонентов с регистрами. На основе нормативно-вариативного принципа словарный состав языка разграничивается на три комплексных лексических яруса, противопоставленных друг другу по виду существования нормы:

- литературный стандарт — преобладание нормы первого уровня;
- общенародный лексический субстандарт — паритетное варьирование норм обоих уровней;
- специальный лексический субстандарт — преобладание нормы второго уровня.

В каждом ярусе на основе стратификационно-вариативного принципа выделяется по три лексических пласта, составляющих речевой репертуар соответствующего регистра общения (ситуативно-вариативный принцип):

- в литературном стандарте: а) литературно-книжный, б) нейтральный пласт, в) литературно-разговорный пласт;
- в общенародном лексическом субстандарте: а) низкие коллоквиализмы, б) общий сленг, в) вульгаризмы;
- в специальном лексическом субстандарте: а) социально-профессиональные жаргоны, б) социально-корпоративные жаргоны, в) арго/кэнт.

На основе ситуативно-вариативного принципа весь набор стратификационных компонентов СКС группируется по их социально-речевой соотносительности с регистрами в три лексико-семантические подсистемы: 1) лексико-семантическая подсистема официального регистра (литературно-книжный и нейтральный пласты); 2) лексико-семантическая подсистема нейтрального регистра (нейтральный и литературно-разговорный пласты); 3) лексико-семантическая подсистема неофициального регистра: а) общего характера (низкие коллоквиализмы, общие сленгизмы и вульгаризмы), б) специального характера (социально-профессиональные и корпоративные жаргонизмы и арготизмы / кэнтизмы).

Низкие коллоквиализмы — это исторически сложившаяся и генетически достаточно однородная, относительно устойчивая и незамкнутая, комплексная, системно организованная и иерархически структурированная интерсубстандартная неэкзистенциальная форма общенародного лексического просторечия в пределах национального языка или его национального варианта, охватывающая лексику, обозначающую общеизвестные и общепотребительные в сферах повседневного неформального речевого общения бытовые предметы, явления, признаки и процессы. Эта форма отличается от

стандарта и от других форм лексического просторечия этико-стилистической сниженностью шутливо-иронического и фамильярно-насмешливого характера и в функционально-понятийном плане может обладать ослабленными этнизированными, локализованными, демографическими и профессионально-корпоративными чертами. В толковых словарях английского субстандарта и русского просторечия низкие коллоквиализмы снабжаются пометами (*coll., colloq.*), *low* и *разг., жрр.* (*жаргонизированная разговорная речь*). Ср.: **batty-fang**. To beat: *coll.*; **spit**, n. A smoke (of a cigarette): *low*: С. 20 [Partridge 1979]; **bobble** n. A mistake *Colloq.* [Wentworth, Flexner 1975]; **ЖОР**, -а, м. *Жрр.* Appetit [Мокиенко, Никитина 2000].

Общий сленг — это исторически сложившаяся и генетически неоднородная, относительно устойчивая и незамкнутая, комплексная, системно организованная и иерархически структурированная интересубстандартная полуэкзистенциальная форма общенародного лексического просторечия в пределах национального языка или национального варианта, охватывающая стилистически маркированную лексику, обозначающую общеизвестные и общеупотребительные в сферах повседневного неформального и частично профессионально-корпоративного речевого общения обычные и в меньшей степени специальные предметы, явления, признаки и процессы, отличающаяся от литературного стандарта от других форм лексического просторечия своеобразной этико-стилистической сниженностью фамильярно-насмешливого, уничижительного (пейоративного) или подобного характера. В толковых словарях субстандарта / просторечия общие сленгизмы подаются без социально-стилистических и стратификационных помет, так как являются основным компонентом, составляющим корпус словаря сленга. Ср.: **mouth-wash**. A drink of liquor [Partridge 1979]; **glom** n. A look [Wentworth, Flexner 1975]; **КАТОК**, -тка, м. Лысина [Мокиенко, Никитина 2000].

Вульгаризмы — это исторически сложившаяся и генетически достаточно однородная, устойчивая и незамкнутая, комплексная, системно организованная и иерархически структурированная интересубстандартная неэкзистенциальная форма общенародного лексического просторечия в пределах национального языка или его варианта, охватывающая стилистически маркированную, предельно сниженную лексику и фразеологию: интенсификаторы, ругательства, богохульства, гробианизмы, вульгаризмы-табу, матизмы, в содержании и структуре которых закреплена вульгарная коннотация с ярко выраженной инвективой. Вульгаризмы обозначают общеизвестные и общеупотребительные в сферах повседневного неформального и профессионально-корпоративного речевого общения обычные предметы, явле-

ния, признаки и процессы, преимущественно связанные с человеком, его телом и характеристиками. В словарях субстандарта вульгаризмы обычно имеют пометы *vulgarism, taboo, вульг.* Ср.: **leak** v. To make water: *a vulgarism* [Partridge 1979]; **hot shit** [*taboo*] A big shot [Wentworth, Flexner 1975]; **ДУПЛО**, -а, ср. Мол. Вульг. Влагалище [Мокиенко, Никитина 2000].

Социально-профессиональные жаргоны — это исторически сложившиеся и генетически неоднородные, относительно устойчивые и незамкнутые, комплексные, системно организованные и иерархически структурированные субстандартные полуэкзистенциальные формы специального лексического просторечия в пределах национального языка или его национального варианта, охватывающие социально-стилистически маркированную лексику, обозначающую употребительные в сферах специального профессионального речевого общения специальные (и, реже, обычные) предметы, явления, признаки и процессы. В словарях субстандарта профессиональные жаргонизмы подаются с пометами, указывающими на профессию. Для иллюстрации приведем жаргонизмы театрального (*theatrical*), железнодорожного и бухгалтерского жаргонов (*railwaymen's, railroad use, бухг.*): **bum boozier**. A desperate drinker: *theatrical*; **hooker** A shunter: *railwaymen's* [Partridge 1979]; **ghost** n. The treasurer of a theater or theatrical company. *Theatrical slang*; **ash-cat** n. A locomotive fireman. *Railroad use* [Wentworth, Flexner 1975]; **КРЫЖ**, -а, м. Бухг. Галочка [Мокиенко, Никитина 2000].

Социально-корпоративные жаргоны — это исторически сложившиеся и генетически неоднородные, относительно устойчивые и незамкнутые, комплексные, системно организованные и иерархически структурированные субстандартные полуэкзистенциальные формы специального лексического просторечия в пределах национального языка или его национального варианта, охватывающие социально-стилистически маркированную лексику и фразеологию, обозначающую употребительные в сферах корпоративного речевого общения специальные для данной корпорации или группы (и, реже, обычные) предметы, явления, признаки и процессы. В словарях субстандарта корпоративные жаргонизмы фиксируются с пометами, указывающими на социально-групповую сферу их функционирования. Ср.: жаргон студентов (*schools' and universities, student use*) и наркоманов (*drug addicts, addict use*): **bug-shooter**. A volunteer (soldier): *schools' and universities*; **needle, be on the**. To be addicted to drugs requiring an injection; (esp. teenage) *drug addicts* [Partridge 1979]; **sheba** n. A sweetheart. *Student use*; **mezonny** n. Money; orig. money spent for drugs. *Addict use* [Wentworth, Flexner 1975]; **ПЫХА**, -и, Мол. Курево [Мокиенко, Никитина 2000].

Арго (**кэнт** для британского варианта английского языка) — это исторически сложившиеся и генетически неоднородные, относительно замкнутые и устойчивые, комплексные, системно организованные и иерархически структурированные субстандартные полужизненные формы специального лексического просторечия в пределах национального языка или его национального варианта, охватывающие стилистически маркированную и социально закрепленную лексику, обозначающую употребительные в сферах эзотерического речевого общения специальные для данного социума (и, реже, обычные) предметы, явления, признаки и процессы. Эти формы отличаются от литературного стандарта и от других форм лексического просторечия своеобразной этико-стилистической инвективностью и резкостью оценки пейоративного и даже вульгарного характера, которая обязательно сопровождается в функционально-понятийном плане существенными социально-эзотерическими признаками и несущественными, но заметными этнизированными, локализованными, демографическими и профессионально-корпоративными чертами. В словарях английского субстандартного арготизма (**кэнт**измы) снабжаются пометами: *c.* (= *cant*) — для британского и *underworld use* — для американского ареалов; в словарях русского просторечия — пометой *арго* или указателями на конкретный вид арготизма — *угол.*, *тюр.*, *лаг.*, *крим.* и т.п. Ср.: **break**. Money collected by friends for a prisoner's defence: *c.* [Partridge 1979]; **both hands** A prison sentence of ten years. *Underworld use* [Wentworth, Flexner 1975]; **клифт**, -а, м. Шинель. ВВ: вохр.: солд.: 1960+: Север (< *вор.* «пальто») [Коровушкин 2000]. В словарях арготизма они могут не снабжаться такими пометами: **МИНОМЁТ**, -а, м. Ложка. *Пивням миномёт просверливали в академии* [Грачев 2003].

Для более адекватного социолексикографического описания всех компонентов лексического субстандартного просторечия необходимо снабжать вокабулы паспортными иллюстративными примерами. Ср., например, статью из нашего словаря: **Агентство «Не болтай»**. *шутл. устар.* Агентство национальной безопасности США. КГБ: 1958+. «Наиболее грандиозным проектом специального отдела [ПГУ] были планы внедрения в Агентство национальной безопасности США (АНБ)... Среди тех немногих, кто знал об этом, даже ходила шутка, что сокращение АНБ расшифровывается как «агентство «Не болтай»» (Эндрю Гордиевский 1992: 462) [Коровушкин 2015].

Литература

Большой толковый словарь русского военного социолекта: нестандартная лексика и фразеология вооруженных сил и военизированных организаций Российской империи, СССР и Российской Федерации конца XVII — начала XXI века: Рукопись. Череповец, 2015. 1271 с.

Коровушкин В.П. Словарь русского военного жаргона: нестандартная лексика и фразеология вооруженных сил и военизированных организаций Российской империи, СССР и Российской Федерации XVIII–XX веков. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 372 с.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2000. 720 с.

Partridge E. A dictionary of slang and unconventional English: Colloquialisms and catch phrases, fossilised jokes and puns, general nicknames, vulgarisms and such Americanisms as have been naturalized / Ed. by P. Beale. 8th ed., repr. London; New York: Routledge, 2002. XXXIII, 1400 p.

Wentworth H., Flexner B.S. Dictionary of American Slang. 2nd ed., suppl. New York: Thomas Y. Crowell Publishers, 1975. 766 p.

В.М. Кузьмина

*Петербургский государственный университет путей сообщения,
Санкт-Петербург*

СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ВЫРАЖЕНИЯ СОГЛАСИЯ/НЕСОГЛАСИЯ В КОММЕНТАРИЯХ НА САЙТАХ ДЛЯ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

Ключевые слова: гендерный подход, интернет-пространство, стратегии и тактики выражения согласия/несогласия.

Изучение функционирования языка в интернет-коммуникации, описание этого феномена и его теоретическое осмысление являются интересными и важными задачами, стоящими перед современными исследователями языка. Специфика так называемой интернет-коммуникации активно изучается исследователями нового ответвления науки лингвистики — лингвистики Интернета (термин Е.И. Горошко) [Горошко 2009: 11]: появляются работы по теоретическому и практическому освоению интернет-жанров [Горошко Макаров], широко изучаются особенности языка интернет-пространства [Виноградова 2004], речевой портрет интернет-пользователя [Попова, Воз-

несенская, Колесова, Савотина 2012], гендерная самопрезентация в интернет-пространстве [Остапенко 2004] и т.д.

В данной статье мы будем рассматривать относительно новый жанр интернет-комментария. Его оформление как жанра началось только в связи с широким распространением и применением Интернета. Стоит сразу же рассмотреть само понятие «интернет-комментарий»: это отдельно взятое сообщение, расположенное непосредственно после текста статьи, автором которого являются посетители данного сайта. Посредством интернет-комментария посетитель может выразить свое мнение о прочитанном материале, поделиться информацией, задать вопрос автору или другим посетителям, дать эмоциональную оценку, уточнить непонятные ему моменты и т.д. При этом интернет-комментарий является основным или одним из основных способов общения с автором статьи или с другими посетителями сайта.

Материалом для исследования послужили комментарии читателей к статьям, опубликованным на сайте для женщин (www.cosmo.ru — 10 статей и 99 комментариев к ним) и на сайте для мужчин (www.mhealth.ru — 10 статей и 313 комментариев). Так как нас интересовали статьи, посвященные одной теме, все они были взяты из одного раздела «Здоровье».

Мы рассматривали тексты комментариев с точки зрения стратегий и тактик общения, в частности выражения согласия и несогласия (СГ/НСГ). Именно выражение СГ/НСГ является одной из основных функций интернет-комментария.

Хотелось бы сразу оговорить специфику обсуждаемого материала. Стоит отметить, что специфика издания (глянцевый интернет-журнал) и тема «Здоровье» диктуют определенные правила поведения как авторам статей, так и читателям — посетителям сайта, а также обуславливают специфику общения:

- Основной стратегией общения является неконфронтативность, что обусловлено политикой журнала и его языковой политикой. Создание атмосферы дружеского общения, вежливость, дружелюбность, обращение на «ты», апелляция к личному, даже интимному опыту читателя, фамильярность и обилие шуток (характерно для мужского сайта) и т.п. — все это влияет и на поведение самих посетителей сайта. Так, мы ни разу не столкнулись с примерами агрессивного поведения, все претензии, выражения НСГ с текстом статьи или с текстом другого читателя вербализуются вежливо, резкие выражения смягчены (*Какой дурачок писал эту статью?*);

- Так как тема «Здоровье» подразумевает наличие множества советов и рекомендаций, в качестве выражения СГ нами рассматривались и обеща-

ния принять предложенный совет, использовать рекомендованное средство, а также выражение благодарности за своевременную и полезную информацию.

При анализе комментариев на сайте для женщин были выделены следующие стратегии, используемые женщинами для выражения СГ/НСГ.

Этикетное общение. Для реализации данной стратегии используются следующие тактики:

- выражение СГ через похвалу и благодарность за статью (*Очень понравилась статья. Познавательная. Понятия не имела, как молоко влияет на состояние кожи*);

- СГ/НСГ чаще всего сопровождается аргументацией своего мнения (*— Молоко нужно в любом возрасте, просто когда люди перестают его пить, у них практически прекращается выработка нужных ферментов, если регулярно пить молоко, то система выработки будет тренирована и никаких проблем с желудком не будет до преклонного возраста. © Мой преподаватель по биохимии.*

- *А я, наоборот, недавно читала статью профессора-генетика. Он утверждает, что многие проблемы у человечества <...> появились именно в связи с употреблением молока*);

- при выражении НСГ часто используется вежливое сомнение (*Баня это супер! А криосауна, может, и хорошо, но как-то страшно*), сомнение в возможности реализации предложенных советов (*Я очень люблю зелень в любое время года, сейчас не так легко найти ее в «бодром» состоянии. Часто попадает вялая, желтоватая, подсохшая, не сочная*); риторический вопрос (*Как наступление тепла, ну и большого светового дня может не сделать день более приятным?*);

- при выражении НСГ в начале сообщения располагается похвала или благодарность, только затем выражается критика и недовольство (*Хорошая статья, только забыли еще и про негативные побочные эффекты...*); возможен и вариант с расположением благодарности после критики (*Этот список маловат, хотелось бы сказать... очень выборочный список получился в этой статье, хотя и за него спасибо*);

- хотя выражений НСГ больше, чем СГ (28 против 27, всего было выделено 57 текстов, содержащих СГ/НСГ), относительно резкая критика встречается только в 4 случаях (*...чудо-средство от всех болезней. Я вижу, что взялись обрабатывать нас всерьез!* *Пожалуйста наше здоровье!* *Оно может сильно обидеться на наше увлечение этими чудо-таблеточками.*), при этом критика смягчается смайлами;

- НСГ крайне редко выражается прямо, чаще всего встречается косвенное выражение НСГ (*Масло в рот натошак — мне кажется, меня стошнит*));

- частое использование смайлов для смягчения резкости (*Люди, которые большую часть года живут в темноте-холоде, на мой взгляд, радуются теплым денькам однозначно*)) ну а насчет легкости просыпания это уже другой вопрос;)))).

Пропуск всей информации через себя: опора на личный опыт, оценка материала с точки зрения собственных возможностей. Для реализации данной стратегии используются следующие тактики:

- В случае выражения СГ и НСГ женская аудитория использует свой опыт в качестве аргументации (НСГ: *Питаюсь в 99% случаев правильно, то есть здорово. По крайней мере именно так, как вы пишете, но все равно это не спасает от всех бед. Те же банальные проблемы с ЖКТ, и головные боли беспокоят периодически. И давление скачет.* СГ: *Да, не раз замечала, что когда начинаю соблюдать церковные посты, то кожа становится значительно чище...;*)

- СГ выражается в обещании применить предложенные советы (*значит кетчуп хайнс, ок*))))))));

- СГ или НСГ со статьей выражается также и в анализе возможности/невозможности для себя лично выполнить предложенные советы (СГ: *Статья очень помогла, я как раз пытаюсь перейти на здоровое питание. Вот сегодня отказалась от конфет, вроде пока держусь!!!*) НСГ: *Я не могу без шоколада. Нет, если очень надо, то конечно. Но где же радость от вкуса*)) Я говорю твердое «нет» горькому шоколаду!)) Батончики идите ко мне, я вас люблю)).

В диалоге с авторами статьи (где текст статьи — реплика автора, комментарий — ответ читателя) женщинами используется роль ученика:

- для выражения СГ со статьей используется формула «Я делала так раньше, теперь точно знаю, что делала правильно» (*Просто замечательная статья, я просто обожаю киви, гранаты. Хурму и кетчуп хаинс, как приятно узнать, что это еще и очень полезно для здоровья...; Прочитав советы, я еще раз убедилась, что питаюсь я правильно. А алкоголь вообще не пью*).

При анализе комментариев на сайте для мужчин были выделены следующие стратегии, используемые мужчинами для выражения СГ/НСГ (всего — 91 текст, из них СГ — 62, НСГ — 29):

- дружески-вежливое общение:

- несмотря на многочисленные споры с текстом статьи и с другими читателями, мужчины не используют агрессивное общение: НСГ вы-

ражается в форме шутки (*Я очень удивлен, что это исследование было проведено не британскими учеными... они спецы в таких вопросах*); используется обращение на «вы» (*Дольше нашего проживали? Боюсь, что это лишь ваши фантазии. <...> Так что ваше утверждение о возрасте абсолютно ошибочно*), в спорах не переходят на личности и стараются быть вежливыми с оппонентом (*Откуда у вас такая информация? Вы просто не знакомы с историей развития рака, но не зачем же утверждать такую очевидную глупость*);

- общение с точки зрения эксперта:
 - желая выразить СГ, мужская аудитория подает мнение авторов статьи как собственное (*Не можешь пить — лучше не начинать!*);
 - часто используется формула «Я и раньше так делал» — журнал только подтвердил правильность образа жизни читателя (*Как хорошо вести здоровый образ жизни*);
 - при выражении СГ используется призыв к остальной аудитории вести здоровый образ жизни (*Пора худеть!; Веди здоровый образ жизни!*), мужчины позиционируют себя как поклонников здорового образа жизни (*Мой рецепт с похмелюги — кефир и холодная ванна. Хотя вот уже 8 лет не пью, так что, видимо, уже познания не пригодятся*);
 - при выражении СГ и НСГ часто используются медицинские данные (СГ: *важно также знать симптомов, к которым надо отнестись со всем вниманием: ухудшение аппетита, заметное беспричинное снижение веса, нарушение стула, тошнота <...>*; НСГ: *накопление гликогена в печени также опасно. А алкоголь как раз его растворяет*);
- обмен опытом:
 - СГ и НСГ со статьей мужчины выражают, вводя дополнительную информацию (СГ: *кстати, от головной боли прекрасным средством является... мед! Всего одна ложечка — и через 15 минут чувствуешь себя превосходно. Проверено на себе и близких*; НСГ: *Какой дурачок написал эту статью? Наверное, школьник какой-то. Самое лучшее средство от алкогольного отравления <...> свежее молоко, оно быстро отрезвляет. Рассол капусты и огурцов — отличное средство...*). Данная тактика используется в большинстве случаев.

Подводя итоги, мы можем сказать, что женская аудитория, несмотря на намного более скромное количество комментариев (99 текстов), относится к получаемой информации с практической точки зрения. Главная цель читательниц — найти важную для себя информацию, применить советы (или

хотя бы сделать вид, что будут их применять). Это доказывают также недовольство женской аудитории скрытой рекламой (*Пожалейте наше здоровье!*), искреннее возмущение несопадением информации (*Ну и кому теперь верить?*). Поэтому их общение можно оценить как информативное.

Среди комментариев, оставленных мужской аудиторией, больше 60 % составляют комментарии-шутки, которые трудно отнести к группе СГ или НСГ, оценке статьи и т.п. При этом комментарии с обещанием выполнить совет или хотя бы принять его во внимание встречаются крайне редко. Мужчины оценивают материал с точки зрения экспертов, не надеясь узнать что-то глобально новое для себя, только получить подтверждение тому, что они уже знают. Таким образом, их общение скорее можно характеризовать как фатическое.

Литература

Виноградова Т.Ю. Специфика общения в Интернете// Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект. Казань, 2004. С. 63–67.

Горошко Е.И. Теоретический анализ интернет-жанров: к описанию проблемной области // Жанры и язык. Саратов: Наука, 2009. Вып. 6. С. 11–27.

Макаров М.Л. Жанры в электронной коммуникации: quo vadis? // Жанры речи. Вып. 4. Саратов, 2005. URL:<http://www.sgu.ru/node/75354>.

Остапенко И.А. Гендерная идентичность и самопрезентация в интернет-коммуникации (социально-философский анализ): Дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 196 с.

Попова Т.И., Вознесенская И.М., Колесова Д.В. и др. Интернет-пространство: речевой портрет пользователя / Под ред. Т.И. Поповой. СПб.: Эйдос, 2012. 224 с.

О НЕКОТОРЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ ОСВОЕНИЯ ЛЕКСИКИ ДЕТЬМИ, ОСВАИВАЮЩИМИ РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ВТОРОЙ

Проблема формирования русского лексикона иноязычных или двуязычных детей актуальна в связи с необходимостью выработки критериев отбора лексического материала для обучения таких детей языку. Интересным материалом, позволяющим уловить некоторые закономерности освоения словарного состава изучаемого языка, являются лексические ошибки. Под лексическими ошибками будем понимать случаи ненормативного именования, называния объектов, признаков объектов, действий.

Материал для данной работы был получен в ходе наблюдений за речью детей (6–15 лет), осваивающих русский язык как второй в условиях пребывания в русскоязычной среде. Большая часть высказываний детей зафиксирована на занятиях русским языком, организованных волонтерской организацией «Дети Петербурга» (<http://detipeterburga.ru>).

Анализируя ошибки называния объектов, мы попытаемся рассмотреть, какие компоненты значения слова ускользнули от детей, не учитывались ими, неочевидны для них. В собранном нами материале наиболее часто встречаются факты, показывающие, что значение слова в употреблении иноязычным или двуязычным ребенком отличается от того, как слово представлено в толковых словарях русского языка, и от того, как оно понимается взрослыми носителями русского языка.

Иногда высказывания наших учеников вызывают ощущение, что дети смешивают объекты действительности. Например, табуретку могут назвать стулом, куртку или свитер — кофтой, лимон — апельсином. Можно ли предполагать, что дети старше 6 лет не видят различий в этих предметах? Вероятно, в ряде случаев так и случается. Например, когда мальчик 7 лет называет блузку рубашкой. Однако когда ученик называет зеркало окном, а кусок жареной рыбы — мясом, такое трудно предположить. Компонентный анализ таких ошибок показал, что чаще всего их причиной является редукция дифференциальных сем. Подобного рода ошибки выявлены и в речи русскоязычных детей. С.Н. Цейтлин в неопубликованной статье «К проблеме лексических оговорок в спонтанной речи» пишет: «При исследовании рече-

вого онтогенеза отчетливо выявляется механизм освоения семного состава лексического значения: базовые компоненты обычно осваиваются раньше периферийных, дифференциальные семы позднее интегративных» [Цейтлин (в печати)]. По мнению С.Н. Цейтлин, это одна из основных причин ненормативного употребления слов русскоязычными детьми. Очевидно, что механизм освоения значения слова, о котором пишет С.Н. Цейтлин, является общим для детей, осваивающих русский язык как первый и как второй.

В нашем материале ошибки, связанные с редуцированием периферийных сем, самые частотные. В этом случае к паре слов (заменяемому и замещающему) всегда можно подобрать слово или выражение, которое имеет обобщающий характер:

- *куртка* и *рубашка*, *куртка* и *жилетка*, *платье* и *сарафан* — одежда;
- *кепка* и *шляпа*, *кепка* и *шапка* — головные уборы;
- *кроссовки* и *кеды* — обувь;
- *стул* и *табуретка* — мебель;
- *лоб* и *подбородок* — части лица;
- *усы* и *борода* — растительность на лице;
- *индюк* и *петух* — домашняя птица;
- *бабочка* и *стрекоза*, *стрекоза* и *оса* — насекомые;
- *пулемет* и *граната* — предметы вооружения;
- *автобус* и *троллейбус* — виды городского транспорта;
- *фонарь* и *лампа* — осветительные приборы;
- *василек* и *лилия* — цветы;
- *свекла* и *чеснок*, *свекла* и *репа* — овощи;
- *лимон* и *апельсин* — фрукты и пр.

Как видно из представленных примеров, употребление слов в ненормативных значениях не носит случайного характера: у заменяемых и замещающих слов ядерные семы совпадают. Ошибки детей позволяют приблизительно понять, что они хотели сказать. Освоенность значения слова даже на таком уровне позволяет осуществлять коммуникацию. А. Никунласси и Е. Протасова пишут: «...производятся не все возможные ошибки, а только некоторые; при этом замены <...> всегда осуществляются не случайным образом, а внутри определенного класса слов» [Никунласси, Протасова 2014: 10].

Зафиксированы случаи, когда из набора сем, составляющих значение слова, выпадает тот компонент, который соотносится с формальным элементом, например с суффиксом. Так, нивелируются значения слов *виноград* и *виноградника*, *кошка* и *котенок*. Такие факты свидетельствуют о том, что ребенком не освоены словообразовательные модели русского языка. Имен-

но освоение значений отдельных производных слов позволяет освоить словообразовательные механизмы.

В нашем материале присутствует один пример использования родового наименования там, где уместнее было применить видовое: голубь был назван птичкой. Данная ошибка также связана с редукцией дифференциальных компонентов значения слова.

Все представленные выше примеры, показывают, что редукция дифференциальных сем приводит к расширению значения слов. Слова смешиваются, могут замещать друг друга. Причиной этого, в первую очередь, является бедность ментального лексикона, дефицит лексических средств.

Помимо редукции дифференциальных сем к употреблению слов в ненормативных значениях приводят и другие факторы. Может ли быть причиной этого общая функциональная принадлежность объектов? В нашем материале есть такие примеры. Например, одна из учениц назвала кран самовара носиком по аналогии с носиком чайника. При этом ребенку слово *кран* было знакомо в конкретном значении «водопроводный кран». Другой ученик назвал кухонную плиту печкой. Здесь следует принять во внимание, что функциональная принадлежность объектов действительности, когда это касается предметов, произведенных людьми, часто соотносится с интегративными компонентами значения слова. Например, «транспорт» определяется как «устройства, предназначенные для перевозки людей и грузов; тот или иной вид перевозочных устройств»; слово «автобус», в свою очередь, толкуется как «многоместный автомобиль, вид пассажирского транспорта»; «троллейбус — вид городского безрельсового транспорта» [Большой толковый словарь [б.г.]]. Из приведенных выше примеров ненормативного словоупотребления видно, что названия видов одежды, обуви, вооружения смешиваются детьми, осваивающими русский язык как второй. Происходит это именно потому, что в первую очередь осваивается интегративная сема, связанная с функцией объекта.

На употребление слов в ненормативном значении, помимо прочего, может оказывать влияние созвучие слов или общие формальные элементы: так, ученик назвал подснежник подсолнухом.

Таким образом, редукция дифференциальных компонентов значения является основной причиной лексических ошибок иноязычных и двуязычных детей, осваивающих русский язык в условиях постоянного пребывания в русскоязычной среде.

Литература

Большой толковый словарь // Грамота.ру. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>.

Никунласси А., Протасова Е. О важности ошибок для исследования многоязычия // Инструментарий русистики: ошибки и многоязычие / Редкол.: А. Никунласси, Е. Протасова. Helsinki, 2014. С. 5–13.

Цейтлин С.Н. К проблеме лексических оговорок в спонтанной речи. [В печати.]

Э.П. Лаврик
Северо-Кавказский федеральный университет,
Ставрополь

АВТОРОВЕДЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ЭКСТРЕМИСТСКОГО ТЕКСТА: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: автороведческая экспертиза, гендер, терроризм, экстремизм.

Важной задачей, стоящей перед лингвистом-экспертом, является определение социально-биографических характеристик автора анонимного документа. Автороведческое исследование связано с установлением специфических, индивидуальных проявлений навыков речи и мышления, то есть речемыслительных навыков.

Предметом автороведческой экспертизы являются сведения об авторе и условиях создания текстового документа. Объектом автороведческой экспертизы является письменная речь автора (составителя) текста. Перед экспертом могут стоять идентификационные (установление или проверка авторства) и диагностические (определение личностных характеристик: пола, возраста, образования, национальности, места проживания и др.) задачи. Среди диагностических задач важное место в исследовательском сегменте принадлежит определению пола автора (составителя) текста.

Особую важность в настоящее время, в том числе в связи с деятельностью ИГИЛ, приобретает автороведческая экспертиза текстов экстремистского характера и текстов, связанных с террористической деятельностью. Традиционно считается, что в сферу обсуждения проблем экстремистского содержания вовлечены в большей степени мужчины, однако практи-

ка исследований показывает, что и женщины могут быть авторами таких текстов.

Проблема определения пола автора всегда решается с опорой на знание системных языковых маркеров пола: предпочтительную тематику, логико-семантические, структурные особенности текстов, модели и конструкции, противопоставляющие речь по гендерному признаку. Предположение о поле автора анонимного документа высказывается специалистом только после комплексного анализа письменной речи, выделения лексических, тематических, логико-структурных, синтаксических, психолингвистических признаков письменной речи автора (достаточное количество выделенных признаков — 5–10), при этом данное заключение все равно будет носить вероятностный характер. Тексты экстремистского или террористического характера обычно являются небольшими по объему, что объясняется целями их создания: предъявлением угроз или требований ультимативного характера конкретному адресату или конфликтной мобилизацией населения.

«Мужским» текстам, связанным с проблематикой экстремизма и терроризма, свойственны те же черты, что и «мужским» текстам вообще: логичность, аргументированность и обоснованность, последовательность и конкретность в изложении событий, рационализм в оценке событий.

Специфические черты анонимных текстов-угроз, написанных мужчинами:

- политическая тематика: *...никакой надежды на ментов, армию, федеральный центр и Кремль нет!;*
- экстремистская тематика: *С января начнем резать стрелять по серъезному; Гореть будете как в аду...;*
- военная тематика: *муджахиды готовят для вас припасы; оружие будем больше производить, и мы будем больше и больше работать над кафиром; миномет; снаряды дальностью от шести до восьми километров; реактивные снаряды; стодвадцатые минометы;*
- наличие экстремистских высказываний и угроз: *В свете последних событий вы уже, наверно, поняли, что ваша спокойная жизнь в этом районе закончилась. Более того, доведу до вашего сведения, что дальше будет хуже; Клянемся Аллахом, что вы не будете в безопасности в вашей же стране, пока ваши самолеты убивают наших братьев!!!; Смерть тварям!; Охота началась, потом не говорите, что мы вас не предупреждали;*
- выступление от имени группы лиц: *наша организация; глава ОПГ; я и мои люди; муджахиды северного сектора; муджахиды Имарата Кавказ;*

- использование суждений ультимативного характера: *Лично я считаю, что вполне разумно было бы вам уехать из села, ведь все равно выгоним, а не уедете сами – поможем; Если вы не продадите дом и не переедете до окончания срока спокойствия, вы рискуете своим домом. Выбор за вами!!! Спокойствие до 21 июля я вам гарантирую; Продавайте дома, пока даем цену хоть какую-то;*

- аргументированность мысли, обоснованность изложения: *«за антирусскую и антиславянскую деятельность проклятые бесы из руководства таких сатанинских и антирусских партий, как «ЕДРО» и бесовский «Народный фронт», приговариваются нашей организацией к смерти; Без джихада не будет жизни нашей умме. Нет нам жизни без джихада;*

- последовательность, конкретность, предметность в изложении фактов, событий: *3 июня, ночью в районе медакадемии кавказцами были зверски убиты 2 русских парня: Блохин Дмитрий Викторович, 1986 г., и Чадин Павел Викторович, 1988 г., студенты СГУ и СевКавГТУ; 08.03.06 в Степновском районе, в 23.00 в его домовладении произошла встреча с Шамилем и (9 человек), где Шамиль передал Умару Ш. деньги в сумме 520 тысяч рублей для проведения террористического акта;*

- категоричность суждений: *геноцид русских в Чечне; власть оккупанта; Я и мои люди готовы предоставить вам это время за определенную сумму;*

- четкая, свободная ориентация в традиционно мужских сферах деятельности;

- вводные слова с семантикой констатации или утверждения (конечно, очевидно, несомненно, наверняка): *Власти, как всегда, покрывают преступление;*

- частое использование жаргонной, бранной, в том числе нецензурной лексики: *лица армянской национальности нас очень сильно обидели и продолжают борзеть и др.;*

- частое использование лексико-семантических парадигм со значением «борьба, террор, война»: *участвовали в боевых действиях на стороне боевиков; получил пулевое ранение; проходит реабилитацию; скоро вы почувствуете остроту наших ножей и жару наших автоматов; вырежем русских свиней; перерезать горло; ножи, которыми были зарезаны сирийские дети, направятся к шеям ваших детей;*

- выбор более грубых форм для выражения эмоций недовольства, возмущения, гнева: *чеченское зверье; русские свиноеды; Вы что, свиноеды, ждете?; грязные кафиры; тупые русские рабы и прочие христианские свиньи;*

- доминирование эмоций самоутверждения, борьбы: *Сколько вас можно поджигать, стрелять, кладбище ломать?;*

- четкость в определении параметров времени, расстояния, меры, количества при описании события: *Для предотвращения событий, аналогичных данному, Вам необходимо перечислить денежные средства в сумме 100 тыс. долларов США на счет U 1465895 электронной платежной системы Liberty Reserve в течение 30 дней. В противном случае возможны жертвы; Спокойная жизнь до 29 июля стоит 10000 рублей, до 5 августа — 25000 рублей, до 12 августа — 50000 рублей. Вам нужно будет собрать деньги и отнести их на Титова, 46... Деньги обверните в тетрадный листок, на котором напишите свой адрес и срок, на который хотите купить спокойствие. Потом заверните это все в черный пакет и несите на Титова, 46;*

- преобладание рационалистических оценок события: *...чеченское зверье Рамзана Кадырова приступило к этапу открытой колонизации русских земель Ставрополя...; Хватит кормить Кавказ!;*

- проявление цинизма при описании экстремальных ситуаций: *мы переждем вам горло; ...человеческие жертвы, которые несет война, являются обычным делом, и здесь нет понимания добра, и нет понимания зла.*

Для «женских» текстов характерна многословность изложения, наличие логических ошибок, эмоциональность, ассоциативность, апелляция к личному опыту, зачастую морализаторский тон изложения. В текстах, написанных женщинами, преобладает этическая оценка происходящих и иницилируемых письмом действий, жажда возмездия, справедливого наказания, прежде всего за пренебрежение теми нормами и ценностями, которые исконно важны для женщины: дом, семья, дети, и т.д. Для женской речи характерно множество ассоциаций, в том числе побочных, просительный, заверительный тон изложения, формулировки даже угроз и предупреждений (например, о террористических актах и операциях) носят смягченный характер. В «женских» текстах используются эмоционально-нейтральные слова и выражения вместо синонимичных им слов и выражений, представляющихся автору неприличными, грубыми или нетактичными. Приведем примеры:

- бытовая тематика: *мы боремся за нас и наших детей;*
- жажда справедливого наказания, возмездия со стороны, не своими силами: *Аллах, дай нам силы; Да поможет нам Аллах; Аллаху угодно;*
- попытка пристыдить за поступки, воззвать к совести;
- наличие множества слов, выражающих различную степень неуверенности, неопределенности: *вероятно; нам кажется правильным;*

- использование слов с уменьшительно-ласкательными, увеличительными суффиксами, суффиксами субъективной оценки, суффиксами превосходной степени: *редчайший; за малейшую провинность;*

- поэтичность, образность речи при описании чувств: *как будто находясь в безвоздушном пространстве;*

- частое использование лексико-семантических парадигм со значением «дом, семья»: *детей не возите — будет теракт; мой сын участвует в зарнице, и я не хочу, чтобы он ночью пострадал;*

- эмоциональность речи в целом: *вопиющее беззаконие; беззастенчиво и безнаказанно; поражает, чудесным образом; я всем сердцем их ненавижу; и кровь начинает стучать в висках от злости к ним...;*

- морализаторский тон повествования: *ваши женщины продают свое тело;*

- просительно-заверительный характер речи, проявление эмоций унижения, стыда, страха, растерянности: *мы не хотели действовать такими способами, но вы нас вынуждаете; вы сами виноваты;*

- доминирует этическая оценка происходящего: *а благодарные горцы взамен не стеснялись воткнуть нож в спину русского народа; Наши мужики не шли, за редчайшим исключением, не резали детей, как это делали горцы;*

- высказывания экстремистской направленности носят смягченный характер: *настоятельно предлагаем; Вот так бы еще и чурок сжечь!;*

- использование слов категории состояния, пассивных конструкций, неопределенно-личных и безличных предложений: *В России эта подлая книжка продаваться не будет, иначе будет сжигаться мною;*

- частое использование вопросительных, побудительных предложений: *интересно было бы узнать, как она заразила своим бесстыдством остальное руководство? Или они просто ее подельники?*

Анализ гендерной специфики текстов, связанных с террористической и экстремистской тематикой, позволяет выявить диагностические признаки типично «мужской» и типично «женской» речи, релевантные для лингвиста-эксперта.

Литература

Вул С.М., Горошко Е.И. Судебно-автороведческая классификационная диагностика: установление половой принадлежности автора документа // Современные достижения науки и техники в борьбе с преступностью: Матер. науч.-практ. конф. Минск, 1992. С. 139–141.

Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Институт социологии РАН, 1999. 200 с.

ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ДЕЛОВОМУ ОБЩЕНИЮ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОСВОЕНИЯ РКИ

Одно из направлений внешней государственной политики — продвижение русского языка в качестве мягкой силы. Что означает «продвижение»? Это в первую очередь привлечение новых и новых иностранных граждан к изучению нашего языка. Чем может привлечь русский язык сегодня? С какой потенциальной целью он изучается чаще всего?

На XIII Конгрессе МАПРЯЛ Ю.Е. Прохоров описал эти цели в виде трех групп:

- «хочу» — это в основном филологи, те, кто заинтересован в языке как в будущей профессии;
- «надо» — это те, кто ощущает необходимость в изучении русского языка в силу профессиональных причин: экономисты, работники торговли, работники туристического бизнеса, строители и пр., а также те, для кого знание русского — помощь в карьерном росте, то есть мотивация в этой группе высокая;
- «должен» — те, кто учит по принуждению.

Сегодня мы поговорим о второй группе — «надо». О людях, которым русский язык нужен в профессиональных, карьерных целях. Не нужно проводить специальных научных исследований, чтобы понять, что этой группе нужен в первую очередь русский язык делового общения (РЯДО).

Итак, **проблема первая**. Что мы понимаем под деловым общением? «Деловое общение — это самый массовый вид социального общения. Оно представляет собой сферу коммерческих и административно-правовых, экономико-правовых и дипломатических отношений» [Шабалина [б.д.]].

«**Цель** делового общения — создание оптимальных условий для успешного решения задач, стоящих перед организацией и отдельными людьми. **Содержанием** делового общения является то дело, которым заняты люди в процессе деятельности, а не проблемы, затрагивающие их внутренний мир» [там же].

Язык бизнеса и язык делового общения — разные вещи. Язык делового общения нужен не только работникам торговых или строительных фирм.

Язык делового общения — это не обязательно о поставках стиральных машин или покупке оконных рам. Это язык тех, кто приезжает в Россию на научные конференции, различные форумы (не только экономические), на стажировки, по обмену опытом в самых разных сферах человеческой деятельности (право, медицина, образование и др.). Все они хотят овладеть минимальным набором единиц общения, чтобы добраться из аэропорта до гостиницы, найти нужный адрес, банк, аптеку, арендовать машину, представиться и познакомиться, ориентироваться в уличных надписях, понять программу мероприятия, в котором будут участвовать, и многое другое. Получается, что в сферу делового общения попадают не только ситуации переговоров или переписки на фирмах, а все то, с чем любой из нас сталкивается на работе: участие в конференциях, заполнение заявок, обмен визитками, участие в профессиональных выставках, командировки, а значит, паспорта, билеты, таможи, дороги на вокзал и пр., а также формулы знакомства, прощания, представления, приглашения, извинения и т.д. Все это элементы делового общения, но совсем не язык бизнеса. То есть, конечно, они нужны любому бизнесмену, но вот язык бизнеса нужен далеко не каждому, нуждающемуся в основах делового общения. Таким образом, мы видим, что для начинающих изучать русский язык с нуля важно, в первую очередь, научиться общаться именно в этих ситуациях.

Проблема вторая. Что предлагает рынок учебников? Прежде всего, учебники по деловому русскому (для иностранцев) ориентированы на бизнесменов. Многие из них в названии имеют ключевое слово «бизнес» или «бизнесмен», но есть и такие названия, которые обещают обучение языку делового общения, а по факту учат бизнес-языку, то есть в сознании пишущих учебники и в сознании большинства преподавателей два совершенно разных по предметной области направления слились в одно, а это неправильно.

Естественно, главный объект изучения в предлагаемой издательствами группе учебников — ведение переговоров и оформление документов, включая официальную переписку. Если мы всерьез учим иностранцев ведению переговоров с русскими, то неизбежно возникают вопросы, связанные с ведением споров, дискуссий, аргументацией. Исключительно важным становится изучение различных тактик ведения споров, то есть уход в вопросы психологии и социологии. Необходимы также знания о русской национальной специфике общения, то есть культурологические. Таким образом, курс по русскому языку неизбежно совмещается с предметными знаниями. И мы

говорим уже не только об обучении русскому языку делового общения, но и об обучении деловому общению, где язык — это всего лишь один из факторов формирования профессиональных, предметных знаний.

Для получения этих знаний на русском необходим достаточно высокий уровень владения языком. Поэтому большинство учебников по деловому русскому предполагают владение как минимум на уровне А2, не меньше.

Вот некоторые из наиболее значительных учебников.

Русский язык для делового общения. А2. Учебное пособие по изучению делового русского языка как иностранного (базовый уровень) адресовано **менеджерам и бизнесменам**, ведущим сотрудничество или планирующим работу с русскоговорящими клиентами и партнерами.

Этот многоликий мир бизнеса. Пособие предназначено для иностранных студентов, аспирантов, которые имеют начальную подготовку по русскому языку (В1, или ТРКИ-1) и изучают экономические дисциплины.

Русский язык для бизнесменов: Интенсивный курс Для среднего этапа обучения.

Русский язык делового общения. Книга адресована иностранным учащимся **продвинутого уровня обучения** (С1), иностранным бизнесменам, работающим в России.

Будем партнерами! развитие умений и навыков аудирования и говорения на основе аутентичных видеотекстов **бизнес-тематики**. Пособие адресовано иностранным учащимся, которые осваивают русский язык делового общения на уровне В1.

Начальный курс русского языка для делового общения. В основу издания положена концепция обучения иностранных учащихся деловому общению, разработанная в МГУ им. М.В. Ломоносова.

Итак, мы видим, что по языку бизнеса учебников много. Но все они достаточно сложные. Подавляющее большинство предполагает уже сформированный уровень владения языком не ниже А2, то есть эта группа учебников не подходит для привлечения новых пользователей.

А те учебники, которые обещают обучение с нуля, неизбежно с третьей-четвертой страницы переходят на обучение конструкциям языка бизнеса. Когда лингводидактическое описание языка бизнеса кладут в основу

курса делового русского, мы получаем учебник, совершенно избыточный для людей, которые хотели бы общаться на свои профессиональные темы, не связанные с бизнесом. Для тех, кто хочет освоить речевые модели делового, но не бизнес-общения, они явно перегружены. Избыточность материала утяжеляет процесс обучения и убивает мотивацию.

На начальном этапе главная задача — привлечь, а не отпугнуть. Самое трудное — отсекай все, что выходит за рамки.

Поэтому перед нами **третья проблема**. Одной из первых задач для тех, кто собирается писать учебник по РЯДО, является задача сформулировать для себя, кого и чему именно можно будет учить с помощью задуманного учебника. Перед тем как браться за его написание, нужно осознать, что этот учебник будет не дополнением к курсу общего владения русским языком, а как раз и будет первым в жизни человека курсом по русскому языку. Это очень важно! Наше глубокое убеждение состоит в том, что в сегодняшней геополитической ситуации начальным курсом для изучения любого языка должен быть именно курс делового общения, так как в современном мире гораздо актуальнее овладеть речевыми конструкциями для использования в перечисленных ситуациях общения, чем речевым материалом для обсуждения отвлеченных проблем и литературных предпочтений. Последние будут обсуждаться позже, на уровнях В1 и выше.

Поэтому для создания начального курса РКИ (РЯДО) нужно решить следующие задачи.

1. Отбор тем и ситуаций общения. Как мы уже говорили, это представление, обмен визитками и считывание информации с визитки, аренда офиса и автомобиля, стенда и выставочного пространства, обращение в бизнес-центр, заполнение бланков, участие в конгрессе, конференции, форуме и др.

2. Проблема отбора и особенно предъявления грамматического материала. Проблема отбора решается проще: заданность сфер и тем общения сама диктует набор синтаксических моделей, с которыми надо знакомить учащихся, и последовательность прохождения.

Проблема объяснения грамматических правил сложнее. Каждый преподаватель РКИ встречался в своей педагогической практике с такой просьбой: «Не надо грамматики, просто научите нас говорить». ИмPLICITность грамматических объяснений представляется нам очень важной чертой начального курса РКИ.

3. Лексический минимум. Конечно, все в первую очередь ориентируются на требования к уровню А1, но невозможно сегодня оставаться в рамках

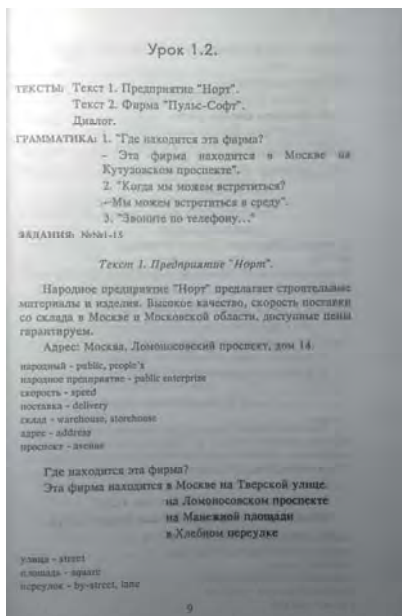
этих требований и заданного ими словаря. Современная жизнь невозможна без мобильного телефона, планшета, эсэмэсок, навигаторов, флешек, кредиток, бизнес-центров... Необходимы и соответствующие глаголы: *скачать на флешку, сбросить на почту, забить в поиск, погуглить, отксерить, размножить, выступить с докладом, арендовать машину* и др.

Мир меняется. «Чтобы адекватно отвечать на потребности рынка образовательных услуг, необходимо решить лингвометодическую составляющую проблемы: чтобы знать, «как учить», нужно прежде всего понять, «зачем учить» и, соответственно, «чему учить» [Прохоров 2012]. Мы описали «зачем» и «чему». Вопрос «как учить?» тоже ставит перед нами много проблем. Мы уже сказали о разрыве между требованиями стандартов и потребностями рынка.

Теперь **четвертая проблема**. Как ответить на изменение когнитивного восприятия современного ученика, у которого преобладает зрительное восприятие? Как использовать сформированную клиповость мышления? Как использовать потребность в упрощенности, в коротких учебных сессиях?

Учитывая новый когнитивный тип восприятия информации через зрительный ряд, необходимо искать новые методические приемы, новые способы подачи материала, новую его дозировку.

Сравним страницы двух учебников.

Если спросить, какой из этих учебников издан в России, ответ, к сожалению, очевиден. Наглядность, аутентичность, краткость, аудиоподдержка — вот что привлекает пользователя, делает обучение ярким, запоминающимся, нескучным. Привычный формат получения информации — она из важных составляющих успеха. Австрийский учебник Т. Блюм и Е. Гореловой, страница из которого здесь показана, так и называется: «Путь к успеху».

Подводя итоги, повторим, что в современной ситуации изучение языка можно начинать с речевых конструкций, обеспечивающих не бытовое, а деловое общение. Соответственно, первостепенной задачей методистов является составление лингводидактического описания для такого курса, начиная с описания сфер и ситуаций общения и заканчивая лингвистическим материалом.

Литература

Прохоров Ю.Е. Социокультурные аспекты изучения русского языка: новые условия, новые потребности, новые модели // Русский язык за рубежом. 2012. № 3. С. 5.

Шабалина Л.А. Конспект лекций по дисциплине «Русский язык делового общения» // Сибирский государственный университет геосистем и технологий. URL: <http://goo.gl/YQuU0w/>.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ДЕЛОВОЕ ОБЩЕНИЕ» В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Ключевые слова: деловое общение, деловой документ, деловой русский язык, коммуникативная компетенция, нормативный аспект, образовательная технология.

«Деловое общение» относится к дисциплинам вариативной части общепрофессионального цикла, то есть не входит в число обязательных для изучения предметов в техническом вузе. Однако задачи, которые ставятся в процессе преподавания дисциплины, не являются факультативными, поскольку отвечают потребностям современного выпускника вуза. Современный специалист должен владеть коммуникативной компетенцией на русском языке, необходимой для установления межличностного контакта в профессиональных сферах (производственной, учебной, научной и т.д.), обладать высоким уровнем речевой культуры в сфере делового общения, а также уметь работать в коллективе, адекватно воспринимая социальные, этнические, конфессиональные и культурные различия.

Содержание курса «Деловое общение» основано на концепции культуры речи, которая включает три аспекта: «...нормативный, который обращает внимание на нормы современного литературного языка; коммуникативный, связанный с изучением текста в плане соответствия его структуры задачам обучения, а также этический, рассматривающий вопросы речевого этикета в ситуациях делового общения» [Химик 2012: 343]. Не случайно для освоения дисциплины «Деловое общение» учащиеся должны освоить разделы, изучаемые в курсе «Русский язык и культура речи»: официально-деловой стиль и языковые нормы. С учетом аспектного подхода к изучению делового общения в программу курса включают следующие темы:

- языковые нормы официально-делового стиля, письменное деловое общение, жанры деловых текстов (нормативный аспект);
- устная деловая речь (деловые беседы, переговоры, телефонные разговоры), публичное выступление;
- речевой этикет.

В результате изучения дисциплины «Деловое общение» учащиеся должны усвоить современные концептуальные подходы к переговорам, уметь выстраивать убедительные аргументы в ходе ведения переговоров, деловых бесед и совещаний, владеть навыками публичной речи, ведения дискуссий, понимать специфику ведения делового телефонного разговора, владеть навыками деловой переписки. В профессиональной деятельности будущим специалистам также не избежать общения с представителями различных культур, поэтому знакомство с компонентами культуры, значимыми при коммуникации в профессиональной сфере, поможет избежать возможных коммуникативных неудач, недопонимания и конфликтов.

Важное место в изучении курса «Деловое общение» отводится нормативному аспекту делового русского языка. Одно из главных средств обучения деловому общению — это анализ чужих ошибок на материале дефектных текстов. Учащиеся должны научиться не только видеть ошибки, но и уметь их исправлять. Интересный материал для анализа можно найти в еженедельном журнале «Итоги», в рубрике «Междоветия», где представлена речь государственных служащих, чиновников и политиков, носителей административно-делового жаргона. Приведем некоторые примеры:

Для нас очень поучителен опыт и управления движением транспорта, и программа «Безопасный город», это вот действительно тот опыт, который мы, смотря на вас, стараемся в меру своих возможностей, конечно, имплантировать и у нас (Владимир Груздев, губернатор Тульской области).

Большой запрос родителей был в части системы безопасности на ограждения (Андрей Воробьев, губернатор Московской области).

В ночь на пятницу двое граждан Киргизии попытались ограбить двух мужчин игрушечным пистолетом. Жертвами разбоя чуть не стали капитан и майор полиции (Валерий Рашкин, депутат Госдумы).

Несмотря на то что изучение курса «Русский язык и культура речи» предшествует «Деловому общению», у студентов возникают трудности при выполнении заданий, связанных с нормативным аспектом в обучении деловой речи, что свидетельствует о невысоком уровне остаточных знаний.

Во-первых, наибольшее количество ошибок студенты допускают при выполнении заданий по редактированию и исправлению предложений. В одной из самостоятельных работ студентам было предложено отредактировать следующее предложение: *Подписывая договора, оплата гарантируется*. Приведем уже отредактированные студентами варианты:

оплата гарантируется после подписи договора;
по подписании договора оплата гарантируется;
подписывая договоры, оплата гарантируется;
при подписи договора оплата гарантируется;
ввиду подписания договора оплата гарантируется;
подписывая договор, оплата гарантируется;
подпись договора, оплату гарантирует;
оплата производится, подписывая договор;
подписывая договора, вы гарантируете себе оплату;
заклячая договор, оплата гарантируется.

Основные ошибки связаны с незнанием правил употребления деепричастных оборотов, значения предлогов, характерных для официально-делового стиля (*ввиду* = *из-за*; *по* — *при*) и т.д.

Во-вторых, многие ошибки в речи студентов возникают из-за незнания значения терминов, используемых в современном русском языке. Студенты не всегда могут подобрать к принятым в официально-деловой речи терминам (*визировать*, *реквизит*, *гриф*, *реестр*, *инкассо*, *корреспонденция*) близкие по значению слова или словосочетания нейтрального характера, принятые в обиходно-разговорной сфере общения. Не понимая суть задания, студенты предлагают следующие синонимы: *гриф* — *часть спортивного снаряда*, *визировать* — *навестать кого-л.*, *выйти из строя* — *сделать шаг вперед*.

В-третьих, учащиеся затрудняются в выборе падежных окончаний при использовании производных предлогов. В заданиях такого типа было больше всего допущено ошибок: *по окончанию школы*, вместо *по окончании школы*; *по достижению результата* вместо *по достижении результата*; *по предъявлению документов* вместо *по предъявлении документов*; *во исполнении приказа* вместо *во исполнение приказа*; *во избежании недоразумений* вместо *во избежание недоразумений*; *по приезде* вместо *по приезде*.

Учащиеся не в полной мере владеют жанрами официально-делового стиля, не всегда знают, какие типы документов надо писать в той или иной ситуации. В ситуации обращения к декану с просьбой выделить средства на что-либо студенты выбирают заявление, а не служебную записку. Известно, что в официально-деловом стиле регламентируется как форма и содержание структурные компоненты документов, так и употребление слов и выражений в зависимости от жанра делового текста. Типичные ошибки, которые допускают студенты, связаны с нарушением формально-содержа-

тельных компонентов документов и отсутствием навыков отбора слов и выражений в зависимости от жанра и композиции документа:

Прошу перевести меня на другой факультет, всвязи с желанием смены специальности;

Прошу перевести меня на другую специальность по причине смены интересов;

Прошу вас освободить меня от занимаемой должности лаборанта кафедры в связи с нехваткой временных возможностей;

Прошу перевести меня на другую специальность, в связи с личным желанием». (Примеры из студенческих работы приведены с сохранением знаков препинания и орфографии.)

При написании документов учащиеся пропускают некоторые обязательные компоненты документов: в заявлении может содержаться только просьба заявителя (*Прошу перевести меня на должность менеджера*), но отсутствуют конструкции для ввода аргументации (*ввиду того что*), адресат заявления может быть указан в самом тексте заявления (*Я, Симоненко Валерия, прошу принять меня на должность менеджера*).

При разработке курса «Деловое общение» необходимо учитывать различный уровень языковой подготовки студентов, их профессиональную ориентацию и мотивацию к обучению. Как правило, обучаемые считают, что они в достаточной степени владеют коммуникативными навыками общения в деловой сфере. На одном из первых занятий по «Деловому общению» студентам было предложено прокомментировать высказывание Джона Рокфеллера: «Умение общаться с людьми такой же покупаемый за деньги товар, как сахар или кофе. И я готов платить за это умение больше, чем за какой-либо товар в этом мире» [Чудинов 2015: 6]. Ответы студентов сводились к тому, что они не нуждаются в каких-либо специальных курсах, чтобы научиться деловому общению, и не готовы даже в будущем платить деньги за умение общаться с людьми.

При языковой подготовке студентов нефилологических специальностей необходимо искать более гибкие модели организации учебного процесса, а при выборе учебно-методических материалов учитывать коммуникативные потребности обучаемых в зависимости от их будущих профессиональных интересов. На занятиях по деловому общению особую методическую ценность представляют такие эффективные формы обучения, как коммуникативные и лингвистические тренинги, деловые игры. Во-первых, это позволяет разнообразить порой рутинные с методической точки зрения задания, а во-вторых, заставляет студентов «думать, активно реагировать, то есть об-

учаться, развлекаясь», что, в свою очередь, «как нельзя лучше способствует усвоению изучаемого материала» [Химик 2012: 355].

Таким образом, в итоге освоения курса студенты должны прийти к осознанию важности изучения гуманитарных дисциплин для дальнейшей успешной профессиональной деятельности в любой сфере. Владение естественным (родным) языком и языком специальности подразумевает не только знание орфографических, орфоэпических и грамматических норм, но также умение грамотно и свободно выражать мысли в устной и письменной форме, в монологической и диалогической публичной речи, грамотно составлять деловые, служебные документы. К сожалению, таким уровнем речевой культуры в сфере делового общения владеют не все будущие выпускники технических вузов.

Литература

Основы русской деловой речи: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений / Н.А. Буре, Л.Б. Волкова, Е.В. Косарева и др.; под ред. проф. В.В. Химика. СПб.: Златоуст, 2012. 448 с.

Чудинов А.П., Нахимова Е.А. Деловое общение: Учеб. пос. М.: Флинта; Наука, 2015. 192 с.

ЯЗЫК СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕКЛАМЫ: ОТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕЧИ К СЛЕНГУ

Ключевые слова: гендерный аспект, жаргон, лозунг, сленг, слоган, язык современной рекламы, языковая картина мира.

La reclame — c'est l'âme de commerce — гласит старое французское изречение. Видимо, из-за благоговейного отношения русского человека к понятию «душа» оно было переведено у нас в начале XX века не буквально (*Реклама — душа торговли*), а более прямолинейно: *Реклама — двигатель торговли*. И мы, русские, с конца прошлого века действительно убедились в бездуховной нахрапистости рекламы, в ее мощной динамичности и прагматической беспощадности. После дефицитного советского времени, когда товары не доставляли, а «выбрасывали», когда их не продавали, а «давали», а мы их не покупали, а «доставали», современная жизнь вдруг резко поменяла роли продавца и покупателя. Товарное изобилие не только дало нашему покупателю право выбора, но и породило все ускоряющуюся и все более изощренную борьбу за него, выбирающего объект купли. А раз так, то реклама стала мощным средством «подсказки» этого выбора. Собственно говоря, даже не «подсказки», а насильственного навязывания товаров, перепроизводимых обществом изобилия. Хотим мы или не хотим поглощать рекламу, она врывается в нашу жизнь на каждом шагу, резко прерывает плавное течение любимых телефильмов, настигает в метро и забивает наши почтовые ящики.

Реклама, создающая мифологию современных массовых вожелений, стала регулятором массового поведения, поскольку ее главное назначение — воздействовать на наше сознание и детерминировать поведение тех, кому она предназначена. Эта основная функция рекламы делает ее важнейшим объектом изучения специалистами по маркетингу, социологами, психологами и лингвистами.

Язык современной рекламы является зеркальным отражением всех основных особенностей нашей речевой системы. Именно в этом русле его исследуют специалисты (М.В. Ягодкина, Л.В. Полубиченко, А.А. Миронова, М.Е. Новичихина, Ю.К. Пирогова, И.А. Ишминецкая, Д.С. Скарнев и др.). Рекламный дискурс образует своеобразный языковой палимпсест, в кото-

ром амальгамированы различные пласты — от фольклорного и литературного до бранного и сленгового. Концептуальным стержнем такой амальгамы, тем не менее, остается профессиональная лексика, ибо рекламирование объектов ее номинации является главной целью рекламодача.

История рекламы в России начинается с «Ведомостей» Петра I и долго, по европейской традиции, ограничивалась газетными объявлениями. После «лозунгового» перерыва советского времени она обрела с начала 90-х годов прошлого века особый жанровый и языковой статус и, став востребованной, активизировалась как в средствах массовой информации, так и в общерусском социальном пространстве.

В начале XX века в Российской империи газеты были единственным средством массовой информации, и поэтому основная рекламная нагрузка ложилась именно на них. Крупнейшие общественно-политические издания были нагружены рекламой. Так, например, в «Русском слове», «Русских ведомостях» и «Новом времени» она занимала до 50% печатного объема. Причем первая полоса, как правило, отводилась исключительно под рекламу, а также разного рода объявления.

Рекламе лекарственных и косметических препаратов принадлежало абсолютное первенство. Большая конкуренция на рынке и газетных страницах стимулировала творческую фантазию ее создателей. Примеры печатной рекламы начала XX века демонстрируют большое изящество и детальность изображения, специфическую типографику и излюбленное обращение к среднему классу того времени — купечеству.

Реклама в СССР хотя и достаточно быстро переродилась в идеологические плакатные призывы, все же занимала свое место несмотря на плановую экономику и сопутствующий ей дефицит. Больше всего рекламы публиковалось во времена НЭП (1920-е годы). Но и в другие периоды реклама тоже создавалась и распространялась. Так, например, широко распространялся слоган *Советское — значит отличное!*, а на советском телевидении выходила рекламная телепередача «Больше хороших товаров». Также выходило рекламное приложение к газете «Вечерняя Москва».

С тех времен вошли в поговорку рекламные лозунги: *Летайте самолетами Аэрофлота!* (не только вследствие распространенности этой рекламы, но и из-за ее сомнительной коммерческой ценности: «Аэрофлот» был единственным воздушным перевозчиком в стране), *Храните деньги в сберегательных кассах!* (реклама Сбербанка СССР), *Страхуйте имущество от пожара!* (реклама монопольного страхового общества «Госстрах»). Несмотря на декларативность таких реклам-лозунгов, за ними кроется определен-

ная логика — логика перераспределения и управления спросом на определенный вид товаров или услуг. Так, реклама «Аэрофлота» вызвана к жизни конкуренцией с аналогичными услугами железнодорожного транспорта, автотранспорта и т.п. Реклама сберегательных касс манифестирует стремление уменьшить количество денежной массы, хранимой и накапливаемой в домашних заготовках. Аналогичны примеры в советских монопольных рекламных типах *Нигде кроме, как в Моссельпроме* или *Накопил — машину купил*, получивших известность и статус крылатых выражений.

После упразднения НЭПа реклама в СССР стала практически ненужной из-за выше упоминаемого дефицита самых необходимых товаров. Рудименты рекламы все чаще и больше стали напоминать лозунги, которые не просто вытеснили рекламные ролики дореволюционной России, но стали мощнейшим инструментом идеологической обработки советского населения.

Одно лишь взаимодействие *лозунга* в его классическом понимании и *рекламного слогана* могло бы стать предметом развернутого исследования, ибо лозунг-реклама, как уже отмечалось выше, стал знаменем нынешней российской капиталистической действительности. А.Н. Баранов справедливо отмечает: «Разрушение ритуального дискурса... привело к чрезвычайно интересным языковым процессам, которые заслуживают самого пристального внимания лингвистов. Один из этих феноменов — языковая игра, выполняющая целый комплекс функций: от разрушения старой политической реальности до “карнавального” осмысления и переживания нового состояния общества» [Баранов 1993: 63].

Не случайно, например, крылатое шутивно-ироническое выражение *Автомобиль — не роскошь, а средство передвижения*, известное всем с 30-х годов прошлого века как один из лозунгов, которым восторженные зеваки приветствовали машину «Антилопа гну» с Остапом Бендером и его компаньонами — жуликами, случайно оказавшимися на трассе автопробега «Москва — Харьков — Москва» (И. Ильф, Е. Петров. «Золотой теленок», гл. VI, 1931), сейчас стал не только сентенцией, подчеркивающей необходимость владения легковым автомобилем [Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000: 21], но и популярным рекламным роликом. И это не случайно, ибо «автомобиль рассматривается в рекламе в большей степени как имиджевый аксессуар, подчеркивающий стиль и позиционирование личности в социуме, поскольку он является продолжением индивидуальности и образа жизни человека» [Скнарев 2015: 185–186]. Ср. также многочисленные рекламные трансформации этого лозунга, призывающие к покупке различных предметов, с аллюзией на известное крылатое выражение:

Лифт в доме — это не роскошь, а средство передвижения.

Вертолет — не роскошь.

Ту-61 — не роскошь, а средство передвижения.

Обувные аксессуары — не роскошь, а средства для поддержания адекватного внешнего вида.

Бассейн — не роскошь, а средство для поддержания здоровья, хорошей формы и хорошего микроклимата.

Салфетки «Активтекс» в домашней аптечке — не роскошь, а прямая необходимость.

Одноразовые шприцы — это не роскошь, а средство личной гигиены.

Радиоаппарат — не роскошь, а необходимость (Национальный корпус русского языка: www.ruscorgora.ru).

Характерные также шуточные трансформации («приколы») этого лозунга в современных антипословицах:

Автомат — не роскошь, а средство общения.

Деньги — не роскошь, а средство для пропитания.

Длинные ноги — это не роскошь, а средство продвижения по служебной лестнице.

Машина — не роскошь, [а] роскошь — средства на ее передвижение.

Народ — не роскошь, а средство обогащения.

Партия — не роскошь, а средство попасть в Думу.

Танки — не роскошь, а средство для установления социалистической демократии.

Унитаз — не роскошь, а средство для похудения и мн. др. [Вальтер, Мокиенко 2005].

Они, с одной стороны, сохраняют заданную этой фразе И. Ильфом и Е. Петровым «лозунговость», а с другой — отражают одну из доминантных тенденций современной русской речи — стремление к обостренной смеховой культуре. Некоторые же из них, например: *Еврейская жена не роскошь, а средство передвижения*, являют собою даже некое «единство противоположностей», амальгируя в себе как функционально-семантические свойства лозунга, так и «прикольность» современных крылатых выражений. Таково логическое движение от исходной пропагандистской патетики, заложенной в природе лозунга, до ее низвержения, депатетизации. Уже поэтому лингвистическое исследование современного лозунга как особой языковой единицы и оправдано и необходимо.

Активизация употребления рекламы во всех сферах современной русской жизни благодаря смене экономической и политической систем, демократизации и отмене цензуры вызвала даже волну современного фольклор-

ного «стеба». Например, очень популярны у молодежи придуманные ею же антипословицы на рекламную тему:

Нет большего сраму, чем жмотиться на рекламу.

Войсовером ролик не испортишь.

Каков бриф, таков и креатив.

Наша реклама в ваших товарах не нуждается.

Нет асапов — нет факапов.

Дистрибуция есть — ума не надо.

Локальному клиенту в брендбук не смотрят.

Красна изба брендированием.

Траффик креатору не товарищ.

Сам черт не бренд и т.п.

Реклама являет собой достаточно объективную картину современного русского мира и становится моделью формирования жизненных образцов, окружающих человека, символических кодов социальных ценностей, ориентирующих личность, управляющих ею и определяющих судьбу человека и общества, в котором он живет. Рекламные ролики проникают во все сферы жизнедеятельности человека, окружают нас потребительскими смыслами и наделяют бытовые реалии рекламными образами.

Неологизмы поэтому в русской рекламе особо востребованы и намеренно используются. Их цель — вызвать у читателя «свежесть», «необычность» восприятия, заострить его внимание на рекламируемом товаре. Использование неологизмов в рекламе вызывает интерес аудитории, усиливает запоминаемость, формирует яркий образ в сознания потребителя и создает атмосферу интимности вокруг продукта [Скнарев 2015: 155].

Особенно эффективны неологизмы в рекламе банковских услуг, в рекламе автомобилей и туризма. При этом достаточно часто учитывается национальная специфика в рекламе зарубежья для русских.

Гендерный аспект рекламы в картине русского мира занимает сейчас небольшое место. Так, реклама парфюмерии и корма для домашних животных в основном адресована женщинам, образ которых, естественно, здесь стереотипизирован [Ягодкина 2009: 260–267].

Повышена здесь и доля явного, или эфемизированного, сексизма. Еще в 1986 году на вопрос американской участницы телеведущих первых советско-американских телемостов Владимира Познера и Фила Донахью: «...У нас в телерекламе все крутится вокруг секса. Есть ли у вас такая телереклама?» — представительница общественной организации «Комитет советских женщин» Людмила Николаевна Иванова уверенно ответила: «Ну, секса

у нас...!» — а потом, после смеха аудитории, уточнила: «Секс у нас есть, у нас нет рекламы!» Теперь же в российской рекламе секса больше, чем в американской или французской, а сексуальная «подтекстовка» «украшает» большинство сфер рекламы: банковской, автомобильной, парфюмерной и т.п.

Язык рекламы является зеркальным отражением процессов, происходящих в современном русском языке. Его характеризуют повышенная экспрессивность и связанное с ней употребление просторечно-разговорных и жаргонных языковых единиц. Стремление к оригинальности, вызванное желанием заманить потенциального пользователя рекламы в свои сети, обуславливает повышенную креативность ее текстов. Отсюда широкое использование словесной игры, так называемого стеба, апеллирующего к смысловой двуплановости, «осцилляции смыслов» (по Я. Мукаржовскому [Mukařovský 1971]), резкому диссонансу стилистических регистров. Стилистическая сниженность рекламы подыгрывает настроенности ее потребителей на психологический релакс, отключение рационального за счет апелляции к эмоциональному.

«С одной стороны, рекламная картина мира — мгновенный отблеск, фотовспышка, сиюминутное отражение сдвига в потребительском стиле, на смену которому уже завтра придет следующий кадр-стандарт, и тот, в свою очередь, не задержится надолго... С другой стороны, рекламная картина мира — лишь конфетная обертка, привлекающая внимание, ее красочность и привлекательность не всегда соотносимы с содержанием той продукции, которую она представляет» [Калита 2013: 79]. Исследовательница при этом приводит типичные примеры такой амбивалентной «обверточности», возникающей при обыгрывании синонимии нормативных и сленговых единиц. Например, таков рекламный слоган раскладных диванов *Раздвинь и расслабься* или слоган *Мы обуем всю страну*, где глагол *обуть* хотя и употреблен в прямом значении, но содержит и аллюзию на сленговую семантику 'обмануть' [там же: 82].

Совмещение нормативного и сленгового значений креативно использовано и в названии рыболовного интернет-магазина «Клевый» и одноименном названии рыболовного клуба. Это прилагательное — старый офенский жаргонизм, известный многим поколениям нашей молодежи в значении 'отличный, замечательный, прекрасный'. Аналогичным способом обыгрывается в рекламе и жаргонное слово *бабки*, где привычное значение 'бабушки, опытные женщины старшего поколения' накладывается на сленговое 'деньги'.

Сленговые единицы использует и ВУЗ-Банк, в рекламе которого заложено визуальное обращение к представительницам старшего поколения.

Другая реклама того же банка также зиждется на двусмысленности, как и реклама банка «Кольцо Урала», где обыгрывается просторечное слово *заначка* — ‘деньги, припрятанные на что-либо’. Парадоксально, но факт: сленг используется даже в социальной рекламе как оружие в борьбе с таким российским недугом, как пьянство, в проекте с красноречивым названием «Хватит бухать!» [Калита 2013: 85–89].

Распространены в современной России и весьма специфические виды рекламы. Такова реклама на асфальте, активно распространившаяся в больших российских городах и официально запрещенная во многих европейских странах. Она не требует больших вложений, но приковывает внимание пешеходов, а нередко и автомобилистов. Идешь по тротуару, смотришь под ноги, чтобы не споткнуться, и вдруг читаешь: *Маруся тел. ... Звони сейчас!; Наташа тел....; VIP отдых. 24 часа тел. ...; Красотки. тел. ...; Полный RELAX: тел. ...; Спорт — сила, алкоголь — могила тел. ...; Ремонт под ключ тел. ...* и т.д. Обещание «полного релакса», на которое отдельные из пешеходов, видимо, все-таки поддаются.

Язык российской рекламы, как видим, нередко нарушает нормы литературной языковой системы, предписанные, между прочим, законом РФ «О рекламе». Тем не менее и эти языковые отклонения являются результатом того «срыва» с граней литературной нормы, которые объективно диагностируют М.А. Кронгауз, Е.А. Земская, В.Г. Костомаров, В.В. Колесов, А.Д. Дуличенко и другие исследователи. Эффективность таких рекламных стратегий и языковых средств, их реализующих, оправдывается целью, которой служит реклама. Общество потребления нацелено на быструю и выгодную реализацию продаваемых товаров. И для достижения этой цели все средства хороши, в том числе и средства языковые — от нормативных до стилистически сниженных до сленга и эвфемизмов.

Литература

Баранов А.Н. Языковые игры времени перестройки (Феномен политического лозунга) // *Russistik* 2. 1993. Berlin: Dieter Lenz, 1993. S. 63–74.

Барков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. М.: «Русские словари», ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2000. 624 с.

Вальтер Х., Мокиенко В.М. Прикольный словарь (антипословицы и антиафоризмы). СПб.; М.: Издательский дом «Нева», 2005. 382 с.; 2-е изд. 2008.

Калита И. Стилистические трансформации русских субстандартов, или Книга о сленге. М., 2013. 150 с.

Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru.

Скнарев Д.С. Языковые средства создания образа в рекламном дискурсе: семантический, прагматический, маркетинговый аспекты: Дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2015. 391 с.

Ягодкина М.В. Язык рекламы как средство формирования виртуальной реальности: Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2009. 356 с.

Микаřovský J. Přísloví jako součást kontextu // Cestami poetiky a estetiky. Praha, 1971. S. 277–359.

Л.В. Московкин

Санкт-Петербургский государственный университет,

Санкт-Петербург

КАКОЙ ЯЗЫК ПРЕДСТАВЛЕН В ПЕРВЫХ РУССКИХ ГРАММАТИКАХ ДЛЯ ИНОСТРАНЦЕВ?

Ключевые слова: русские грамматики, русский язык как иностранный, XVIII век.

Создавая учебники русского языка для иностранцев, авторы неизбежно решают вопрос об их содержании, в том числе и о том, какой разновидности русского языка они будут обучать. В наше время решение этого вопроса облегчается возможностью использования грамматических и лексических минимумов для разных уровней владения языком. Кроме того, у авторов имеется возможность опираться на традицию создания учебников для данной формы обучения и на свой личный опыт преподавания. Именно поэтому все современные учебники русского языка как иностранного, например для уровня А2, строятся на одном и том же (с незначительными отклонениями) языковом материале.

Возникает вопрос: на каком языковом материале строились первые учебники русского языка для иностранцев, когда не имелось рекомендуемых языковых минимумов, научно обоснованных программ и стандартов? Постараемся ответить на данный вопрос, привлекая данные анализа первых печатных русских грамматик, начиная с грамматики Г.В. Лудольфа и заканчивая учебником Я.М. Родде.

Опубликованная в Оксфорде «Grammatica Russica» Г.В. Лудольфа [Ludolfi 1696] была первой печатной грамматикой русского языка для иностранцев, и, как показал в своем исследовании Б.А. Ларин [1937], в целом уникальным

источником данных о русском языке конца XVII века. В 1693–1694 годах Лудольф изучал русский язык в Нарве (находившейся в то время на территории, принадлежащей Швеции) и в Москве, причем не только по книгам, но преимущественно в непосредственном общении с носителями русского языка, так как его интересовала устная речь [Tetzner 1955]. В своем учебнике он и отразил главным образом то, что слышал. Однако при этом он хорошо изучил социолингвистическую ситуацию Московской Руси, о чем свидетельствует его указание на то, что образованные русские люди пользуются еще и церковнославянским языком: «Для русских же знание славянского языка необходимо, потому что не только Св. Библия и остальные книги, по которым совершается богослужение, существуют только на славянском языке, но невозможно ни писать, ни рассуждать по каким-нибудь вопросам науки и образования, не пользуясь славянским языком. Поэтому чем более ученым кто-нибудь хочет казаться, тем больше примешивает он славянских выражений к своей речи или в своих писаниях, хотя некоторые и посмеиваются над теми, кто злоупотребляет славянским языком в обычной речи» [цит. по: Ларин 1937: 113].

На одной из страниц учебника даются замечания о различиях русского и церковнославянского языков. Лудольф среди фонетических различий отмечал полногласие в русском языке (*голова, городъ, голодъ*) и неполногласие в славянском (*глава, градъ, гладъ*). К грамматическим особенностям он относил форму прошедшего времени на *-х* (*любихъ*) в славянском языке и на *-л* в русском (*любилъ*). Приводил он и образцы лексических различий, например славянские слова *глаголю, реклъ, днясъ* и соответствующие им русские *говорю, сказалъ, севодни*. Это делалось не для того, чтобы обучать иностранцев церковнославянскому языку, а для того, чтобы разграничить эти два языка, которые в сознании многих русских людей были слиты воедино.

Учебник Лудольфа, как показывают включенные в него грамматический очерк, тематический словарь и диалоги, построен на материале русского языка. Однако мы обнаруживаем в нем две разновидности русского языка. Так, диалоги на бытовые темы (о пище, питье, хозяйственных делах, поездках и т.д.) строятся на разговорном общенародном языке, который Б.А. Ларин называл обиходным [Ларин 1993: 5–6]. Ниже приводится фрагмент диалога «Сѣ ѣствомъ и питіи», в котором даны образцы обиходного языка:

- *Завтракаль ли ты.*
- *А поздно ѱжиналь вчерась, сверхъ тово а рьдко амъ прежде обьѣда.*
- *Изволишь снами хлѣба квшитъ.*
- *Челомъ бью, дѣло мнѣ.*

- Точась обѣдѣ готовѣ бѣдетъ, дѣвка стѣли скатерть.
- Мы не дожидали ся гости, не сѣди что а смѣль за простѣ тебя держатъ здѣсь.
- Болиши приготоовлено неже надобе.
- Пожалви квши, не побрѣзгви нашимъ квшеніемъ.
- А дождаю ся твою семью, женѣ.
- Она еще въ поварнѣ.
- Право а не станѣ пѣсть, покамѣстѣ она не пришла.
- Баренѣ, малецѣ, поди въ поварнѣ и позови ивановнѣ [Ларин 1937: 75–76].

В этом же учебнике мы находим и диалог «СД слѣжбѣ Божіеи», написанный на русском языке с включением церковнославянских слов и цитат из Священного Писания и адресованный, вероятно, лютеранским миссионером. Приведем фрагмент из этого диалога (разговора православного с лютеранином):

- Ты не наши вѣры человекѣ.
- Вѣру во Исѣсѣ Христа, которой животѣ вѣчный сподобилъ и послѣлилъ вѣмъ вѣрующимъ въ него, и силаю ся на слово Исвое: такѣ возлюбилъ Богѣ мѣръ, ако и сына своего едиnorodного далѣ естѣ, да всякѣ вѣрѣли онѣ не погибнетѣ, но иматѣ животѣ вѣчный.
- Такѣ различнихъ вѣрѣ люди скажѣтѣ, что вератѣ въ Исусѣ Христа.
- Солгѣтѣ, когда по волю ево житѣ не потицатѣ ся
- Что ты называешѣ по волю ево житѣ?
- Спасителѣ скажетѣ, аще кто хоцетѣ по мнѣ ити, да овержетѣ ся себе [там же: 88].

Таким образом, несмотря на то что Лудольф пишет о различиях русского и церковнославянского языков, в диалоге «СД слѣжбѣ Божіеи» он приводит образцы не церковнославянского, а славянизированного русского языка образованных русских людей.

Включение в первую печатную грамматику русского языка образцов обиходного языка, которым владели все, и языка образованных людей отражало стремление Лудольфа удовлетворить потребности иностранцев в общении с разными слоями населения Московской Руси.

В учебнике «Рѣковеденіе въ грамматыкѣ во Славѣноросіискѣю или Московскою» Э. Копиевича [Рѣковеденіе 1706], адресованном детям иностранцев, вероятно, учащимся школ, которые создавались при лютеранских приходах в разных городах России, также представлены обе указанные разновидности русского языка. Церковнославянские слова и формы в большей

степени встречаются в грамматическом очерке. Если Лудольф давал образцы русских склонений на словах *жена, городъ, древо, имя, лошадь, князь, бѣлой*, то Копиевич — на словах *Иона, рука, клеветъ, заповедь, часть, царь, пришествие, царство, святой, грешный*. В диалогах церковнославянизмов намного меньше, там мы находим образцы обиходного языка. Приведем в качестве примера диалог 5 «Егда идут спать», который ведут два персонажа — Филикс и Каспар:

Ф.: *Который час?*

К.: *Девять било.*

Ф.: *Пошли спать.*

К.: *Я не хочу спать.*

Ф.: *Мне очень хочется.*

К.: *Ты иди спать.*

Ф.: *А ты же что будешь делать?*

К.: *Я стану твердить.*

Ф.: *Я хочу почивать.*

К.: *Иди прочь, сонливый.*

Ф.: *Не буду тебе помешкою.*

Анонимная грамматика «Grammaire Francoise et Russe» [1730], созданная в Санкт-Петербургской академии наук по заказу французского вино-торговца Имберта и адресованная французским купцам, построена как французско-русский разговорник, в котором русский языковой материал переводится на французский язык или комментируется по-французски. В ней представлен в основном обиходный русский язык. Встречаются в грамматике и церковнославянские слова, но только для иллюстрации сокращения слов под титлами. В грамматических правилах, парадигмах, примерах, диалогах таких слов почти нет.

В двух других грамматиках русского языка для иностранцев, составленных в 1731 году в Академии наук В.Е. Адодуровым [Anfangs-Gründe 1731] и М. Шванвицем [Compendium Grammaticae Russicae 2002], количество церковнославянизмов также незначительно. Оба автора ориентировались на обиходный язык. Так, В.Е. Адодуров давал образцы русских склонений на словах *свинья, нянька, дѣвка и портомоя*. Это было отражение существовавшей в начале XVIII века тенденции строить литературный русский язык на основе обиходного языка. Однако славянизированный язык образованных людей продолжал существовать, и он в большей степени был способен выражать необходимые значения и стилистические оттенки при переводах с других языков. Для М.В. Ломоносова он был средним стилем, то есть сти-

листически немаркированной разновидностью русского языка: «Средний штиль состоять должен из речений, больше в российском языке употребительных, куда можно принять некоторые речения славенские, в высоком штиле употребительные, однако с великою осторожностью, чтобы слог не казался надутым. Равным образом употребить в нем можно низкие слова, однако остерегаться, чтобы не опуститься в подлость. И, словом, в сем штиле должно наблюдать всевозможную равность, которая особливо тем теряется, когда речение славенское положено будет подле российского простонародного» [Ломоносов 1952: 589].

Теория трех штилей оказала влияние на учебники русского языка для иностранцев, которые создавались на основе ломоносовской «Российской грамматики». Так, в учебнике русского языка для немцев Я.М. Родде [Rodde 1789] даны образцы высокого стиля речи (ломоносовские переложения псалмов, его оды «Утреннее размышление о Божием величестве» и «Надпись ко статуе государя Петра Великого»), среднего (рассказы о животных, две главы из «Древней Российской истории» М.В. Ломоносова, глава 8 из «Велисария» Ж.Ф. Мармонтеля) и низкого («Домашние разговоры»). Приведем фрагмент диалога, построенного на обиходном языке:

— *Пойдемте же спать... Анна, посвѣти намъ!*

— *Не темно вить.*

— *Въ другоръ тебѣ говорю: посвѣти сюда.*

— *Тотчасъ, сударыня!*

Таким образом, первые печатные грамматики русского языка для иностранцев не были стилистически однородными. В них были представлены обиходный язык и славянизированный язык образованных людей (по Ломоносову, средний и низкий стили), а во второй половине XVIII века — еще и высокий стиль, выработанный для написания од и торжественных речей и никогда не использовавшийся в устном общении. Очевидно, что в этих грамматиках отражались социолингвистическая ситуация России конца XVII–XVIII века и разные подходы к созданию литературного языка.

Литература

Ларин Б.А. Заметки о «Словаре обиходного языка Московской Руси» / Публ. и примеч. С.С. Волкова // Вопросы теории и истории языка. СПб., 1993. С. 5–9.

Ларин Б.А. Русская грамматика Лудольфа 1696 года. Л., 1937.

Ломоносов М.В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: В 11 т. М.; Л., 1952. Т. 7: Труды по филологии, 1739–1758. С. 585–592.

Рѣковеденіе въ грамматыкѣ во Славѣноросійскѣю или Московскою. Manuductio in grammaticam in sclavonico Rosseanam seu Moscoviticam. Per Eliam Kopijewitz V.D.M. Stoltzenbergii, 1706.

Anfangs-Gründe der Russischen Sprache // Нѣмецко-латинскій и рускій Леѣиконѣ купно съ первыми началами рускаго языка къ общей пользѣ при Императорской Академіи наукъ печатію изданѣ. СПб., 1731.

Compendium Grammaticae Russicae (1731). Die erste Akademie-Grammatik der russischen Sprache / Hrsg. von H. Keipert in Verbindung mit A. Huterer. München, 2002. (Bayerische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse. Abhandlungen Neu Folge. Heft 121).

Grammaire Françoise et Russe en Langue moderne accompagnée d'un petit Dictionnaire pour la Facilité du Commerce. Грамматика французская и руская нынѣшняго языка сообщена съ малымъ Леѣикономъ ради удобности сообщества. СПб., 1730.

Ludolfi H.W. Grammatica Russica quae continet non tantum praecipua fundamenta Russicae linguae, verum etiam Manuductionem quandam ad Grammaticam Slavonicam. Oxonii, 1696.

Rodde J. Russische Sprachlehre. 4 vermehrte Aufl. Riga, 1789.

Tetzner J.H.W. Ludolf und Russland. Berlin, 1955.

*Н.А. Нечунаева
Таллинский университет, Таллин*

*Н.Е. Береснева
Эхтеская гуманитарная гимназия, Таллин*

УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ ШКОЛ С РУССКИМ ЯЗЫКОМ ОБУЧЕНИЯ В ЭСТОНИИ: ОСНОВА ОБУЧЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ САМОСОЗНАНИЯ

Ключевые слова: государственная программа обучения, сквозная тема, сплошной и несплошной тексты, текст, учебный комплекс.

Предметный цикл «Язык и литература» в основной школе должен формировать у школьников осознание себя как носителя национальной культуры. Учащихся необходимо подвести к мысли о том, что русский язык — это средство общения во всех сферах деятельности, а владение языком — основа для обучения в целом. Также для учащихся, живущих в ином языковом пространстве, очень важно понимание того, что русский язык — это существенная часть личного самосознания, поэтому с языком надо обходиться бережно и сознательно, понимая необходимость усвоения основных знаний о языке, орфографических и пунктуационных навыков, а также бережного отношения к языку.

Работа по русскому языку в соответствии с названными принципами представлена в учебно-методическом комплексе по русскому языку для основной школы, созданном Натальей Бересневой и Натальей Нечунаевой. В учебный комплект для каждого класса входят: учебник, рабочая тетрадь, тетрадь для проверочных работ и в помощь учителю — планирование уроков по русскому языку:

- Учебники: Русский язык. 4 класс. Части 1–2. 2011–2012; Русский язык. 5 класс. Части 1–2. 2009/2015; Русский язык. 6 класс. Части 1–2. 2007/2013–2014; Русский язык. 7 класс, части 1-2, 2005/2014; Русский язык. 8 класс. Части 1–2, 2006; Русский язык. 9 класс. 2013.

- Русский язык. Рабочая тетрадь для 4, 5, 6, 7, 8, 9 классов.

- Русский язык. Проверочные работы для 4, 5 классов. Поурочное планирование [<http://koolibri.ee/?mclid=62&type=subjects&scid=79?&lang=ee>].

Учебная литература имеет гриф «Издательство подтверждает: учебник соответствует Государственной программе обучения для основной школы» [http://www.opreka.ru/index.php/Русский_язык._II_школьная_ступень].

Учебно-методический комплекс дает целостное представление об основных разделах русского языка, его правилах и законах, показывает связи между разделами языкознания. Изучение теоретических разделов совмещается с прикладными, практическими задачами. Все пособия комплекса содержат разнообразный современный материал для отработки необходимых орфографических, орфоэпических, пунктуационных, стилистических, риторических навыков и умений. Цель авторов комплекса — на интересном материале поддерживать постоянный интерес к предмету; развивать языковые умения, речь, внимание, память, мышление; прививать вкус к художественному слову, к грамотной, выразительной речи и показать учащимся, что наука о языке — это не бездна правил, требующих зубрежки, а увлекательная наука о законах родного языка. Учебники предназначены и для учителя, отсюда вторая цель — предоставить учителю материал для работы на уроках русского языка, на интересном материале расширить и закрепить у школьников знания о русском языке и сформировать умения, связанные с применением этих знаний в любых ситуациях общения и любых формах речи.

Обязательными для учебного комплекса являются сквозные темы, зафиксированные в Государственной программе обучения:

- непрерывное образование и планирование карьеры;
- окружающая среда и устойчивое развитие;
- гражданская инициатива и предприимчивость;
- культурное самосознание;
- информационная среда;
- технология и инновация;
- здоровье и безопасность;
- ценности и нравственность.

Сквозные темы помогают установить межпредметные связи, проследить, как одна та же или сходная тема раскрывается в произведениях разных жанров и у разных авторов, выявить сходство текстов и показать причины различия.

Все учебники начинаются с вводных уроков, посвященных науке о языке, изучая которые учащиеся вместе с учителем обсуждают вопросы о том, что такое родной язык, зачем надо изучать его, как расширить словарный запас, как говорить правильно, какие тексты мы читаем, как создавать свой текст: «Язык всем знаниям и всей природе ключ» и «Наука о русском языке»

(4 класс), «Язык как средство общения» (5 класс), «Что мы знаем о русском языке» (6 класс), «Происхождение русского языка. Русский язык и родственные языки» (7 класс), «Русский язык в современном мире» (8 класс), «Язык как развивающееся явление» (9 класс). В заставке к разделу учебника 4-го класса описана цель изучения родного языка: *Этот раздел учебника поможет тебе понять, что родной язык — ключ к знаниям; узнать, какие разделы есть в науке о русском языке; вспомнить, какие правила в русском языке мы соблюдаем.* В материале раздела задан дискуссионный вопрос: «Зачем изучать родной язык?» — который обсуждается в разных формах. Результатом обсуждения является создание учащимися собственных текстов, а вывод, к которому приходят учащиеся: лучший способ наладить отношения с родным языком — интересоваться им и изучать его.

В современном мире человека окружает спонтанная речь разных людей: в Интернете, по радио, в телепередачах, в школе, в транспорте, просто на улице. Учащиеся вольно и невольно обращают внимание на постановку ударения, точность словоупотребления, грамматическую правильность, стилистический регистр, темп. Материалом, связанным с формированием навыков устного общения, являются задания продуктивного типа в разделах «Речевой этикет» (5 класс), «Нормы русского литературного языка» (6 класс), «Слово в нашей речи» и «Трудные случаи ударения в словах. Орфоэпические словари» (7 класс), «Правильно ли мы говорим?». Для выполнения заданий в учебниках 4–6-х классов есть орфоэпический словарик, а в учебниках 7–9-х классов приведены ссылки на словари в Интернете и ссылки на сайт издательства, через который можно выйти на сайты, содержащие справочные материалы. Во всех учебниках есть специальные рубрики: «Говори правильно!», «По страницам словаря», «Это интересно!». Важны задания, в которых анализируется значение слова, выбор нужного значения у многозначных слов, показана связь значения слова и ситуации употребления. Безупречно говорить по-русски трудно, но важно научить постоянно задавать вопросы: как правильно сказать? как исправить ошибку? Ответом-рекомендацией может быть презентация «Слово и словарь», подготовленная учащимися: *Какими словарями ты пользуешься? В учебнике? В Интернете? В школьной библиотеке? В домашней библиотеке? Какие словари (названия) и на каких уроках используешь?* (4 класс).

Вырабатываются навыки постоянной работы со словом и обращения к словарям разных типов, формируется устойчивый интерес к точному словоупотреблению. Работа со словарями расширяет словарный запас учащегося. Она проводится на материале почти всех упражнений во всех учеб-

никах независимо от изучаемой темы и представлена в виде заданий типа: *Определите лексическое значение выделенных слов, в случае необходимости обратитесь к словарю; Выполните лексический разбор слова.* Самоконтроль в работе над словом — необходимый этап в становлении филологической культуры учащегося.

Разработана структура подачи учебного материала в соответствии с общей темой учебника, например «Синтаксис и пунктуация. Сложное предложение» (9 класс):

- проверка теории;
- распознавание синтаксического явления;
- расстановка знаков препинания и доказательства того, что предложение сложносочиненное/сложноподчиненное и т.д.;
- решение поставленной задачи: множественный выбор;
- задания на множественное продолжение: *Закончите простое предложение так, чтобы получилось сложносочиненное предложение/сложноподчиненное;*
- самостоятельное составление предложений по схемам;
- работа с текстом: задания на понимание текста, задания на выявление синтаксической структуры текста и определении ее роли.

Монотонности удастся избежать за счет текстов разных типов и жанров, вариативности вопросов, а стабильности — за счет системной подачи сложного лингвистического материала, очень важного для формирования навыков создания письменного текста.

Критерии для выбора текстов: они должны быть оригинальными, интересными, соответствовать возрасту; представлять разные жанры, тематически соответствовать программе, носить развивающий характер. По стилистической принадлежности их можно разделить на художественные, публицистические, деловые, научно-популярные, разговорные (7 класс). Работа с текстом:

- художественные: упр. 55, по Д. Рубиной, текст о яблоневых садах (определение типа речи и стиля); упр. 211, сказка С.Чонишвили о гномах (продолжите текст 3–4 предложениями);
- публицистический: упр. 47, по Ю. Тамберг, текст о вежливых словах (определите стиль), упр. 83, текст о кругосветном путешествии (объясните заглавие «Бег по кругу»);
- деловой: упр. 36 (рабочая тетрадь — заявление директору школы);
- научно-популярный: упр. 9 о плюсе холода (ответы на вопросы + лексическая работа) + словосочетания;
- разговорный: упр. 58 (диалог, проблемы понимания).

Источниками текстов являются: произведения русской классики (А. Пушкин, И. Тургенев, И. Крылов, Л. Толстой, Б. Пастернак, А. Ахматова и др.), произведения детских писателей (В. Катаев, С. Маршак, А. Алексин, В. Голявкин, Ю. Коваль, М. Москвина и др.), современная художественная литература (Д. Рубина, Т. Толстая), научно-популярная литература (материалы журнала «Наука и жизнь», «Здоровье», энциклопедии для детей и др.), тексты сегодняшнего дня: интервью с М. Авериным о выборе профессии (9 класс), пост из «Фейсбука» — приключенческая компьютерная игра «Квест» (6 класс), современные лингвистические источники: М. Кронгауз «Русский язык на грани нервного срыва», В. Колесов «История русского языка в рассказах», современная публицистика (В. Познер), историко-познавательные тексты (о Русской Америке), о повседневных проблемах (Всемирный день мытья рук), психологические этюды (о забытых вещах), радиопередачи («Любознайка»).

В каждом учебнике есть раздел, посвященный работе с текстом. «Учимся работать с текстом» состоит из подразделов (6 класс), которые определяют порядок работы с текстом: *Что такое текст. Стили речи. Разговорный стиль. Книжные стили. Что значит писать или говорить «на тему»? Темы широкие и узкие. Для чего нужен план.* В рубриках «Запомните!» и «Возьмите на заметку!» сформулированы основные понятия, связанные с организацией текста как лингвистической единицы. Подчеркнуты важные для учащегося моменты в работе над текстом: *Основная мысль может быть отражена в заголовке или высказана в одном из предложений текста. Но чаще всего ее надо самому понять и сформулировать.* Создание собственного текста — самый важный этап в обучении языку: *Умение говорить или писать «на тему» надо развивать. Необходимо строить высказывание так, чтобы каждое предложение в нём помогало раскрытию конкретной темы.*

Современная действительность сталкивает учащихся с так называемыми несплошными текстами: графиками, таблицами, схемами. Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся ПИЗА (PISA, Programme for International Student Assessment) [PISA [s.a.]] проводит исследования в разных странах, направленные на оценку способности учащихся применять полученные в школе знания и умения в жизненных ситуациях. В этом отражаются современные тенденции в оценке образовательных достижений. Поэтому в учебники включаются задания, содержащие не только текстовую информацию, но и информацию в виде таблиц, диаграмм, графиков, рисунков, схем.

Учащиеся должны уметь перевести такую информацию в вариант сплошного текста и, наоборот, текстовый вариант представить в нетекстовой форме. Задание первого типа — перевод информации в вариант сплошного текста:

- Рассмотрите две диаграммы, посвященные рейтингу разговорной стилистики, составленные по данным Всероссийского центра общественного мнения. Составьте тексты, описывающие эти диаграммы (9 класс).

- Рассмотрите таблицу пиктограмм различных видов спорта. Напишите сочинение на тему «Мои любимые виды спорта», используя придаточные предложения разного типа (9 класс).

Задания второго типа — представление текста в форме «нетекстовой форме»: Прочитайте текст «Реклама» (4 класс). Какую новую информацию ты получил из этого текста? Построй график, показывающий на каком месте по популярности находятся разные виды рекламы. Как ты относишься к рекламе? Напиши об этом предложение.

В рамках современных требований учащиеся должны приобрести навыки исследовательской работы: Познакомьтесь с мнением школьников 6–7-х классов, которые в рамках проекта «Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык» обсуждали тему «Правильно ли мы говорим?» (6 класс, фрагмент): Меня убивает (не)правильное ударение в словах **звонишь, каталог, красивее** и (не)которых других. (Ни)как не могу понять, почему говорят «ихний». Кстати, я однажды рискнул поправить своего знакомого и сказал, что так говорить (не)правильно. Он (не)надолго задумался, а потом сказал — «ихнишний» (по материалам журнала «Маруся»). Задание: Разбейтесь на группы и проведите небольшую исследовательскую работу на тему «Почему надо говорить правильно?». Используйте примеры из орфоэпического словарика.

Цель работы на уроках русского языка в основной школе — показать ученикам, как можно использовать в реальном общении все богатство родного языка, каким способом можно обогатить словарный запас, как научиться создавать свой текст и как развивать дар речи.

Литература

Постановление Правительства Республики от 28 января 2010 г. № 13 «Государственная программа обучения для основной школы». URL: http://www.oppekava.ee/index.php/Русский_язык_II_школьная_ступень.

<http://koolibri.ee/?mclid=62&type=subjects&scid=79?&lang=ee>.

PISA Haridus-ja Teadus ministeerium /Министерство образования и науки Эстонии. [S.a.]. URL: <https://www.hm.ee/ru/meropriyatija/issledovaniya-i-statistika/pisa>.

ПЕРЕВОД В ВЕК ДЕТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ

Ключевые слова: детерминологизация двуязычные словари, поиск эквивалентов, русский и итальянский языки.

Сближение с языком науки стало одной из наиболее заметных тенденций в развитии современного русского языка. Становление политической, правовой, экономической и финансовой систем постсоветской России привело к образованию многочисленных новых понятий, нуждавшихся в языковом выражении в терминологии. Словари, особенно двуязычные, отстающие от реального узуса даже в условиях спокойного, поступательного развития языка, явно не справлялись с лавиной новых терминов. Русский язык не помнит подобного терминологического взрыва со времен петровских преобразований.

Другой приметой времени является то, что профессиональная лексика переместилась с периферии русской лексической системы к ее центру и прочно заняла место в СМИ, ориентированных на широкую публику [Горбачевич 1990: 74–75; Костомаров 1999: 110–144; Складарская 2007: 5]. За пределами научного и официально-делового функциональных стилей термины могут использоваться в привычном терминологическом значении или как средства метафоризации речи, привлекающие внимание читателя к ярким и непривычным образам. В современной русской речи многие термины экономики, медицины, финансов, математики и других предметных областей обрели более широкое метафорическое значение, расширилась их семантика, изменились референциальные и сочетательные возможности — одним словом, произошла их детерминологизация. В результате появились новые многозначные слова, сочетающие в себе узкоспециальное терминологическое и общелитературное значения. Явление это столь масштабно, что оно не могло ускользнуть от внимания лингвистов [Какорина 1996: 84–87; Лейчик 2000: 25–26; Крысин 2007: 146], однако в двуязычной лексикографической практике полисемия, возникшая в недавнее время после утраты терминами их прямого значения, представлена пока весьма фрагментарно. Хотя в последних изданиях общих русско-итальянских словарей и декларируется обновление словника за счет новейших лексических изменений, эти

декларации оказываются справедливыми в отношении наиболее ярких, лежащих на поверхности феноменов, таких как иностранные заимствования и жаргонизмы. Возникновение же новых значений, вторичные заимствования и детерминологизация пока остаются вне поля зрения современной русско-итальянской лексикографии, что зачастую вызывает непреодолимые трудности при необходимости подобрать эквивалент к словосочетаниям «исторический склероз», «три гражданства в анамнезе» или «вектор разногласий», то и дело мелькающим в современной публицистике и литературе. В настоящей статье мы хотели бы привлечь внимание к переводческим трудностям, обусловленным детерминологизацией и использованием профессиональной лексики в новых переносных значениях, ибо опыт показывает, что в ловушку псевдотерминов попадают не только начинающие переводчики, но и маститые профессионалы.

Сближение с языком науки происходит во всех основных европейских языках. На протяжении последних десятилетий лингвисты наблюдают за развитием Среднего языкового европейского стандарта (Standard Average European) [Ramat 1993: 3–39], среди его проявлений:

- интернационализация научно-технической и интеллектуальной лексики, включая потенциально неограниченные возможности для образования неологизмов на греко-латинской основе (проводником этих неологизмов выступает американский вариант английского);
- одновременное оживление терминологического и разговорно-жаргонного полюсов языка, что приводит к усилению процессов детерминологизации [Meyer 2001: 111–138; Motta 2004: 247–329; Sobrero 2006: 153].

Однако общее сходство семантических процессов не предполагает их параллельного развития в разных языках. Конкретный исход метафорического осмысления профессиональной лексики может значительно отличаться механизмами метафорического переноса в разных языках, коннотациями нового значения, синтагматической комбинаторикой и т.д., что не страхует от ложных друзей переводчика. Прямолинейные переводческие соответствия, обусловленные сходством формы, могут обернуться грубыми ошибками в интерпретации текста [Николаева 2010: 197–208].

Возникновение новых значений слов в лингвистике объясняется по-разному, ибо само понятие значения, многогранное и сложное, ускользает из прокрустова ложа строгого детерминизма и предрасполагает к применению взаимодополняющих методологических подходов. Видению слова как независимого, автономно описываемого целого противостоит подход, согласно

которому ведущая роль при описании и определении значения отводится контексту и динамике узуса¹.

Дальнейшие наблюдения за процессами детерминологизации в современном русском и итальянском языках основаны на данных одноязычных русских и итальянских словарей и на корпусном исследовании этих языков. Всего нами было собрано более 500 терминов из разных тематических областей. Поиск шел с помощью НКРЯ (газетный и устный подкорпус, произведения современной литературы за 1990–2015 годы) и итальянских корпусов неологии и современного письменного итальянского языка.

Собранный материал позволяет нам выделить полное совпадение вторичной номинации в изучаемых языках, ее частичную асимметрию и значимые расхождения между производными значениями терминов. Очевидно, что последние две группы представляют трудности при переводе.

Полное совпадение вторичной номинации

Невроз — 1. (мед.) Нервное психическое заболевание, расстройство нервной системы, возникающее под влиянием тяжелых переживаний. *Истерический невроз, н. навязчивых состояний* (*nevrosi isterica, n. ossessiva*). 2. (перен.) Наваждение, странное поведение, сопровождающееся раздражительностью и нервозностью. *Школьный невроз* (*nevrosi della scuola*), *экзистенциальный н.* (*n. esistenziale*), *информационный н.* (*n. informatica*), *телефонный н.* (*n. del telefono*), *военный н.* (*n. da guerra*).

Коллапс (*collasso*) — 1. (мед.) Внезапное сильное падение кровяного давления и упадок сердечной деятельности, сопровождающийся слабостью, иногда потерей сознания и угрожающий смертью. *Легочный коллапс* (*collasso polmonare*), *сердечный к.* (*c. cardiaco*), *сосудистый к.* (*c. circolatorio*). 2. (пе-

¹Исчерпывающий обзор современных семантических теорий, объясняющих природу языкового значения и порядок возникновения новых значений слова, выходит за пределы этой статьи. Вскользь заметим лишь, что сторонники статического подхода ищут системные правила исчисления вторичных значений, законы регулярной выводимости одного значения слова из другого. В отечественной лингвистике хорошо известна теория регулярной многозначности и семантической деривации, разрабатываемая Московской семантической школой. История этих штудий и библиография представлены в работе А.А. Зализняк [2001]. Приверженцы динамического подхода опираются на контекст и узус при описании лексического значения и считают, что изменения в семном составе слова происходят под воздействием не-тривиальных синтагматических соседей в новых, непривычных для того или иного слова функциональных сферах языках [Биржакова 1972: 273–288; Кронгауз 2007: 301–305; Лаптева 2007: 239–258].

рен.) Тяжелый кризис в экономической, политической, социальной сфере и др. *Социальный коллапс, политический к., экологический к., финансовый к. (collasso sociale, c. politico, c. ecologico, c. finanziario).*

Инъекция — 1. (мед.) Введение лекарственных препаратов, уколы или внутривенные вливания. *Внутримышечная инъекция (iniezione intramuscolo).* 2. (перен.) То, что способствует подъему какой-либо сферы экономики, общественно-политической деятельности. *Финансовые инъекции, долларо-вые и., и. ресурсов и энергии (iniezioni finanziarie, i. di dollari, i. di risorse, i. di energie)*¹.

Рамки статьи не позволяют дать развернутые лексикографические толкования всех изученных терминов. Ограничимся некоторыми наиболее яркими наблюдениями. О вредоносных явлениях и отрицательных страстях и свойствах говорится, что они распространяются как заразные заболевания: существуют не только *вирусы гриппа (virus dell'influenza)* или *бациллы тифа и холеры (i bacilli del tifo e del colera)*, но и *вирусы безразличия и расизма (i virus dell'indifferenza e del razzismo)* и *бациллы ревности и жадности (i bacilli della gelosia e dell'avidità)*. Маразмом страдают не только глубокие старики, переживающие состояние полного упадка физических сил и угасания сознания, на него часто сгуют при описании общественно-политической жизни, ссылаясь на *политический, экономический, социальный и деловой маразм (marasma politico, m. economico, m. sociale, m. degli affari)*. Инфляции подвергаются не только евро и рубли, этот экономический термин в значении «обесценивание, потеря исконного смысла» используется в таких словосочетаниях, как *инфляция ценностей и инфляция слов (inflazione dei valori, inflazione delle parole)*.

Частичное совпадение вторичной номинации

Детерминологизация часто приводит к значимым межъязыковым расхождениям, расставляющим ловушки для переводчика. *Вертикаль* в обоих языках не только используется как математический термин, но и переосмыляется как нечто, обладающее строго упорядоченной иерархией. В переносном значении слово по-разному употребляется в рассматриваемых нами языках. У всех русских ныне на слуху фразеологизм *вертикаль власти* и словосочетания *властная, послушная, президентская, губернаторская, региональная,*

¹Толкования не восходят к какому-то конкретному словарю, представляют собой синтез русской и итальянской лексикографических традиций и отражают только те значения, которые параллельны в двух рассматриваемых языках.

медицинская, исполнительная, иерархическая вертикаль. Буквальный перевод невозможен, ибо в итальянском подобный фразеологизм не существует, а синтагматическая комбинаторика искомого слова выглядит иначе. Приемлемы словосочетания *organizzazione verticale (la struttura verticale) dei sindacati* (вертикальная организация или вертикальная структура профсоюзов). С другой стороны, русскому языку незнакомо спортивное переосмысление термина: *fare la verticale* означает «делать стойку головой вниз».

Во многих европейских языках у слова *синдром* существует, помимо медицинского, более общее значение «совокупности поведенческих реакций на различные жизненные ситуации, в том числе критические и чреватые опасностями». Интернациональными являются *синдромы Стендаля и Питера Пена, китайский, стокгольмский, вьетнамский синдром (sindromi di Stendhal e di Peter Pan, sindrome cinese, di Stoccolma, di Vietnam)*. В русском языке национально-специфической является модель «синдром + имя известного русского литературного персонажа». *Синдромы Хлестакова, Манилова, Обломова, Евгения Онегина, Печорина* и пр. требуют описательного перевода, стержневым словом которого является главная отличительная черта того или иного литературного героя, ставшая в русском сознании нарицательной.

Объектом *склероза* в обоих языках являются не только сосуды и мозг. Осмысленными являются словосочетания *экономический, институциональный, партийный склероз (sclerosi economica, istituzionale, sclerosi dei partiti)*, указывающие на отсутствие эластичности, неумение меняться и приспособляться к новым условиям жизни. Другое вторичное значение этого термина, относящееся к ухудшению памяти, забывчивости, свойственно лишь русскому языку. Эквивалентом *исторического склероза* в итальянском выступает *амнезия (amnesia storica)*, а номинация забывчивого человека, *склеротика*, по своей внутренней форме традиционно восходит к *беспамятству (smemorato)*.

Полное расхождение вторичной номинации

Довольно большую группу составляют термины, подвергшиеся расширению семантики только в одном языке, и термины, метафорическое переосмысление которых в каждом языке развивается по неповторимой, оригинальной модели.

«Односторонняя» детерминологизация — весьма характерное явление. В итальянском языке слово *architettura* используется не только как синоним зодчества, но и в переносном значении как «структура, композиция, вну-

треннее устройство»: *l'architettura di un sonetto, di una sinfonia*. Спортивный термин *гандикап* в русском языке не вышел за рамки профессиональной лексики, в итальянском же, как и в английском, *handicap* означает также «физический или умственный недостаток, дефект». *Вектор* в значении «основное направление развития» не существует в итальянском, при переводе словосочетаний *вектор эволюции, отрицания, настроений, разногласий* следует опираться на описательную стратегию и синонимические замены: *indirizzo principale dell'evoluzione, tendenza al rifiuto, espressione generalizzata dell'umore, tendenza a contraddire*.

В нашем корпусе отмечены также многочисленные модели несимметричного метафорического переосмысления, приводящие к развитию несхожих вторичных значений у одного и того же термина. Слово *микроб* в русском языке вне медицинских контекстов употребляется, чтобы представить распространение пороков и дурных явлений как эпидемию, заразу (ср. с бактерией и вирусом): *микроб буржуазного разложения, микроб сомнения, стяжательства* и т.д. В итальянском же слово *microbo*, кроме болезнетворных микроорганизмов означает также «человека маленького роста, козявку, малявку» или «никчемного, никудышного человека, пустое место».

Алгебра в русском языке имеет устаревающее значение «теоретические основы чего-либо», в произведениях А.И. Герцена и Г.В. Плеханова можно встретить рассуждения об *алгебре прав человека* и *алгебре революции*. В итальянском вторичным значением термина *algebra* является все то, что запутано, сложно, малопонятно.

Даже фрагментарная выборка из собранного нами двуязычного корпуса свидетельствует в пользу того, что процессы детерминологизации далеко не всегда развиваются параллельно в разных языках. Существенные межъязыковые расхождения проявляются в несовпадении моделей метафорического переосмысления, в различной лексической наполняемости этих моделей, в односторонней детерминологизации и в непохожей синтагматической комбинаторике «бывших» терминов. Все эти отличия чреваты грубыми переводческими словарными ошибками и непременно должны найти достойное отражение в современных двуязычных словарях.

Литература

Биржакова Э.Е., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л.: Наука, 1972.

Горбачевич К.С. Дано ли нам предугадать? (О будущем русского языка) // Русистика. 1990. № 2. С. 70–80.

Зализняк А.А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания. 2001. № 2. С. 13–25.

Какорина Е.В. Трансформации лексической семантики и сочетаемости (на материале языка газет) // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Под ред. Е.А. Земской. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 67–89.

Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. СПб.: Златоуст, 1999.

Кронгауз М.А. Новые слова и новые значения: механизмы возникновения // Жизнь языка: Сб. ст. памяти М.В. Панова / Под ред. Е.А. Земской. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 301–306.

Крысин Л.П. Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография. СПб.: Академия, 2007.

Лантева О.А. Сочетаемость слова как фактор изменения его значения // Язык как материя смысла: Сб. ст. к 90-летию акад. Н.Ю. Шведовой / Под ред. М.В. Ляпон. М.: Азбуковник, 2007. С. 239–258.

Лейчик В.М. Проблемы отечественного терминоведения в конце XX века // Вопросы филологии. 2000. № 2. С. 20–29.

Николаева Ю.В. Лексические изменения в современном русском языке и их отражение в русско-итальянских словарях // Лексикографията в европейского культурно пространство. Велико Търново: Знак '94, 2010. С. 197–208.

Meyer I., Mackintosh K. When terms move into our everyday lives: An overview of terminologization // Terminology. 2001. Vol. 6. N 1. P. 111–138.

Motta D. La lingua “sfocata”. Espressioni tecniche desettorializzate nell'italiano contemporaneo (1950–2000) // Studi di lessicografia italiana. XXI. 2004. P. 247–329.

Ramat P. L'italiano lingua d'Europa // Introduzione all'italiano contemporaneo. Le strutture / A cura di A. Sobrero. Bari: Laterza, 1993. P. 3–39.

Sobrero A.A., Miglietta A. Introduzione alla linguistica italiana. Bari: Laterza, 2006.

Словари

Большой академический словарь русского языка / Под ред. К.С. Горбачевич, А.С. Герд, СПб.: Наука, 2004–.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., Русский язык, 2000.

Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2008.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru>.

Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Скляревской. СПб.: Фолио-пресс, 2000.

Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Скляревской. М., Эксмо, 2007.

CODIS. URL: <http://corpora.dslo.unibo.it/CODIS/>.

Corpus CORIS, annotated version. URL: <http://corpora.dslo.unibo.it/TCORIS/>.

De Mauro T. Il dizionario della lingua italiana. Torino: Paravia, 2000. URL: <http://dizionario.internazionale.it>.

Osservatorio neologico della lingua italiana // Onli. URL: <http://www.iliesi.cnr.it/ONLI/intro.shtml>.

В.В. Никульцева

Московский государственный областной университет, Москва

О ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ЛЕКСИКОНЕ АРТИСТОВ БАЛЕТА XXI ВЕКА

Ключевые слова: аббревиация, балет, лексикон, метафоризация, профессионализм, фразеологизация, XXI век.

Современная речь артистов балета значительно отличается от речи советских артистов балета. Если раньше, соответствуя возвышенному образу «сильфов» и «сильфид», они следили за своей манерой поведения и общения, одеждой, походкой и тем самым формировали уважительное отношение к артисту как таковому и искусству балета в целом, то сегодня этому не уделяется достаточного внимания как со стороны самих артистов, так и со стороны их педагогов.

В балетном лексиконе появляется все больше жаргонизмов, арготизмов, присутствует и нецензурная лексика. Данные социологического опроса, проведенного нами среди профессиональных артистов балета, служащих в труппах Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Новосибирска, Казани, Перми и др., свидетельствуют о том, что в XXI веке налицо следующие тенденции:

- общая жаргонизация лексики (батман фраппе — *фрапешка*; батман тандю — *тандюшка*; вариация — *вариачка*; репетиция — *репа*; кордебалет — *корда*, гарнир; жете (jété) — *жетешка*, *жетешечка*; балеты: «Спящая красавица» — *Спяцка*; «Баядерка» — *Байда*; «Тщетная предосторожность» — *Тщетка*; «Затачивая до остроты» (балет Иржи Килиана) — *Заточка*; выполнить трюк — *фишкануть*; выполнять батман тандю (battement tendu) — *тандюкать*; умение делать пируэт — *вертуха*; гастроль на стороне — *халтуры*);

- упрощение (усечение) французских терминов (батман фраппе (battement frappe) — *фраппе*; батман тандю (battement tendu) — *тандю*; па-де-трау — *трау*; па-де-катр — *катр*; деми плие (demi plié) — *плие*);

• сокращение терминологических сочетаний (репетиционный зал — зал; стоять в запасе, быть запасным — *запас, запасать*; солист балета — *солист, солюга*; занятия в балетном классе у станка — *станок*; занятия в балетном классе в центре зала, то есть на середине, — *середина*);

• окращение названий спектаклей («Лебединое озеро» — *Лебединое*; «Сон в летнюю ночь» — *Сон*; «Утраченные иллюзии» — *Иллюзии*; «Пиковая дама», «Дама с камелиями» — *Дама*);

• переосмысление общепринятых названий в результате метафоризации (старый, редко идущий спектакль — *нафталин*; движение, которое выполняет кордебалет, когда во втором акте «Лебединого озера» выходит Одетта, — *чулок*; акт, в котором танцует Одетта, — *белый акт*; акт, в котором танцует Одиллия, — *черный акт*; одинаковые спектакли, идущие подряд, — *блок*; разные спектакли, идущие подряд, — *обойма*; виды поддержек: *свечка, гробик (покойничек), стульчик, флажок, рыбка, птичка*);

• фразеологизация профессиональных сочетаний (быть, стоять, танцевать в кордебалете — *стоять у воды / за крестом, носить / держать канделябр*; держать линию, следить за первым — *кинуть косога*; исполнять движение, требующее раскрытия ног в шпагат, при чересчур сильной растяжке, — *рвать меха*; стабильно выполнить большое количество пируэтов — *поймать стояк, цепануть пируэт*; заниматься в балетном классе — *точить носок, кинуть палочку, сходить повозить ногой*; о заслуженной и опытной балерине: стать для занятий в балетном классе посередине станка — *стать на среднюю палку*; подтянуть живот — *подобрать обед*; положение тела, когда артист балета подает корпус слегка вперед, слегка нависая над полом, — *сосочки на носочки* (выражение приписывают С. Головкиной), *соски на носки* (выражение приписывают А. Бондаренко); о дирижере: начать музыку в момент прыжка (напр., в начале второй коды «Лебединого озера» у танцовщика, исполняющего партию Зигфрида) — *ловить прыжок*; о сольной партии: неожиданно достаться артисту кордебалета — *капнула партия*; слетела балетная туфля — *упала пятка*);

• возрастающая роль аббревиации как способа образования профессиональных жаргонизмов и собственно профессионализмов:

◦ слоговая аббревиация (спектакль — *спект*; гримировочный цех — *гримцех*; монтировщик — *монт, монтир*; «Розовый вальс» (в балете «Щелкунчик») — *розвальс*; «Лебединое озеро» — *Лебоз, Лебедоз*; «Щелкунчик» — *Щелкун*);

◦ звуковая аббревиация («Лебединое озеро» — *ЛО*);

◦ инициальная аббревиация («Дон-Кихот» — *ДК*; «Спящая красавица» — *СК*).

Как все люди, артисты балета любят пошутить. Так, если у обычного человека две ноги, то у балетных их больше сорока: *правая, левая, передняя, задняя, внутренняя, внешняя, эта, не эта, другая, удобная, неудобная, опорная, толчковая, приставленная, отставленная, прямая, согнутая, свободная, запасная, еще одна левая, другая правая, та, не та, лишняя, верхняя, нижняя, поднятая, задранная, спущенная, оттянутая, наружная, принимающая, правая передняя, правая задняя, левая передняя, левая задняя, больная, логичная, нелогичная, та, которая на ноге дамы, следующая* и т.д.

Существует такое понятие, как *зеленый, зеленка, зеленить* — о последнем в блоке спектакле, где можно повеселиться так, что это будет незаметно для зрителей, но весело для артистов (например, в последний день гастролей или 31 декабря): изменить детали костюма, реквизит и т.д.

В балетных спектаклях бывают сцены охоты (напр., в «Жизели», «Баядерке» и др.). Когда проходит репетиция всего балета по эпизодам, режиссер зовет кордебалет или миманс: *«На сцену охота!»* — на что в ответ слышит: *«Неохота...»*

Имеют хождение и такие фразы:

Грим для уродов, класс для бездарных;

Не костюм, а чехол на танк;

Разомнем бочка-окорочка — то, что набрано за лето непосильным трудом;

Поймать звездочки (испытать головокружение, слабость);

День Сурка (двойник, то есть утренний и вечерний спектакль в один день);

Пор де бра — мордой в бра (от фр. port de bras — «нести руки»);

Принял уже сауну? (смеются над тем, кто сильно вспотел);

Всю жизнь просидишь под станком (педагоги говорят ученикам о том, что те не будут востребованными, если будут лениться);

Тур, тур — полтора, два тура — три рубля (когда па-де-де в третьем акте «Спящей красавицы»);

Что за колдабуре ты здесь делаешь...? (от колобродить + pas de bourré — неправильное исполнение движения);

Пришли ли гномики? (у начинающих артистов в шутку спрашивают, волнуются ли они перед спектаклем).

Помимо каламбуров, в профессиональной речи балетных можно встретить энантиосемию (хорошо, ровно станцевать в кордебалете — *не выделяться*; рутинно заниматься в балетном классе, ежедневно отрабатывать различные элементы — *делать успехи*; опытный, давно танцующий в труппе, но не достигший пенсионного возраста (38 лет) артист — *ветеран, ста-*

рик), а также иронию, антифразис (артист кордебалета — *солист*; артист, долго работающий в труппе, уставший, вымотавшийся, — *дедушка / бабушка русского балета* (неуваж.), *народный артист* (ирон.; шутл.); артист, работающий в труппе и по достижении пенсионного возраста, — *мамонт*).

Части тела в шутку могут называться *хвостом*, *фунечкой* (о ягодицах; последнее слово приписывается С. Головкиной), *карданом*, *обедом* (о животе); *сосисками*, *макаронами* (о руках), *костылями* (о ногах) и т.д.

Положения тела, конечностей, головы могут иметь как французские названия (*арабеск* — *arabesque*, *плие* — *plié*, *экарте* — *écarté*), так и шутливые метафорические обозначения (*руки как снегоуборочные машины, как крылья птеродактиля*).

Неофициальные названия движений метафоричны, экспрессивны и, как правило, не имеют терминологических параллелей: *селетки* (небольшие прыжки — продвижения вперед на опорной ноге, когда корпус тела находится в арабеске; *temps glissés*); *блинчики* (*tour de force* — прыжки с вращениями вокруг собственного тела; туры в воздухе с продвижением); *промакашка* (вид партерного движения, выполняемого всем телом, когда, начиная с рук, артист опускается на грудную клетку и т.д., «промакивая пол телом»); *обводка* (*promenade* — обход вокруг партнерши, когда партнер держит ее за руку, за талию или за ногу); *улитка* (рисунок в танце, который образуется в процессе бега танцовщиц / -ков, начиная с большого круга и с каждым разом сужая его), *свинка* (рисунок в танце, представляющий собой треугольник на сцене) и т.д.

Прыжки имеют как французские названия, так и те, что можно классифицировать как собственно профессионализмы: *американка*, *японка*, *Петр Иванович* (*jété entrelacé en dedans*), *перекидной* (*jété entrelacé*), *Емельяныч / Иван Емельянович*, *козлы*, *козел*, *коза*, *револьтад* (*revoltade*), *кодебаск* (*saut de basque*), *гранд батман* (*grand battement*), *come* (*sauté*), *бочка*, *ножницы*, *пистолет* и т.д. У многих из этих наименований есть своя история. Например, Наум Азарин-Мессерер поведал, как появилось название «Иван Емельянович»: «История столь экстравагантного названия такова. Иван Емельянович Сидоров (в прошлом танцор, ставший затем педагогом) в беседах с балетной молодежью любил немного прихвастнуть, рассказывая, какой сверхъестественный прыжок был у него в давние годы. Дескать, выполняет он *jété en avant* — прыжок вперед, вдруг его сзади окликают, он разворачивается в прыжке и прилетает обратно на то же место, откуда оттолкнулся. По этому поводу часто смеялись. Однажды Асаф Мессерер попросил товарищей позвать его в тот момент, когда он будет делать перекидное *jété*. В ответ назов

он, находясь спиной к присутствующим, повернулся в воздухе на 180 градусов и приземлился к ним лицом. В шутку новому движению дали название «Иван Емельянович»».

Педагога в труппе часто величают *сенсэем, мастером, учителем*, а иногда просто называют *репетитором, тренером*. Худрука (художественного руководителя балетной труппы) в зависимости от степени уважения к нему — *шефом, боссом, папой*. У некоторых есть клички: например, Б. Эйфмана прозвали *Бородой*, а Ю. Григоровича — *Григом*.

Существуют некоторые территориальные различия в употреблении балетной лексики, но они неявны и не имеют принципиального значения, так как многие выпускники Академии русского балета им. А. Вагановой поступают в московские труппы, и, наоборот, выпускники МГАХ танцуют на петербургских сценах; ср.: *пучок, пуанты, диагональ* (Москва) — *кичка, каски / коски, кося* (Санкт-Петербург).

Таким образом, в современной профессиональной речи артистов балета наблюдаются такие изменения, как усечение терминов французского происхождения, сокращение терминологических сочетаний, неблагозвучная аббревиация и мн. др., а также очень активно идет процесс жаргонизации и обцензизации.

В XXI веке речь профессиональных артистов балета становится все более недоступной для понимания непосвященных, как членов их семей, так и любителей балета.

Автор статьи благодарит за помощь в сборе материала Дениса Медведева, Андрея Болотина, Диану Косыреву, Артемия Белякова, Анастасию Меськову, Дмитрия Дорохова, Дарью Хохлову, Ану Туразашвили, Ангелину Карпову, Викторию Литвинову, Владимира Суворова, Нину Бирюкову, Марфу Сидоренко, Екатерину Завадину, Сергея Кузьмина, Михаила Крючкова, Нино Асатиани (Большой театр, Москва), Эрику Микиртичеву, Ксению Рыжкову, Оксану Кардаш, Инессу Бикбулатову, Евгения Поклитаря, Наталию Конкину, Алексея Попова, Кристину Головачеву, Евгения Жукова, Ольгу Сизых (МАМТ им. К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко, Москва), Александра Сергеева, Елену Евсееву, Викторию Брилеву, Викторию Краснокутскую, Ольгу Белик, Виталия Амелишко (Мариинский театр, Санкт-Петербург), Ивана Зайцева, Михаила Венщикова, Валерию Запасникову, Ольгу Семенову, Юлию Тикку, Андрея Немича (Михайловский театр, Санкт-Петербург), Олега Габышева, Кирилла Ефремова (Гос. театр балета Б. Эйфмана, Санкт-Петербург), Веронику Варновскую, Ксению Хабинец,

Валерию Побединскую, Егора Мотузова, Сергея Васюченко, Зинаиду Панишеву (Гос. театр «Кремлевский балет», Москва), Анастасию Кадильникову, Олега Сальцева (РГМТ, Ростов-на-Дону), Дмитрия Прусакова (Балет «Москва»), Олега Ивенко (КГТОБ, Казань), Ивана Кузнецова (НГАОиБ, Новосибирск), Антона Мальцева (Россия — Франция), Анастасию Федорову, Марию-Терезу Бек (Россия — США), Артемия Пыжова (Россия — Словакия), Сергея Доренского (Москва), Алексея Торгунакова (Москва).

Особую благодарность выражаем педагогам-репетиторам Жанне Богородицкой (Москва), Майе Янсон, Альберту Галичанину (Санкт-Петербург) и дирижеру Большого театра Алексею Богораду (Москва).

Е.В. Орлова

Ивановская государственная медицинская академия, Иваново

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ ЖАРГОН

Ключевые слова: медицинский жаргон, профессиональный жаргон.

Жаргонизмы, или сленг, — слова, используемые представителями одинаковых социальных групп, находящиеся за пределами кодифицированного языка, за пределами литературной нормы. Жаргон, как правило, подразделяется на молодежный, характерный для молодежной среды: студенческий жаргон; жаргон неформальных групп, относящихся к разным субкультурам: готы, эмо, граффитеры, байкеры, рокеры, металлисты и т.п., — и профессиональный, зависящий от рода деятельности его носителей: жаргон компьютерщиков, строителей, военных, медицинских работников и т.п.

Профессиональный медицинский дискурс является одним из социально ориентированных видов дискурсов и представляет собой сложную когнитивно-коммуникативную систему, которая объединяет находящиеся в непрерывном взаимодействии языковые средства и экстралингвистические компоненты профессиональной коммуникации в сфере медицины. Статусно-ролевые характеристики участников медицинского дискурса устойчивы в условиях официального общения. В условиях полуофициальной или неофициальной коммуникации они могут модифицироваться или стираться.

Структура языка профессионального медицинского общения включает в себя, прежде всего, кодифицированный пласт профессионального медицинского языка, что представляет собой медицинскую терминосистему и терминологию. Это очень большой лексико-грамматический пласт языка. Известно, что только за время обучения студент медицинского вуза изучает медицинскую терминологию, по объему равную трем иностранным языкам. Кодифицированный пласт профессионального медицинского языка обслуживает официальную коммуникацию, научно-исследовательскую и педагогическую деятельность в области медицины.

Кроме кодифицированного, литературного пласта профессионального медицинского языка существует профессиональный жаргон, который также включает в себя большой лексико-грамматический пласт. Этот пласт не кодифицированного, нелитературного, языка обеспечивает коммуникацию медицинских работников в полуофициальном и неофициальном интрапрофессиональном общении.

Объектом профессионального медицинского жаргона являются различные понятия:

- названия инструментов: *уши* — фонендоскоп; *шарманка* — электрокардиограф (аппарат для записи ЭКГ); *черепаха* — хирургическая шлем-маска, закрывающая всю голову и оставляющая открытыми только глаза; *вертолет* — гинекологическое кресло; *яремка* — пластиковый венозный катетер во внутренней яремной вене;

- пациенты: *Люськи* — пациентки с сифилисом (от лат. *lues* — «сифилис»); челюскинцы, *челюсти* — пациенты отделения челюстно-лицевой хирургии; *кесарки* — женщины после операции кесарева сечения; *лежаки* — лежащие пациенты; *парашютисты* — пациенты, получившие травмы при падении с высоты; *рецидивисты* — больные с рецидивом (повторением) болезни;

- диагнозы, названия болезней: *мерцалка*, *мерцуха* — мерцательная аритмия, фибрилляция предсердий;

- названия отделений больницы: *детство* — детское отделение больницы;

- специальности врачей: *ремки* — реаниматологи; *анестезавры* — анестезиологи; *костоломы* — травматологи;

- названия препаратов, лекарства: *буксир*, или *Ксюха*, *Оксана* — оксибутират натрия (психотропный препарат); *Галочка с Фенечкой* — комбинация препаратов — галоперидола и феназепамы и т.п.

Медицинский жаргон обозначает также и определенные действия, профессиональные манипуляции, например: *завести больного* — восстановить

синусовый (нормальный) ритм после остановки сердца; *загрузить пациента* — ввести психотропные препараты; *размочить бабулю* — добиться выделения мочи по катетеру после операции.

Широкое использование профессиональных жаргонизмов в медицинской сфере, прежде всего, служит утилитарным целям облегчения профессионального общения. Стремлением к экономии языковых средств вызвано использование, например, таких жаргонизмов, как *флюшка* вместо *флюорография*, *перфорашка* вместо *перфорация язвы*. Эти жаргонизмы носят явный просторечный характер. Стремлением к экономии языковых средств объясняется использование жаргонизма *УЗИ брюха* вместо литературного варианта *УЗИ органов брюшной полости*. Разговорно-сниженное *брюхо* в сочетании с медицинским термином *УЗИ* — очень характерное словосочетание для медицинского жаргона. Экономия языковых средств диктует частое использование аббревиатур, как в ранее приведенном примере: использование аббревиатуры *УЗИ* вместо длинного словосочетания *ультразвуковое исследование*.

Иногда использование аббревиатур в речи медиков выглядит абсурдным, даже циничным, например, вместо «кожных нарушений не обнаружено» в истории болезни врач может написать *КИНО*, а вместо словосочетания «развернутый анализ крови» — *РАК*. Чаще всего такая запись делается врачом или фельдшером скорой помощи или очень спешащим дежурным врачом в стационаре. Использование подобных сокращений, разумеется, является недопустимым в официальном документе или при общении врача с больным. Можно представить реакцию пациента, увидевшего в своей истории болезни такие сокращения.

Считается, что использование кратких обозначений экономит время медицинским работникам. Используя сниженную, иногда грубоватую, даже грубую, лексику, врачи снимают психологическое напряжение.

Медицинская работа имеет свою специфику, связанную с повышенной степенью профессиональной ответственности. Частые профессиональные стрессы порождают у медицинского работника, особенно у врача, установку на эмоциональную отстраненность в общении с пациентами, необходимость эмоциональной разгрузки в неофициальном интрапрофессиональном общении. Одним из средств психологической разгрузки медицинских работников является черный юмор, объектами которого становятся пациенты, например *сблёвыши*, *недоносок* вместо *недоношенный ребенок*; *кегли* — вместо *пострадавшие в результате ДТП*.

Профессиональные медицинские жаргонизмы имеют множество источников, особое внимание хочется уделить прецедентным именам и высказываниям, а также актуализирующимся в них прецедентным текстам и ситуациям, на которых мы остановимся более подробно.

Среди источников прецедентных имен можно выделить:

- литературу: *Самоделкин* — травматолог, поскольку во время операций в травматологии используется большое количество инструментов, сходных со слесарными: молотки, кусачки, пилы, стамески и т.п.;
- мифологию: *Икар* — пострадавший в результате падения с высоты;
- фольклор: *Колобок* — больной с выраженным асцитом, то есть скоплением жидкости в брюшной полости;
- медицину: *Гиппократ* — пациент с очень заостренными чертами лица;
- спорт: *Шумахер*, или *каристик*, — водитель машины для перевозки трупов;
- астрономию, космос: *НЛО* — неподвижно лежащий объект, чаще всего больной, находящийся в коме.

В последнее время в качестве источников прецедентных имен часто используется политическая сфера: *Ленин* — больной, страдающий облысением; *Жириновский* — скандальный пациент.

Таким образом, объектом профессионального медицинского жаргона являются различные понятия и действия, профессиональные манипуляции. Источниками профессионального медицинского жаргона являются, в частности, прецедентные имена, тексты и ситуации.

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ ОФИСЕ: ОСТРЫЕ ВОПРОСЫ И ЛАКУНЫ СПРАВОЧНИКОВ

Ключевые слова: грамотность, источники нормы, норма, орфография, правила, пунктуация, склонение фамилий.

В «Справочное бюро» интернет-портала «Грамота.ру» ежедневно поступает несколько десятков вопросов. Пользователей Интернета ставят в тупик трудные случаи орфографии и пунктуации, интересуют вопросы словообразования и морфологии, история слов и крылатых выражений, происхождение географических названий. Но при этом большинство вопросов все же связаны с понятием «языковая норма»: спрашивающих интересует правильное, нормативное написание, произношение, употребление тех или иных языковых единиц.

Значительную часть аудитории портала «Грамота.ру» (наряду с журналистами, редакторами и корректорами, преподавателями и учащимися) составляют офисные работники (секретари, делопроизводители, сотрудники отдела кадров и т.д.), которые при заполнении бумаг, написании личных и деловых писем, различных официальных документов (заявлений, служебных записок и т.д.) сталкиваются со специфическими орфографическими, пунктуационными, грамматическими и стилистическими трудностями, многие из которых не описаны (или недостаточно подробно описаны) в существующей словарно-справочной литературе. Ниже будут приведены наиболее показательные примеры.

Орфографические затруднения у офисных работников связаны в первую очередь с оформлением собственных имен — названий предприятий и учреждений. Вот примеры подобного рода вопросов:

- Надо ли заключать в кавычки *Газпромбанк*?
- На что ориентироваться при написании названий организаций — на словари или на Единый государственный реестр юридических лиц? Например, АвтоВАЗ официально называется АВТОВАЗ. «Национальная Академия Индустрии Моды», «Конкурс Одного Костюма» — все слова с заглавной буквы. Бр-р-р! Чему верить?

• Скажите, пожалуйста, нужны ли кавычки в примере: *От компании «ГАРАНТ» на конференции выступил...* Есть родовое слово, а значит, кавычки нужны. Кавычки — знак выделения, в то же время и написание слова гарант прописными тоже своего рода выделение. Нет ли здесь излишества?

Как было нами показано ранее [Пахомов 2008], наименования организаций в современном русском языке могут оформляться кириллицей, латиницей, комбинацией букв кириллического и латинского алфавитов, реже — комбинацией букв и небуквенных знаков; состоять из одного слова или нескольких слов (если название состоит из одного слова, то это слово может не содержать аббревиации, может представлять собой сложносокращенное слово или аббревиатуру инициального типа); сопровождаться или не сопровождаться родовым словом; сопровождаться или не сопровождаться дополнительными компонентами — буквенными или цифровыми обозначениями. Орфографическое оформление собственных наименований разного типа не получило еще подробного освещения в справочной литературе. В нашем диссертационном исследовании [Пахомов 2008] были сформулированы рекомендации по употреблению кавычек в собственных наименованиях (в том числе аббревиатурных и оформленных латиницей), они опубликованы и в справочном пособии «Письмовник» на портале «Грамота.ру». Однако современным офисным работникам необходимы более подробные рекомендации, с помощью которых они могли бы найти ответы на большинство вопросов, связанных с написанием собственных наименований.

Кроме того, особую актуальность в наши дни приобретает вопрос об оформлении названий в сочетании с обозначением организационно-правовой формы (в том числе употребление прописных/строчных букв в самом этом обозначении). Например:

• Как пишется в тексте организационно-правовая форма *федеральное государственное бюджетное учреждение культуры*, с большой или с маленькой буквы?

• Правильно ли написано: *Муниципальное автономное общеобразовательное учреждение средняя общеобразовательная школа № 10*?

Рекомендации по написанию сочетаний типа *федеральное государственное бюджетное учреждение культуры*, *муниципальное автономное общеобразовательное учреждение* и т.п. в современных справочниках по правописанию отсутствуют.

Пунктуационные затруднения у офисных работников связаны в первую очередь с неразличением вводных слов и слов, не являющихся вводными, обособлением / необособлением оборотов с производными предложениями,

оборотов с существительными в косвенных падежах, постановкой запятых при составных подчинительных союзах и т.д. Например:

- Нужна ли запятая перед *сообщаю* в следующем тексте: *В ответ на Ваше письмо от ... № ... о проведении праздника ... (?) сообщаю о включении в план проведения следующего мероприятия...*

- В случае если решение поставленных вопросов не входит в компетенцию должностного лица, дается разъяснение... Нужна ли запятая после в случае?

- Добрый день, скажите, пожалуйста, всегда ли обособляются обороты вместе с тем и тем не менее?

Многие из этих вопросов рассмотрены в справочном пособии [Пахов, Свинцов, Филатова 2012], однако остаются острые пунктуационные вопросы, нуждающиеся в дальнейшем обсуждении лингвистическим сообществом. Например, как уже известно многим, различаются рекомендации справочных служб русского языка, работающих на порталах «Грамота.ру» и «Культура письменной речи» («Грамма.ру»), относительно пунктуационного выделения оборота *С уважением* в конце письма. Кроме того, в справочной литературе не описаны конструкции, в которых обороты с производными предлогами (*на основании, в соответствии* с и др.), факультативно выделяемые запятыми, выступают в общем ряду однородных членов с деепричастными оборотами. Например: *На основании вышеизложенного и руководствуясь статьей 125 УПК РФ (?) постановляю... Руководствуясь статьей 125 УПК РФ и на основании вышеизложенного (?) постановляю...*

Грамматические затруднения, возникающие у сотрудников разного рода учреждений, организаций, фирм, связаны в первую очередь с употреблением фамилий в деловых текстах. Во-первых, вызывает вопросы склонение фамилий: многие офисные работники (секретари, делопроизводители) сталкиваются с категорическими требованиями руководства не изменять по падежам любые нестандартные фамилии. Опыт работы «Справочного бюро» портала «Грамота.ру» показывает, что законы склонения фамилий неизвестны большинству носителей языка (и даже некоторым филологам), хотя они приводятся во многих справочных пособиях по русскому языку, в том числе в широкодоступных (см., например: [Розенталь, Джанджакова, Кабанова 2010; Бельчиков 2012; Граудина, Ицкович, Катлинская 2008; Суперанская 2004; Калакуцкая 1994 и др.]). Носители языка ждут от лингвистов единой позиции, которой в настоящее время не существует: в одних справочных пособиях предписано склонять нестандартные фамилии, если так велят законы русской грамматики, другие лингвистические издания допускают возможность в ряде случаев оставлять такие фамилии в несклоня-

емой форме. Например, разнятся рекомендации относительно склонения мужских фамилий, совпадающих с нарицательными существительными, с личными именами (русскими и нерусскими), с географическими наименованиями, оканчивающимися на согласный: *Граф, Гриб, Грач, Орел, Кот, Дрозд, Люксембург*. Л.П. Калакуцкая указывает на обязательность склонения подобных фамилий: «Несклонение мужских фамилий, оканчивающихся на согласный, недопустимо. Неправильно: ...*обратиться к адмиралу А. Орел*» [Калакуцкая 1994: 25]. В то же время Ю.А. Бельчиков подчеркивает: «В документах, в деловых бумагах, в информационных жанрах СМИ... вообще в официальных ситуациях с целью сохранить для точности информации исходную (паспортную) форму фамилии данного лица... мужские фамилии рассматриваемых типов [совпадающие с нарицательными существительными и собственными именами. — В. П.] не склоняются» [Бельчиков 2012: 127].

Во-вторых, трудности связаны с согласованием определений и сказуемых, относящихся к сочетаниям «название должности — существительное мужского рода + женская фамилия», например: *ООО «Ромашка» в лице директора Ивановой Марии Николаевны, действующей / действующего на основании Устава...* Конкретных рекомендаций именно для данного случая в справочной литературе нет. С одной стороны, есть указание на то, что «в письменной строго официальной или нейтрально-деловой речи принята норма согласования по внешней форме определяемого существительного» [Граудина, Ицкович, Катлинская 2008: 135], то есть *директор... действующий*. С другой стороны, находим и такие рекомендации для ситуации «существительное мужского рода, называющее лицо женского пола, + имя собственное + определение»: «...обособленное определение ставится в форме женского рода, если оно стоит после собственного имени: *Автор Н. Петрова, уже известная читателям, предложила новую статью*», «...определение-причастие ставится в форме женского рода независимо от порядка слов: *Предложившая новую статью автор Н. Петрова уже известна читателям*» [Ефремова, Костомаров 1997: 53].

Лексические, стилистические трудности возникают при составлении личных, деловых писем, официальных документов. Например, если письмо начинается со слова *Уважаемый*, допустима ли подпись *С уважением* в конце письма? На данный вопрос также нет однозначного ответа в существующей справочной литературе.

Перечисленные выше трудности (приведены только наиболее частые вопросы) актуальны прежде всего для офисных работников, и наличие лакун в существующих справочных пособиях по правописанию позволяет

выступить с инициативой о создании специализированного справочного пособия по правописанию, адресованного в первую очередь современному офисному сотруднику. Такое пособие могло бы быть разработано совместно московскими и петербургскими лингвистами, сотрудниками справочных служб русского языка порталов «Грамота.ру» и «Грамма.ру» на основе наиболее частых запросов пользователей данных справочных служб.

Литература

Бельчиков Ю.А. Практическая стилистика современного русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М., 2012.

Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Словарь грамматических вариантов русского языка. 3-е изд., стер. М., 2008.

Ефремова Т.В., Костомаров В.Г. Словарь грамматических трудностей русского языка. 3-е изд., стер. М., 1997.

Калакуцкая Л.П. Фамилии. Имена. Отчества. Написание и склонение. М., 1994.

Пахомов В.М. Кавычки и смежные орфографические явления в сфере номинации. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.

Пахомов В.М., Свинцов В.В., Филатова И.В. Трудные случаи русской пунктуации: Словарь-справочник. М., 2012.

Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. Справочник по русскому языку: правописание, произношение, литературное редактирование. 7-е изд. М., 2010.

Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. М., 2004.

НЕРАЗБОРЧИВОСТЬ ИЛИ НЕКОМПЕТЕНТНОСТЬ?

Русская речь пластична и подвижна, как известно, и смело заполняет лакуны в системе языка, лихо «расправляется» с зонами риска. Недостаточные глаголы получают недостающие формы (*пылесосу*), двувидовые глаголы (*образовать*) имперфективируются (*образовывать*), заимствованные слова преобразуются (*ксерить*) и снабжаются русскими префиксами (*отксерить*, *наксерить*, *поксерить*). Отвлеченные существительные обретают множественность (*вызовы*, *приоритеты*, *риски*) — либо конкретизируясь, обогащаясь семантически, либо становясь знаками речевой небрежности, либо являя собой кальки с чужого языка. Ученые-лингвисты и практики едва успевают фиксировать и объяснять изменения. Лексикографы, как правило, не успевают.

Вкусовые пристрастия отдельных языковых личностей и языковой вкус эпохи часто расходятся. СМИ отражают скорее отдельные факты изменений, но — удивительным образом — эти факты становятся отражением речевой тенденции вообще.

Приведу в пример слово *активность*. Никакие словари, печатные или электронные, не дают это слово иначе, чем в единственном числе. Однако (как это нередко бывает, заметив раз, замечаем повсюду) это слово все чаще встречается в форме множественного числа.

Подобные метаморфозы слов и значений в нашем языковом сознании начались давно, с перестройкой, видимо... Мода на иностранные слова привела к сегодняшнему повсеместному замещению лексических и фразеологических единиц в речи образованных людей: *У меня это где-то в бэк-граунде; Спектакль — на мейн-стриме моды; Передача идет в прайм-тайме*. Отношение к новым явлениям, происходящим под влиянием английского (американского) лексикона, незаметно «развело» говорящих в разные стороны: активное неприятие, пассивное равнодушие, примирительное оправдание их употребления.

Упомянем, что анализ словоупотреблений студентами-журналистами показывает не только и не столько увеличение зон русских агнонимов в молодежном словаре, сколько приблизительное знание и небрежное использо-

вание лексических единиц, в том числе «модных», «актуальных», широкоупотребительных. Упомяну назойливое «научно-производственное» слово *инновационный*. При анализе собственных толкований и контекстов с этой единицей студенты соглашались, что либо его можно везде заменить словами *новый, новаторский, новационный*, либо оно опустошено и означает просто *прогрессивный, современный, модернизированный* и т.п.

Читаем: «В русском языке завелся отвратительный паразит. Офисной природы, маркетингового происхождения. Существительное в неестественном для конкретного случая множественном числе — “активности”. Пиар-менеджер какого-нибудь офиса лихо использует эту кальку с английского: *у нас новые активности, необходимо развивать активности*. Крупный столичный чиновник тоже следует моде: *В день города намечено множество активностей*» (ЛГ. 2015. 20 сент.). Скорее всего, речь идет просто о *мероприятиях*, но зачем же просто, когда можно сложно и важно?..

Оценочное восприятие журналистом ЛГ данной формы слова противоречит ее нейтральному употреблению в Интернете: «Что такое Digital-активности? Это мощный вирусный охват и быстрое вовлечение в диалог. Это эффективные digital инструменты, которые влияют на вас независимо от вашей воли. Компания “Гефест Проекция” предлагает разработку и реализацию digital-активностей, решающих любые ваши задачи».

Казалось бы, употребив в русском тексте оригинальное английское слово *digital*, автор мог бы так же в оригинале употребить слово *activities*. Либо ему пришлось бы сделать маленькое усилие: например, заглянуть в англо-русский словарь и обнаружить, что *activities* — не только *активность, деятельность*, но и *действия, мероприятия*, то есть *digital-activities* можно было бы перевести как *вычислительные действия...* или как-нибудь еще, например *цифровые методы, цифровые инструменты* (как, собственно, объясняет в приведенном тексте сам автор) и т.п.

Неопределенность чужого слова снимает с пишущего ответственность за выбор, который был бы явным в случае использования русской лексической единицы.

Употребление формы *активности* офисным работником не так удивляет, как ее использование журналистом-обозревателем, филологом: «...я была до упора загружена работой в ежедневной газете, измотана *активностями* сыновей-школьников...» (Метро. 2015. 7 окт.). В данном случае слово *активности* заменяет ряд возможных конкретизирующих слов: *занятий, затей, изобретений, шалостей* и т.п. Употребить такое слово для пишущего примерно все равно что употребить слово *птица* вместо *журавль, дерево*

вместо *ясень*... Налицо такое же равнодушие к словесному выражению мысли, конкретизации образа или действия.

Недаром журналист, автор первого приведенного нами примера, продолжает рассуждение об иных чертах современной речи как о явлениях того же порядка: «Президентский центр Б.Н. Ельцина его же устроители теперь называют *Ельцин Центр*. В *ренейминге* угадывается неповторимый стиль *креативного класса*, чувствуется рука *менеджеров*, обладающих *лидерской компетенцией*. Ельцин Центр, Гоголь Центр, чтобы подчеркнуть дружелюбность *бренда*... И, конечно, очень важен *вижуал*, который назовем для удобства *айфон-дизайном*. В оформлении *активностей* должно быть много воздуха, уйма белого. Целевая аудитория приучена: белый рояль, безусловно, *актуальнее* черного, а белый гроб, несомненно, *продвинутое* красного». В этом замечательном грустно-ироническом пассаже мы видим нарушения самого разного порядка: в норме пишется *Ельцин-центр*, *Гоголь-центр*; наглядность, визуальность здесь превратилась в *вижуал*; давно навязли в зубах *менеджер*, *бренд*, *ренейминг*; штампами стали *креативный класс*, *лидерская компетенция*, *актуальный*. В ряду этих слов закономерным становится появление жаргонного *продвинутое* и новосозданного *айфон-дизайн*.

Пестрая картина семантических смещений и стилистических смешений, неразборчивой эклектики употребления высокого и низкого, чужого и своего в самых неподходящих сочетаниях и контекстах — явление, которое давно привлекло внимание исследователей (вспомним «Словарь перестройки» В.И. Максимова), со временем не становится более гармоничной. Привыкание к нему, увы, огрубляет вкусовые рецепторы современной русской языковой личности, и, в целом, как говорят философы, не обоснованное определенными причинами и потребностями смешение противоположных черт различных систем является признаком упадка философской мысли и творчества целого общества.

По определению, данному в толковом словаре С.И. Ожегова, эклектика — неорганическое, чисто внешнее соединение внутренне несоединимых взглядов, точек зрения, методов, и, наверное, можно дополнить — языковых и речевых единиц.

Н.С. Валгина пишет о процессах, которые не успевают фиксироваться словарями: «И потому понятия “нормативное / ненормативное” часто воспринимаются нерасчлененно, и процент стихийности и субъективности в оценке и переоценке словоупотребления достаточно высок. Это чрезвычайно затрудняет нормализаторскую деятельность.

Особенно активными распространителями «нового слова» оказываются средства массовой информации, влияние которых в настоящее время не ограничено никакими рамками. Но, как писал М.Ю. Лермонтов, “многие спокойные реки начинаются шумными водопадами, а ни одна не скачет и не пенится до самого моря” («Герой нашего времени»). Язык, как и море, снимет бурлящую пену, успокоится, обогатившись свежими вливаниями».

Наверное, до моря все еще далеко...

Литература

Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учеб. пос. М.: МГУП, [6.г.].

Максимов В.И. Словарь перестройки. По материалам прессы 1985–1992 гг. СПб.: Златоуст, 1992.

О.Ю. Проничева
*Военная академия материально-технического обеспечения
им. генерала армии А.В. Хрулёва, Санкт-Петербург*

ПУБЛИЦИСТИКА НА ВОЕННУЮ ТЕМУ КАК БАЗА ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ

Ключевые слова: профессиональное общение, профессионально-ориентированный компонент обучения, публицистический текст на военную тему, язык профессии.

Ключевой задачей обучения русскому языку иностранных военнослужащих является обучение языку профессии. При этом направления подготовки (специальности), которые получают иностранные военнослужащие, весьма разнообразны. Важность профессионально-ориентированного компонента обусловлена приоритетами знаний по фундаментальным общевоенным и профильным дисциплинам как базовым для последующего обучения в военном вузе. В процессе обучения русскому языку используются учебники и учебно-методические пособия как общего профиля, так и ори-

ентированные на военные вузы. Специализированных учебников немного. Такое положение дел побуждает преподавателей, работающих в военном вузе конкретного профиля, усиливать профессиональную составляющую учебного процесса. Результатом работы в этом направлении стала разработка учебно-методического пособия «Читаем и говорим о профессии: военно-публицистические тексты в курсе РКИ», представляющего собой сборник публицистических текстов на военную тему с заданиями.

Материалом послужили публицистические тексты на военную тему за 2014–2015 годы (преимущественно тексты из газеты «Красная звезда»). Через понимание смысла текстов СМИ на профессиональную тематику, способов использования языковых единиц лица, изучающие язык, должны прийти к пониманию особенностей использования профессионального языка, способности моделировать собственные тексты.

Овладение иностранным языком профессии невозможно в отрыве от реалий жизни страны, язык которой изучается. В условиях расширения профессиональных контактов важной составляющей для военных являются также фоновые знания и представления об актуальных политических, экономических, социальных тенденциях. В этой связи публицистические тексты на военную тематику приобретают особое значение в процессе преподавания русского языка иностранным военнослужащим.

Проанализированные материалы за 2014–2015 годы позволяют говорить о следующих особенностях современной публицистики на военную тему:

- Анализ текстов 2015 года показывает увеличение объема информационного поля по сравнению с 2014 годом, что связано с расширением публицистической проблематики. Нами выделено 13 тематических групп текстов в рамках материалов за 2015 год, что на три группы больше, чем в 2014 году. Новыми стали темы «Воздушно-космические силы», «Освоение Арктики», «Парад Победы-2015». Также в 2015 году актуальны были темы: «Политическая обстановка в мире», «Великая Отечественная война», «Обеспечение Вооруженных сил РФ новой техникой», «Результаты военных учений» и др. Объектами текстов становятся и другие факты, имеющие важное социальное значение.

- Характерной чертой публицистических текстов, конечно, остается неразрывное единство информативной и воздействующей функций. Однако проанализированный материал позволяет говорить о том, что наблюдается тенденция к большей достоверности, фактологичности. Усиление информативности проявляется и в уменьшении официальности передачи информации, снижении императивности.

• Происходят изменения в реализации оценочности, очень аккуратно налагающейся на фактуальную информацию. Одно и то же событие показывается с разных сторон, что способствует его объемному представлению (например, информация о технике на платформе «Армата»). Эмоциональная тональность текстов разнообразна. Факты подаются интенсивно, но без агрессии.

Современные методики преподавания РКИ текстоцентричны. Как показывает изученный материал, публицистические тексты на военную тематику грамматикализованы, содержат большие возможности для изучения языковых единиц, обладают познавательной ценностью, служат стимулом для развития речевых умений. Следует отметить влияние языка средств массовой информации на языковые нормы, стилистические вкусы, языковую структуру в целом. В публицистических текстах рождаются новые метафоры, эвфемизмы, аббревиатуры и т.д. Наблюдается «разлад контекстного и словарного значений языковых средств» [Костомаров 2005: 196].

Использование современных публицистических текстов в качестве дополнительного учебного материала на занятиях по русскому языку помогает решить сразу несколько учебных задач.

Во-первых, материалы СМИ содержат дискуссионные вопросы, которые побуждают к обсуждению, мотивируют формулирование и выражение собственного мнения. Появляется возможность обратить внимание обучающихся на фигуры речи и способы аргументации.

Во-вторых, публикации СМИ содержат не только большое количество лексических единиц по военной тематике, но и определенные клише, новые лексические сочетания, точно выражающие достаточно сложные понятия. Моделируются соответствующие общественные настроения, отношение к армии, формируется положительный образ современных военнослужащих. Например, новое словосочетание «*вежливые люди*» с положительной коннотацией довольно быстро вошло в речь. В ближайшем будущем Министерство обороны РФ планирует выпустить правила воинского речевого этикета под таким заглавием.

Изучение профессиональных клише и устойчивых лексических сочетаний, оборотов речи имеет особое значение для иностранных военнослужащих, изучающих русский язык, так как у них нет возможности формулировать и выражать свои мысли на русском языке, откровенно калькируя обороты и выражения, типичные для родного языка. Выражения *транспортно-дорожная система, трубопроводные войска, полевая кухня,*

база комплексного хранения и многие другие чаще встречаются в профессиональных публицистических текстах, чем в учебниках.

Чтобы ускорить и упростить чтение и понимание публицистических текстов, в них употребляются повторяющиеся слова и словосочетания. Характерной особенностью лексики является большое количество общественно-политических терминов. Они составляют своего рода терминологию публицистических текстов на военную тему и способны быстро вызывать у иностранных обучающихся нужные ассоциации (*стратегия национальной безопасности, повестка дня, гонка вооружений, террористическая активность, внутренний конфликт, политическое урегулирование* и др.). Немаловажным является частое употребление интернациональных слов и неологизмов, которые легко переводятся иностранными обучающимися (*НАТО, ООН, геополитика* и др.).

В текстах используется большое количество фразеологических и идиоматических выражений или их фрагментов. Отображаемая таким образом информация о фактах, событиях значима и сама по себе, и как средство проведения определенной идеологии (*задний двор США, статус мировой мастерской, держать порох сухим, тактика «под шумок»* и др.).

Наконец, в-третьих, информация в рамках текстов на темы «Сотрудничество между странами-партнерами», «События в горячих точках», «Военные контакты» помогают пониманию общей политики РФ, формированию отношения к той или иной проблеме. Публицистические тексты позволяют развенчать некоторые мифы, например об агрессивности политики РФ (*«ШОС парирует вызовы», «Россия примет ответные меры на неограниченное развитие ЕвроПРО», «Мы не торгуем своим суверенитетом»*). Среди прилагательных, характеризующих действия РФ на международной арене и внутри страны, часто используются: *совместный, единый, правильный, продуманный, выверенный, уравновешенный, согласованный, непротиворечивый* и т.п.). Частотны словосочетания: *устойчивая работа, взаимовыгодные партнерские отношения, системные меры*.

Структура предлагаемого пособия «Читаем и говорим о профессии: военно-публицистические тексты в курсе РКИ» включает три раздела (тексты для изучающего чтения с заданиями к каждому тексту, тексты для ознакомительного чтения с общим блоком заданий и аутентичные тексты для самостоятельного чтения). Специальные задания к каждому тексту помогают иностранным военнослужащим практически овладеть военным языком, осуществлять речевое общение в реальных ситуациях в соответствии с воинским речевым этикетом, нормами, принятыми в данном сообществе.

Предлагаемые в пособии типы заданий позволяют развивать коммуникативные умения, наращивая при этом профессиональный лексический запас и расширяя представления о профессиональном общении. В систему заданий включены краткий пересказ, формулирование основной идеи статьи, аргументация различных точек зрения по предложенным текстам, письменные задания.

Методические подходы расширены риторическим практикумом. Предлагаются ролевые игры (пресс-конференция, интервью и др.). Лексический материал прорабатывается и осваивается на фоне возможности обсуждать текущие, современные проблемы профессионального сообщества, пути их решения, сравнивать тенденции развития ВС РФ с тенденциями в своей стране. Для расширения спектра тем для обсуждения предлагается также сравнить и соотнести факты, мнения, ситуации, рассматриваемые в текстах, с материалами СМИ на родном языке (обучаемым дается задание найти материалы по соответствующей тематике в СМИ на родном языке и подготовить краткие сообщения по ним).

Количественно-качественный анализ лексики проанализированных текстов выявил большой процент собственных имен (топонимов, антропонимов, названий учреждений и организаций и т.д.). Часть из них являются неологизмами, их понимание может вызывать трудности, некоторые аббревиатуры еще не нашли отражения в словарях, поскольку новые понятия возникают прежде всего в связи с быстротечностью политических событий, развитием военной науки и техники. Появляются новые политические организации, новые виды современного оружия. Их названия претерпевают сокращение (*ВКС — воздушно-космические силы, ШОС, БРИКС, КСОР — коллективные силы опережающего реагирования, ОДКБ — Организация Договора о коллективной безопасности*). Сокращения, давно вошедшие в употребление, не объясняются в тексте; новые аббревиатуры расшифровываются.

В некоторых неологизмах наблюдается четкая повторяемость одного компонента, которая дает возможность проследить зависимость между значением части слова и общим значением слова на материале профессиональной лексики. Обучающиеся понимают, что часто можно прогнозировать значение (или область распространения значения) каждого нового, образованного по данной модели слова (*квadroцикл, кварта, квартал*).

Язык публицистических текстов, безусловно, обладает спецификой, отличающей его от языка других функциональных стилей, художественной литературы, от бытовой разговорной речи. Это является следствием отбора

языковых средств, наиболее соответствующих тому назначению, которое выполняют тексты. Это в полной мере относится и к текстам на военную тематику. В силу своей насыщенности языковыми единицами тексты становятся серьезным дополнением при изучении грамматических тем. Среди характерных для современной публицистики языковых и речевых явлений можно назвать следующие:

- высокий по сравнению с другими стилями процент числительных и вообще слов, относящихся к лексико-грамматическому полю множественности, обилие дат;
- название реалий, свойственных нашей стране, для понимания которых необходимо знание экстралингвистических факторов, например *Арктика*, *арктическая зона*;
- высокая частотность отглагольных существительных;
- ряды однородных членов;
- неполные синтаксические конструкции;
- риторические вопросы и др.

Таким образом, публицистические тексты, предлагаемые в пособии «Читаем и говорим о профессии: военно-публицистические тексты в курсе РКИ», знакомят с актуальной профессиональной информацией, процессами, происходящими в обществе, используются в качестве материала для изучения грамматических тем, работы над развитием коммуникативных навыков и формирования профессиональной языковой компетенции.

На занятиях язык реально становится не объектом изучения, а средством общения. Военнослужащие понимают, что успешность профессионального общения во многом зависит от способностей общающихся использовать речевые единицы адекватно задачам. Процесс коммуникации, позволяющий активно применять полученные знания, выходит на первый план.

Литература

Костомаров В.Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005. 287 с.

РУССКИЙ ЯЗЫК ЗАРУБЕЖЬЯ И ТИПОЛОГИЯ ТЕКСТА (на примере жанра рецензии в современных сетевых эмигрантских журналах)¹

Ключевые слова: норма текста, тип текста, рецензия, язык русского зарубежья, diaspora studies.

Русский язык зарубежья, существующий в различных функционально-жанровых разновидностях, в век Интернета обрел новую сетевую форму и утратил четкие географические границы. В связи с этим возникают закономерные вопросы:

- Какое воздействие оказывает Интернет на функционирование русского языка в «рассеянии»?
- Что способствует «самостоятельности» языковых проявлений за пределами метрополии?
- Становится ли русский язык зарубежья в границах жанра самостоятельной ипостасью национального языка?

Для ответа на эти вопросы следует обратиться к письменным, а не к устным источникам языкового наследия русской эмиграции (последние «имеют более заметную национальную окрашенность, чем книжно-письменные» [Домашнев 2005: 47], и поэтому легче обнаруживают свою специфику), рассмотреть их с позиции не только языковой, но и текстовой нормы (см. подробнее: [Реброва 2013a]), с учетом исследований diaspora studies [Прохорова 2014: 13] и функциональной социолингвистики, позволяющей принять во внимание «“общественный вес” той или иной социальной группы, ее престиж в социуме, ее культурный уровень» [Крысин 2011: 5].

Социальная группа российская интеллигенция, «со всеми ее достоинствами и недостатками, есть прямой плод деятельности русской литературы и журналистики, прежде всего “толстых журналов”» [Лакшин 1994: 107]. Для того чтобы проследить связь данного социума с эмигрантскими изданиями подобного рода, в качестве **материала для анализа** были выбраны литературные сетевые журналы:

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ (проект № 13-04-00439 «Типология текста: от составляющих к динамике их взаимодействия»).

• «Зарубежные записки» (ФРГ, Россия, с 2013 года; до 2009 года — только ФРГ, источник важен для сопоставительного рассмотрения, в настоящее время является совместным изданием метрополии и диаспоры);

• «Эмигрантская лира» (Бельгия, издается с 2013 года).

Кроме того, были проанализированы примеры других изданий эмиграции, которые здесь не приводятся, но свидетельствуют об общих тенденциях, происходящих в языке. Заметим, что рассмотренные материалы имеют и печатную версию, с которой большинство читателей незнакомо, так как ее получение возможно только после специального обращения в редакцию (кроме того, сами читатели перед собой такой задачи не ставят).

Цель статьи — рассмотреть особенности русского языка зарубежья на примере рецензии с учетом представления жанра в Интернете, структурно-содержательных жанровых компонентов и фактора адресата.

Рецензия в «толстом» журнале — это жанр, имеющий гипертему, допускающий определенную степень свободы и включающий в свою денотативную основу следующие обязательные содержательно-текстовые жанрообразующие компоненты:

• автор книги — название книги — место издания — название издательства — год издания (в большинстве случаев информация заголовка);

• тема рецензии;

• пересказ содержания, сюжета;

• оценка художественных достоинств книги и таланта ее автора.

Текст рецензии представляет собой соединение информации (факта о вышедшей книге) и оценки (интерпретации). Обзор литературы и подходы к жанру рецензии см.: [Реброва 2013б].

Далее остановимся только на первом и последнем жанрообразующих компонентах (см. выше). Заголовок в «Эмигрантской лире» представлен следующим репертуаром структурно-содержательных единиц: рубрики — автор рецензии — название рецензии — автор книги — название книги, место издания, название издательства и год издания — количество страниц. Ниже сохраняем текстовую норму сетевого «толстого» журнала с его традиционными рубриками и ссылкой 1 (см. ниже):

Поэтическая критика

В поле зрения «Эмигрантской лиры»

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ 2013–2015 ГОДОВ

Даниил Чкония (Германия)¹

Нестроевые стихи Винонена

Роберт Винонен. Синие сумерки SUOMI. — Москва: Кругъ, 2013. — 120 с. <...> [Чкония 2015].

Автор Даниил Чкония указан в начале текста рецензии, далее в скобках сообщается страна проживания рецензента, что является обязательной информацией для большинства печатных изданий русской эмиграции разных волн (см., например, сайт «Нового журнала», старейшего издания эмиграции: <http://magazines.russ.ru>). Кроме того, критик дает тексту свое собственное заглавие, что не является обязательным компонентом и становится знаком идиостиля. Другие обязательные структурно-содержательные составляющие заголовка могут быть представлены на языковом уровне цепочкой топонимов: *Германия — SUOMI — М. (Москва)*. В эмигрантском издании эти языковые единицы расширяют свое значение и обнаруживают импликации, которые выявляются при учете фактора адресата. При восприятии этого компонента в режиме онлайн читатель рецензии, знакомясь с книгой бывшего соотечественника, эмигрировавшего в Финляндию, перемещающегося «между Москвой и Тбилиси» и рассказывающего, по мнению критика, о своей любви к России, «русскому языку и русской речи», может погружаться в текст на экране своего компьютера и находиться в любой точке земного шара. Адресат текста может быть как жителем метрополии, так и диаспоры. Топонимы в составе заголовка раздвигают географические границы, расширяют диалог «рецензент — автор книги — читатель», формируют эмоциональную оценку (эмоциональное отношение к местам, названным топонимами) благодаря оппозиции «латиница/кириллица» и гипертекстовым включениям.

В нашем примере элементом гипертекста служит концевая сноска: «¹Информация об авторе опубликована в разделе “Редакция”». По этой ссылке читатель может не только перейти в указанный раздел, но и при желании обратиться к другим произведениям Даниила Чконии, проанализировать тексты о поэте, созданные иными рецензентами, а также обратиться к произведениям самого Роберта Винонена, которые размещены в Сети. Следовательно, гипертекстовые возможности Интернета позволяют адресату рецензии расширить содержательную сторону целого текста уже на уровне сильной позиции текста — заголовочного компонента. Отметим, что гипертекст, его проявление в языке и в структуре жанра не являются особенностью только эмигрантского издания. См., например, другие рецензии в «толстых» журналах, размещенных в Сети: <http://magazines.russ.ru>.

Таким образом, уже заголовочный компонент демонстрирует два языковых среза:

- функционирование языковых средств, выраженных жестким набором единиц, которые, тем не менее, приобретают особые свойства благодаря се-

тевому формату и сохраняют традиции эмигрантского издания (не только сетевого);

- функционирование языковых средств, имеющих гибкую структуру реализации в текстовом компоненте и оказывающих влияние на содержание жанра под воздействием Интернета (особое расположение рубрик и текста); о жесткой и гибкой структуре см.: [Китайгородская, Розанова 2010].

Рассмотрим оценочный компонент рецензии в «Зарубежных записках» (номер 4, см. выше). Российский критик Александр Карпенко анализирует книгу «Русский феминизм» Светланы Храмовой, проживающей в Германии: «У Светланы Храмовой в романе большое количество словно бы отдельных сюжетов, по каждому из которых можно снимать фильм (писать эссе или стихи). Неизбывное чувство юмора! Замечательный язык! Множество острот. Ирония и самоирония! Форма романа идеальна для направления “потока сознания”. В романе Светланы Храмовой сюжет наличествует, но, по воле автора, беспрестанно то появляется, то опять исчезает. Это роман-эссе, жанр, заложенный еще ранней прозой Рильке. ... Это женская проза с неожиданным хэппи-эндом. Такую книгу сложно читать порционно, не захлеб. Захватывает».

Структурно-содержательный компонент содержит традиционные клишированные конструкции: *сюжет наличествует, форма романа идеальна для...* Кроме того, в нем отражается употребление заимствований, не характерных для данного жанра: *неожиданным хэппи-эндом*. Такие примеры есть и в других жанрообразующих компонентах, которые здесь подробно не рассматриваются, например в «пересказе содержания»: *занимается лайф-коучингом (life-coaching); коучинг не способен спасти человека*. Заимствования, как правило, отражают реалии эмигрантской жизни, а также совсем не употребляются или активно не употребляются в языке метрополии.

Оценка, облигаторная для данного компонента, эксплицирована на языковом уровне прилагательными с обще- и частнооценочным значением в форме *de re* [Вольф 2002]: *замечательный язык, неизбывное чувство юмора*. В то же время здесь встречаются конструкции разговорного синтаксиса, не характерные для этого жанра и нарушающие жесткую текстовую норму на уровне:

- актуального членения предложения, порядка слов: *У Светланы Храмовой в романе большое количество...*;
- восклицательных номинативных конструкций, передающих эмоциональную оценку рецензента: *Ирония и самоирония!*;

- парцелированных конструкций: *Такую книгу сложно читать порционно, не захлеб. Захватывает.*

Эти конструкции направлены на разговор с адресатом, их наличие доказывает, что «толстые» журналы ориентируются на доверительный диалог со своим читателем.

«Устность» рассмотренного жанрового компонента свидетельствует о зарождающейся тенденции более свободного использования языковых средств в границах жесткой структуры жанра. Эта тенденция вписывается в общие языковые процессы, происходящие в современном русском языке метрополии (в том числе его письменной разновидности) также под влиянием интернет-коммуникации, и не может быть отнесена только к языку русского зарубежья (подробнее см.: [Мечковская 2006]).

Положительная оценка творчества Светланы Храмовой создается и на уровне пропозиции. Диктумное содержание может наращивать свое значение за счет включения в текст прецедентных имен, которые в составе целого расширяют свои коннотации, формируют положительную оценку рецензируемого романа и подчеркивают мастерство его автора: *В романе Светланы Храмовой сюжет наличествует, но, по воле автора, беспрестанно то появляется, то опять исчезает. Это роман-эссе, жанр, заложенный еще ранней прозой Рильке.* Критик упоминает в других структурно-содержательных компонентах рецензии имена *Лермонтов, Маяковский, Марина Цветаева, Жан-Поль Сартр, Каллас, Алла Пугачева* и др., а также называет следующие прецедентные тексты: *«Герой нашего времени», «Мастер и Маргарита», «Эй, вы там наверху»* и др. Аппеляция к этим именам и текстам формирует импликации, очерчивает круг общих знаний не только Светланы Храмовой, Александра Карпенко, но и читателя, представителя конкретного социума.

Итак, анализ русского языка зарубежья дает возможность (на примере конкретного жанра) сделать вывод о том, что виртуальное пространство воздействует на языковое наполнение рецензии, на элементы жесткой жанровой структуры, способствует проникновению конструкций устной речи в текст. Языковые изменения, гипертекстовые включения, возникшие под влиянием интернет-коммуникации, не отличаются от аналогичных проявлений в языке метрополии, не переводят русский язык зарубежья в разряд самостоятельной страты, глобально не затрагивают структурно-содержательных компонентов жанра рецензии.

Форма самостоятельного функционирования русского языка зарубежья обнаруживает себя в тексте рецензии в «чуждых» эмигрантских заимствованиях, отражающих жизнь диаспоры. На самостоятельную форму бытова-

ния языка за пределами России влияет традиция эмигрантского журнала, вобравшая все волны эмиграции и не зависящая от сетевой коммуникации. Традиционное для эмигрантских рецензий упоминание страны проживания критика, писателя, указание на место выхода книги в свет может приобретать эмоциональную оценку в диалоге «рецензент — автор книги — читатель» при восприятии топонимов в заголовке. Оценка зависит от фактора адресата, от нахождения участников диалога в конкретном географическом пространстве в данный момент времени, их социального статуса «эмигрант/неэмигрант».

Несмотря на наличие определенных изменений, язык рецензии отражает общие мировоззренческие установки и оценки в сознании социальной группы, традиционно группирующейся вокруг «толстых» журналов и сохраняющей особое эмоциональное отношение к изданию этого типа даже за пределами метрополии. Взаимопонимание представителей диаспоры обеспечивают базовые компоненты жанра, которые, в свою очередь, содержат штрихи к портрету российской интеллигенции в России и за ее пределами.

Литература

Домашнев А.И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах // Труды по германскому языкознанию и социолингвистике. СПб.: Наука, 2005. 1114 с.
Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд., испр. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.

Журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/>.

Карпенко А. [Рец.] Храмова С. «Русский феминизм». USA: Franc-Tireur, 2014 // За-рубежные записки, Россия-Дортмунд, 2015. № 28. URL: <http://z-zapiski.ru/publication.php?id=13520> (дата обращения: 10.10.2015).

Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы. М.: Языки славянских культур, 2010. 496 с. (Studia philologica).

Крысин Л.П. Вариантивность нормы как естественное свойство литературного языка // Известия РАН. Сер. литер. и яз. 2011. Т. 70, № 4. С. 3–8.

Лакшин В.Я. Феномен «толстого» журнала в России как явление национальной культуры // Лакшин В.Я. Берега культуры. М.: МИРОС, 1994. С. 104–111.

Мечковская Н.Б. Естественный язык и метаязыковая рефлексия в век Интернета // Русский язык в научном освещении. 2006. № 2 (12). С. 165–185.

Прохорова И.Д. Диаспорическое воображение и культурная идентичность: Специальный выпуск «Антропология диаспоры: культурные механизмы конструирования идентичности» // НЛО. Теория и история литературы, критика и библиография. 2014. № 127. С. 5–20.

Реброва И.В. Рецензия как жанр: денотативная основа и речевая норма (на материале периодических изданий русского зарубежья первой и последней волны) // Язык, литература, культура. Актуальные проблемы изучения и преподавания: Сб.

науч. и науч.-метод. ст. / Редкол.: Л.П. Клобукова, Л.А. Дунаева и др. М.: МАКС Пресс, 2013б. Вып. 9. С. 67-78.

Реброва И.В. Язык русского зарубежья и норма текста: к постановке проблемы (на материале литературной критики различных волн эмиграции) // Problems of Contact Linguistics and Slavic Linguistics = Актуальные проблемы контактной лингвистики и славянского языкознания. Riga: Latvijas Universitate, 2013а. С. 105–118.

Чккония Д. [Рец.] Винонен Р. Синие сумерки SUOMI. Москва: Кружок, 2013. 120 с. Винонен Р. Муравейник // Эмигрантская лира. Бельгия. 2015. № 3. URL: <https://sites.google.com/site/emliramagazine/avtory/chkconia-daniil/chkconia-daniil-2015-3-1> (дата обращения: 10.10.2015).

Т.Д. Романцова

Иркутский государственный университет, Иркутск

ОБУЧЕНИЕ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ В СИБИРСКОМ ВУЗЕ С УЧЕТОМ ЯЗЫКОВОЙ СПЕЦИФИКИ ТЕРРИТОРИИ

Ключевые слова: сибирская лексикография, социокультурный компонент обучения, страноведение, языковая культура Сибири.

Стремление как можно лучше изучить язык, глубже проникнуть в суть речевых нюансов нового для себя лингвистического пространства одновременно порождает у иностранных учащихся желание узнать не только культуру и историю страны изучаемого языка в целом, но и культуру, историю конкретной местности. Студенту хочется больше узнать о традициях и быте народа, живущего на локальной территории, которая на определенное время становится местом его собственного проживания. Знакомясь со значимым для русских людей культурным и национальным кодом, с традиционными верованиями и обрядами, с историческими событиями государственного масштаба, иностранец неминуемо обращает внимание на местные отличия в интерпретации историко-культурных параллелей, на исторические детали, связанные со спецификой края, на местные речевые особенности носителей языка.

Погрузить иностранных студентов, обучающихся в вузах Восточной Сибири, в лингвокультурный региональный контекст поможет уникальный

лексикографический источник — «Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири» Галины Витальевны Афанасьевой-Медведевой. Двадцатитомный словарь начал свой путь в 2006 году в Санкт-Петербурге, в издательстве «Наука». Сегодня он выходит в свет в Иркутске, по прежнему под научным патронатом Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Института лингвистических исследований РАН, Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Научная ценность лексикографического источника состоит в том, что значение каждого слова иллюстрирует связный текст — произведение устной народной прозы. Тексты собраны по принципу художественных достоинств и информационной насыщенности (культурно-исторической, фольклорно-этнографической). Они приведены с передачей основных диалектных особенностей речи сибиряков (ударные гласные, долгие твердые шипящие, ассимилятивные и диссимилятивные процессы между согласными, упрощение групп согласных, стяжения).

Оставаясь в русле уже сложившейся методики преподавания русского языка как иностранного, словарь позволяет использовать наглядные материалы: в нем транслируется уникальный видеоряд, сопровождающий предания, легенды, былички. На цветных фотографиях издания — мастера народного слова, предметы быта, фрагменты традиционной архитектуры, виды селений, домов, интерьеров, местного ландшафта.

Кроме того, на уроках, посвященных темам, интересным с точки зрения истории, лингвистики, краеведения, народной культуры и обрядовости, можно использовать образцы живой речи (словарь снабжен компакт-дисками с видеоматериалами). На электронные приложения записаны фрагменты устных новелл в момент их естественного бытования. Видеозаписи дают представление о характере исполнения, голосе рассказчика, его интонации, тембре, ритме и других особенностях звучащей речи старожилы.

Тезисно перечислим культурно-воспитательные и учебно-образовательные функции, которые может выполнить «Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири» Г.В. Афанасьевой-Медведевой на продвинутом этапе освоения учащимися русского языка как иностранного:

- Обрисовать более широкий исторический фон развития государства (рассказы записаны от информантов, родившихся зачастую еще в начале XX в.), представить бытовые исторические подробности. Например, основой словарной статьи «Воспитальник (учитель, воспитатель)» стал рассказ, записанный в 2003 году в поселке Чунский Чунского района Иркутской области от Терентия Николаевича Смолина, 1927 года рождения:

Раньше знашь каки учителя, воспитальники-то были! Это не счас. Раньше в школе ставили на горох. Да-а! На горох! Вот провинился, уроки не сделал или не ответил... <...> А школа, свету не было, а был... лампа с пузырем была, керасиновая... <...> Так вот, тёмно не тёмно, не сделал уроки — становись иди сюда. К доске встал сюда. Насыпает гороху или гречухи... <...> Встанешь, а постой-ка час на коленках! Как они впиваются туда... <...> Доска стоит, рядом с доской вот так поставят тебя, не в угол, а прямо у доски так, подальше, чтобы не мешать. Другой ученик подходит, на доске пишет, ты сидишь на коленках. Лицом к классу. На тебя смотрит весь класс, и ты смотришь на их... <...> Не ответил, значит, будешь сидеть до тех пор, пока ты не выучишь. До двенадцати часов ночи будет гореть лампа, и будешь сидеть.

- Продемонстрировать разножанровую картину устной народной речи: рассказы, предания, легенды, былички, бывальщины, считалки, частушки, лирические и обрядовые песни, сказки, пословицы и поговорки, заговоры и т.д.

- Показать богатство русского национального языка на разных его уровнях. Возьмем только один иллюстративный пример, на котором можно убедиться в фонетическом, словообразовательном, лексическом, морфологическом, синтаксическом своеобразии речи старожилов:

А жать пойдёшь — колоски-то с рук не падали. Не дай Бог упавшим-то быть. Ето щас неработени влётотку живут. А раньше-то как? Жнёшь. Ах ти, мнеченьки! Жнёшь, а за нам старичок с метрой идёт. Мерил. Где колосок увидит на одном метре, замерит, он тебе трудодень не зачислит... <...> И бегашь, где колосок бы не потеряла, волоть. А щас чё? Ленточка не скошена остаётся — её не докашивают, а запаховают. Грех! Ой, грех! Дисциплину-то всю потеряли (Наталья Степановна Томшина, 1901 г. р., д. Коношаново Жигаловского р-на Иркутской обл.).

- Дать возможность строить диахронические языковые параллели, по-новому смотреть на историю развития некоторых языковых единиц и форм. Например, можно сопоставить активность произносительных сочтаний *чи-шин* в литературном языке и в говорах:

Дрова пилили всем колхозом... <...> Я по двадцать два, по двадцать три дня ходила в дроворуб. Тебе-мене-товарищ... <...> Ну, это так называлось. “Дружкой” такой поперёшной (Аграфена Са-

зоновна Жданова, 1914 г. р., д. Верхне-Калинино Катангского р-на Иркутской обл.);

Поминки когда отводят покойнику, в чуман накладывают шаньги крупьяны там и картошешны ли (Анна Георгиевна Инёшина, 1918 г. р., с. Нэпа Катангского р-на Иркутской обл.).

- На этапе ознакомления со стилистическим потенциалом языка составить более полное и глубокое представление о русском национальном языке как гармоничной, но сложной, многоуровневой и многокомпонентной системе. Например, к сведениям из учебной литературы о народно-разговорном пласте русского национального языка, о языковых характеристиках и особенностях формирования территориальных жаргонов (диалектов) резонно подключить информацию из сопроводительной статьи «Краткая характеристика говоров русского старожилго населения Байкальской Сибири» первого тома словаря [Афанасьева-Медведева 2006: 45–60].

- Осознать, что русский язык — живой, мощный и подвижный коммуникативный механизм, не лишенный территориальных различий, способный дать возможность носителю языка данной территории отличаться от других говорящих, оставаясь при этом в рамках национального языкового и культурного кода. Так, словарь хранит приметы доброго отношения друг к другу в среде сибиряков, использующих разные говоры:

Я с Котою же, а там у нас говор — на «ще» говорят, «ще»: а щё, пощему. Вот, мы же вот так говорим. Ну и вот. А на свадьбе когда гуляли, а на блин-то там кто копейки подаёт, кто чё, а тут евонный же братан вот так пирог с черёмухой подцепил да: «На! И будешь ты у нас Черёмуха». Пирог с черёмухой подал. Ну, я не сержусь: он всем так делал. В глаза никто не скажет, а по заглазью говорит. Дак так ешшо не найдут, не прозвишша не знамши, раньше-то ешшо и без прозвишшей ешшо и не знают по фамилии-то (Клавдия Константиновна Грудина, 1928 г.р., с. Альбитуй Красночикоийского р-на Читинской обл.).

- Получить интересные исторические и культурологические сведения, в частности о характере, быте, обрядности сибирских старожилов, об особенностях их контактов с разными народами и народностями региона:

А потом эта Шура взамуж вышла, в Неруткане жила. И в Неруткане мужик-то поумер у ей. И до смерти дожила с авенам, среди авенов. Одна руцкая. Ей восемьдесят с лишним было, она умерла. Она и язык их знала, разговаривала по-авенски. Все обычаи авенские. Дак она, знает, как воспаленне глаз лечила? Вот возьмёт иголочку

с кедры, выжмет с её сок, и капельку в глаз закапат. И всё прошло» (Октябрина Иннокентьевна Сафонова, 1936 г. р., с. Карам Казачинско-Ленского р-на Иркутской обл.);

«Дом большой, и все вот заезжали к нам. Цыганы тут приезжали раньше вот на повозках, на конях, кибитки у них были. Ребятишки рождаются у них, оне их по снегу катают. Голых! Это чё-то у них поверье такое было. Тунгусы на оленях приезжали. Олени-то какие красавицы! Вот оне едут, запрягут их, три идёт олень. Ой-ой-ой! Олочи из половинчатой ровдуги, рукавицы привозили, всё это. Потом мясо продавали тут, возили, и рыбу продавали. Но оне у них из оленех эти были сшиты полушубки таки — парки, шапки из оленех, рукавицы вот таки же, в унтах. Краси-и-иво! Счас-то не увидишь таких. В упряжке три олень. По три (Клара Романовна Саженова, 1939 г.р., с. Карам Казачинско-Ленского р-на Иркутской обл.).

- Узнать о нюансах российской истории не только из вузовских учебников и научных монографий, но из живых и достоверных рассказов старожилов, прошедших через горнило времени:

Потом в Маньчжурию забрали. Против японца поставили. Там тоже мурцовку хватил. Голо-о-д, поешь — губы слипаются, пойдёшь — ноги подгибаются. Солдаты, что былинки были, худы <...> Много умерло солдат. Не от пули. От глаза мёрли. И не хоронили. Какой хоронить. Где? В мороз вынесут, к забору приставят, как колоду. Накопят колод шесть-семь, на телегу погрузят и в яму свезут. И оплакать некому. Так безобразно и уходил народ (Федор Иванович Лоншаков, 1900 г. р., с. Верхние Куларки Сретенского р-на Читинской обл.).

- Добавить интересные сведения о русском быте и сибирских диалектах в темы по изучению русского фольклора и народно-календарной обрядовости. Например, можно включить колоритные примеры из словаря говоров в учебный материал о фразеологическом потенциале русского языка:

Мама у нас родилася в Аксиныю-полукурмицу. Старики говорили, что это плохой день. Ломота замучит, болезни. А она никогда не болела, никакой ломоты, ничё. И не сидела никогда. Всё быстро делала, как с огня рвала. И гостей любила принимать, петь, плясать. Придут, она стол направит, сидят, гуляют, она: «Ой, чё! Рюмка — воробячий глаз! Пейте». Рюмка маленька — воробячий глаз

(Анна Михайловна Зарубина, 1930 г. р., с. Кеуль Усть-Илимского р-на Иркутской обл.).

Или дополнить словарными иллюстрациями разговор о старинных народных обрядах:

Троицу берёзки завивали, ага. Ой, лес, березку завиваем! Там костёр разожгут, печёнок наложат, яичек наварят, всё это потом едят, угощаются. Круг берёзки песни поют там, короводятся, вот так-от было. Ну, чё, малыньки тоже бегали, встречали. В березник пойдём, где вот, там, в Жигаловой, недалёко был березник. Потом все соберёмся, ребятишки-то. И костёр разожгём там круг берёзки. А тогда веселее было жить. У нас Алексей-то был гармонист, баянист, брат-то, всю дорогу баянил. Дак у нас по улице было... лавочки. Метров по десять, наверно, три ли четыре лавки. Он играл, гармонист-то был. Все собирались там — танцы, песни, игры. И в Троицу, и в Паску (Надежда Ивановна Тетерина, 1936 г. р., с. Ермаки Казачинско-Ленского р-на Иркутской обл.);

Праздновали мы раньше праздник Ивана Купала. Ставили ёлку, наряжали её цветами полевыми и бересту вешали на эту ёлку. Бегали мы вокруг этой ёлки с палками. На палки надевали берестечко, ну, берёсто, зажигали, ну и бегали вокруг этой ёлки, пели песню: «На Иван Купала Купалася ласточка, Купалася, замочилася, На бережочку сушилася». Много нас было детей, бегали круг ёлки, долго играли. Парни брали вёдра с водою и нас разгоняли, водою обливали. Мы бегали по домам. Это было вечером, вечером, ёлку же запаливали вечером. Эту ёлку брали потом, когда она уже всё как есть прогорит, брали потом и тянули её в болото или ключ и туда её бросали, эту елку. Годов нам было по тринадцать-четырнадцать (Ольга Ивановна Дерунова, 1933 г. р., с. Никитаево Тулунского р-на Иркутской обл.).

Словарь может нарисовать картину быта и культуры народов, населяющих Сибирь:

На Чечуй-речке-то. Смотрим: медведь идёт по пабереге... <...> Потом смотрим: откуда ни возьмись авенка. Идёт к нему стречу. Сейчас, думаем, он её задавит... <...> Туды переплывам, смотрим: она уж на медведе сидит, авенка. Спромышляла его. Ножом. Потом говорила, она его следила, медведя этого... <...> Вот когда он на дыбы всплыват, она бросат ему шар с иглами. Он же всё хватат на себя, у него же привычка. Что ему ни кинешь, он всё хватат. Ну

и он схватил шар этот, а на нём же иглы такие жалезны, с зазубринами. Он схватил и лапы просадил. И обратно-то не может. Больно! Ну и она к нему прыжком. С ножом. И брюхо вспарывает снизу вверх. У неё нож. Вот такой длины косарь. В сердце под левый бок. И всё. Надо место знать, куда ткнуть ему. Она же природный охотник, авенки-то (Иван Ермолович Потапов, 1928 г. р., с. Нижне-мартыново Казачинско-Ленского р-на Иркутской обл.).

• Дать представление о красоте, эмоциональности, экспрессивности и образности русского диалектного слова:

Раньше ягоды собирать, это Боже упаси, чтоб без время когда-то собирали. О-о-о! Не-е-е! Ты что?! Воспрета была. В деревне там черёмухи было, черёмуха, вся деревня в черёмухе утопала. Как весна начнется, аж надышаться не можешь! Цветёт, всё в цветах везде, птицы поют, всё поёт везде! Ягоды собирать — всё, пока время не подойдёт. Список висит: бруснику такого-то числа, черёмуху такого-то числа собирать. Попробуй пойдти! Поймают, тебя со шкурой сдерут! В огородах черёмуха росла, и не собирали, пока срок не подойдёт. Всё по срокам было. Каждой ягоде свой бой!» (Ефим Иннокентьевич Зарубин, 1942 г. р., с. Ершово Усть-Илимского р-на Иркутской обл.).

Таким образом, преподавание русского языка как иностранного с учетом культурно-языковой специфики территории, на которой происходит обучение, представляется перспективным для углубления знаний о российской этнокультуре, русской языковой картине мира, многомерности русского национального языка.

Литература

Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: В 20 т. / Отв. ред. Ф.П. Сороколетов; Институт лингвистических исследований РАН. СПб.: Наука, 2006. Т. 1. 576 с.: илл.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ ЯЗЫКАМ С УЧЕТОМ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА СОВРЕМЕННОГО УЧАЩЕГОСЯ

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, методика преподавания, новые образовательные технологии, русский язык как иностранный.

Мы живем в удивительное время — время, когда, как сказал более века назад В.И. Ленин, «низы не хотят по-старому, а верхи не могут по-новому» («Маевка революционного пролетариата», 1913). Он говорил это о предреволюционной ситуации в царской России. Мы же цитируем его применительно к ситуации в образовании, сложившейся ко второму десятилетию XXI века. Возникновение и стремительное развитие интернет-технологий, быстрый переход от традиционных способов подачи материала, к которым относится книга, к информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ), включающим в себя разнообразные виды обучения: дистанционное, электронное, мобильное, смешанное, открытый класс; активное включение людей третьего возраста (а попросту говоря, пенсионеров) в обучение, возникновение понятия «образование длиною в жизнь», внедрение технологий Web 2.0 в образование, использование нейронаук в обучении и образовании — это все лишь краткое перечисление того, с чем пришлось столкнуться людям за последнее десятилетие. Прибавьте к этому смену общественной парадигмы, начало шестой информационной революции, глобализацию, утрату связи между поколениями, уменьшение срока между появлением этих поколений (вместо традиционных 20–25 лет этот разрыв сокращается до 10, а иногда и до 5–7 лет). Есть о чем задуматься! Как понять своих учеников? Почему не стоит их обвинять в нежелании учиться? Можно ли что-нибудь сделать для того, чтобы обучение не было похоже на мучение не только для учащихся, но и для учителей? Стоит ли вообще пытаться что-либо менять в образова-

нии, а, может, лучше поменять все и сразу? На эти вопросы нельзя ответить однозначно, но можно порассуждать.

Новое время предъявляет нам новые требования. Считается, что переходный период существует на границе двух культур и конфликтующих технологий. По словам Маршалла Маклюэна, «сегодня мы переживаем столь интенсивный рост числа технологических нововведений в нашем обществе и, кроме того, становимся свидетелями происходящего в других культурах, что только вследствие величайшей невнимательности можно упустить из виду роль новых средств информации в процессе трансформации состояния наших чувств и отношений между ними» [Маклюэн 2015: 34]. В образовательном процессе эта ситуация отражается в большом и зачастую кривом зеркале, так как тут вступает в противоречие не только разрыв поколений между учителем и учеником, но и уровень владения средствами ИКТ.

Многие футурологи говорят о том, что в XXI веке на смену промышленной, научно-технической и информационной революции придет духовно-психологическая, а сама эволюция человечества будет в перспективе разворачиваться именно в духовно-психологическом измерении жизнедеятельности. Радикальная социокультурная трансформация приводит к резкому размыванию и смене прежних оснований самоидентификации многих социальных групп. Это порождает социальную анемию — потерю идеалов и жизненных ориентиров. Поэтому образовательной системе так сложно выполнять сегодня свою адаптивно-стабилизирующую функцию: ее традиционный механизм передачи социокультурных норм в условиях их резкой смены становится малоэффективным [Мирошниченко 2011: 37].

Павел Дуров, основатель соцсети «ВКонтакте», говорит следующее: «Человечество отличается от других видов тем, что способно передавать информацию следующему поколению. Однако, судя по катящейся в пропасть системе среднего образования, мы практически разучились это делать. В XXI веке будет создана новая парадигма образования, имеющая мало общего с текущей. Современные средние школы были задуманы в уходящую индустриальную эпоху. Они организованы по образу фабрик, с характерными для заводов звонками, сменами и строгим цеховым разделением. К детям эта система относится как к сырью для изготовления будущих рабочих и клерков. Распределение детей на классы происходит на основе возраста, словно главная характеристика людей для системы — дата их изготовления. В течение многих десятилетий такая фабричная модель помогала создавать столь нужные развитым странам армии рабочих и их начальников» [Дуров [б.г.]].

С учетом крупнейших научных открытий XX века суть новой образовательной парадигмы сводится к тому, что системы «Учитель» и «Ученик» и вся система образования не могут развиваться, если они с самого начала не мыслятся как открытые. Признание этой парадигмы сближает внутренний и внешний миры и является важнейшим культурным феноменом, преодолевающим ограниченность принципиально разных моделей интерпретации действительности — интеллектуально-сциентистской и гуманитарно-эстетической.

Многие из педагогов, в первую очередь школьные учителя, замечают, что у учеников тяжело формируются причинно-следственные связи, им трудно понять логические задачи, почти не функционирует долговременная память. Некоторые педагоги принимают это за нежелание учиться, лень и даже саботаж со стороны учеников. Но это не вполне верно. По последним данным британских психологов, такие внешние признаки, как рассеянность, невозможность сконцентрироваться на одном материале больше 5–7 минут, гиперактивность, быстрая утомляемость, являются типичной характеристикой поколения школьников, подверженных гаджетизации. Обычно к этому поколению относятся дети, родившиеся в эпоху повсеместного распространения не только домашних компьютеров, но и мобильных телефонов, а также быстро пришедших им на смену смартфонов. Стремление к уменьшению объема подаваемой и, соответственно, принимаемой информации — это повсеместная тенденция у нового поколения. Не в последнюю очередь она обусловлена и тем, что объем памяти у подростков уменьшился в буквальном смысле. Для них главное — не запомнить информацию и впоследствии верно ее воспроизвести, а суметь за короткий срок найти из сотен тысяч проиндексированных сайтов нужный или максимально соответствующий запросу.

Смена моделей обучения влечет за собой и смену способов подачи образовательного материала. Подобно тому как печатные материалы и технические средства массовой коммуникации привели к гигантскому расширению возможностей человеческого познания, фиксации и передачи опыта, компьютер сейчас увеличивает потенциал человеческого мышления, вызывает определенные изменения в структуре мыслительной деятельности.

Принятая ранее традиционная модель передачи знаний (линейная: учитель — ученик, или же опосредованная: учитель — учебник — ученик) меняется на вовлекающую, где главным становится даже не сама информация, а способ ее подачи и восприятия. Кооперация и координация — вот основные составляющие этой модели. Преподаватель не просто сообщает

информацию и передает свои знания ученикам, которые являются пассивными слушателями, но и вовлекает их в процесс создания этой информации. Учащиеся опытным путем под руководством тьютора приходят к нужным теоретическим и практическим выводам. И эта новая модель предполагает иные способы подачи обучающего материала, к которым можно отнести презентации, инфографику, интерактивные карты, подкастинг и квесты [Рублева 2014: 132]. Использование вышеперечисленных способов на языковых занятиях помогает учащимся лучше запомнить новый материал: грамматические таблицы в виде инфографики, новую лексику, представленную на сравнительных картах, тексты в виде квестов, «топики» на различные социально-бытовые и социокультурные темы, записанные в виде аудио- или видеоподкастов.

Вышеперечисленные средства ИКТ открывают учащимся доступ к принципиально новым источникам информации, повышают эффективность обучения и самостоятельной работы, дают уникальные возможности для общения и творчества, приобретения и фиксации профессиональных навыков, позволяют реализовать передовые формы и методы дистанционного обучения [Григорьев, Гриншкун [б.г.]]. Такие средства ИКТ предоставляют преподавателям недоступные до сих пор возможности оперативно обновлять содержание обучения и проектировать обучающую среду в соответствии с появлением новых знаний и технологий. Информационные технологии освобождают педагога от свойственных традиционному обучению рутинных видов деятельности, связанных с изложением учебного материала и отработкой умений и навыков, при этом предоставляя педагогу интеллектуальные формы труда, стимулируют творческую деятельность и познавательную активность учащихся.

Литература

Григорьев С.Г., Гриншкун В.В. Информационные и коммуникационные технологии в современном открытом образовании. [Б.г.] // Институт международных программ РУДН. URL: <http://www.ido.rudn.ru/open/ikt/> (дата обращения 16.10.2015).

Дуров П. 7 элементов системы образования будущего. [Б.г.] // ReKuklet. URL: <http://rekuklet.ru/blog/school/1622.html> (дата обращения 16.10.2015).

Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. М: Академический проект, 2015. 448 с.

Мирошниченко А. Когда умрут газеты. М.: Книжный мир, 2011. 224 с.

Рублева Е.В. Учет психологических особенностей учащихся в обучении языкам // Русское культурное пространство. Сборник материалов научно-практического семинара. Вып. 3 / Институт русского языка и культуры МГУ. М., 2014. С. 131–133.

МЕСТО ЗООМОРФИЗМОВ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА АРАБСКИМ СТУДЕНТАМ

Ключевые слова: зооморфизм, лингвокультурная общность, пословица, семантическая область, фразеологизм.

Зооморфизмы ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, которые при употреблении в речи воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет и, соответственно, важны при преподавании русского языка иностранным студентам. Поэтому интерпретация зооморфизмов как языковых явлений, определение разницы в их восприятии с точки зрения культурных категорий разных языков представляются интересными вопросами при изучении взаимосвязи языка и культуры.

Одним из основных элементов любой национальной культуры является образ человека. Описание языковых оценок внешности человека, эстетических, эмоциональных, морально-этических представлений о нем является важной составляющей лингвистических исследований, которые изучают данный фрагмент языковой действительности. Являясь неотъемлемой частью животного мира, человек теснейшим образом взаимодействует с окружающей его фауной. В первых письменных источниках любого народа есть неоднократные упоминания о тех или иных представителях животного мира, метафорические сравнения героев этноса с различными животными, поэтому их названия часто связаны с народной и мифологической символикой.

Человеку необходимо было не только самому знать повадки диких животных, но и передавать эти знания последующим поколениям, поэтому лексические единицы, являющиеся названиями представителей фауны, относятся к одним из самых древних и распространенных, и, следовательно, именно в них более всего отражаются воззрения, традиции, обычаи того или иного народа. Впоследствии это явление стало объектом внимания лингвистов и получило название «зооморфизм».

Большую часть зооморфизмов можно разделить на подгруппы по принадлежности к семантическим областям (характер, внешность, образ жизни и др.). При сравнительном анализе русского и арабского языков можно от-

метить схожесть и отличие в употреблении зооморфизмов, что необходимо учитывать при преподавании русского языка арабским студентам:

- зооморфизмы, репрезентирующие характер, личностные качества, наибольшее количество похожих зоонимов было отмечено именно в данной подгруппе: *упрямый, как осел* لثم ل ارحال لثم دينة; *злой, как собака* لثم ريش; *верный, как собака* لثم ي فو; *грязный, как свинья* لثم خسو; *послушный, как овца* لثم عيطم و ت.د.;

- зооморфизмы, репрезентирующие интеллектуальные способности; в этой подгруппе чаще встречаются схожие для обоих языков зооморфизмы с отрицательной коннотацией, например *осел* (глупый человек) لثم ل ارحال, *куринные мозги* (глупый, неспособный на самостоятельное мышление человек) لثم ل ارحال و ت.د.;

- зооморфизмы, репрезентирующие внешность, физические данные, чаще всего в арабском и русском языках отличаются друг от друга; к этой подгруппе можно отнести русский зооним *медведь* (не имеющий аналога в арабском языке), который характеризует большого, неуклюжего (иногда грубого) человека لثم ل ي فو; *кошка* в русском языке и *змея* в арабском языке (бесшумно двигающийся, готовый к нападению человек) لثم ل ارحال و ت.د.;

- зооморфизмы, репрезентирующие возраст, также встречаются в обоих языках; к этой подгруппе относятся такие зооморфизмы, как *цыплёнок* (молодой, неопытный человек) لثم ل ارحال و ت. п.;

- русские зооморфизмы, репрезентирующие профессиональную деятельность, почти не имеют аналогов в арабском языке, за исключением такого зооморфизма, как *лошадь*, в русском языке в значении, например *работать как лошадь* (много трудиться) لثم ل ارحال لثم عيطم و ت.д.;

- зооморфизмы, репрезентирующие манеру поведения, чаще всего встречаются в обоих языках; к данной подгруппе был отнесен зооморфизм *обезьяна*, который обычно используется для характеристики живого, озорного, а также любящего подражать другим человека, чаще ребенка لثم ل ارحال .

Многочисленные фразеологизмы, поговорки в русском и арабском языках содержат названия животных, которые могут являться человекозначащей или вещьзначащей метафорой.

Всем фразеологизмам и поговоркам, содержащим зооморфизмы, присущи образность, эмоциональность, богатство оттенков значения. Как правило, они стилистически активны. Эти лексические единицы в переносном значении используются при описании внешнего облика человека, его физических свойств и манеры поведения, например *мартовский кот* в русском языке и *февральский кот* طابش طابش в арабском языке. С их помощью харак-

теризуются интеллектуальные и моральные качества человека. Например, *волк в овечьей шкуре* в русском языке и *волк одевается бараном* بياثب بئذ في جحفة в арабском языке.

Зооморфизм в составе фразеологизма, пословицы является ее семантическим центром, именно в нем заложено основное метафорическое значение, делающее всю пословицу метафорой. Несмотря на то что имеется много синонимичных фразеологизмов, пословиц в русском и арабском языках, возникают трудности, связанные с различиями семантических полей фразеологизмов в двух языках, которые продиктованы экстралингвистическими факторами: культурой, историей, бытом народов.

Все фразеологизмы, пословицы можно разделить на три типа:

1. Есть в русском и арабском языках. Например, в русском языке: *собачья жизнь, как кошка с собакой*; в арабском языке: بالكل و رهال لثم ; بالكل ة شيع .

2. Когда структура остается идентичной, но заменяется сам зоокомпонент. Например, в русском языке: *между ними кошка пробежала*, в арабском языке — *олень*: لاذغال اعري امرهني ب .

3. Когда структура (а с ней все зоокомпоненты) меняется целиком, но смысл пословиц совпадает. В русском языке: *Ему медведь на ухо наступил*, в арабском языке: *Он кричит, как осел* — راحملاك قهوني ; *Не надо делить шкуру неубитого медведя* в арабском языке звучит иначе: *Не зовите на фасоль, пока ее не сварили* — لوكم ل ايف حبصصى تحت لوف لقت ال .

Знание эквивалентов русских пословиц в том или ином языке (в данном случае арабском) очень важно для коммуникации и при выполнении перевода. Кроме того, улавливание сходства или различия смысловых оттенков, заключенных в пословичных изречениях на двух языках, оказывает весьма существенную помощь изучающему иностранный язык.

Каждый язык располагает большим количеством зооморфизмов. Среди словосочетаний различают свободные и устойчивые выражения. Будучи фразеологическими единицами, они способны классифицироваться по частям речи: они эквивалентны имени существительному или глаголу:

- поговорки, эквивалентные имени существительному:

Хитрый, как лис — راحل لثم دينع ; *ослиное упрямство* — بلعثلال لثم شي بخ ; и т.д.

- поговорки, эквивалентные глаголу:

Гладить кошку против шерсти (в арабском языке هبذى على سعد طق — «наступить кошке на хвост»); *лить крокодильи слезы* — حيسامتلال عومرد فرذي ; *играть в кошки-мышки* — ورافال او رهال لثم . и т.д.

Зооморфизмы специфичны для каждого конкретного языка и отражают национальную самобытность его словарного состава. Однако в ряде случаев содержание зооморфизмов совпадает, что указывает на существование языковых универсалий, опирающихся на общность человеческого мышления и на наличие общих культурных традиций.

Для изучающих русский язык как иностранный очень важно знать хотя бы основные и часто употребляемые в данном языке фразеологизмы, поговорки, содержащие зооморфизмы, чтобы уметь правильно подобрать нужный эквивалент в родном языке. Также использование устойчивых выражений придает речи говорящего особую эмоциональность, делает ее лаконичной и более выразительной. Знание идиом особенно важно при непосредственном общении с носителями того или иного языка: определение сходства или различия смысловых оттенков, заключенных в зооморфизмах двух языков, оказывает изучающему русский язык весьма существенную помощь и способствует быстрейшей адаптации человека к иноязычной среде.

СОВРЕМЕННАЯ ТЕЛЕВИЗИОННАЯ РЕКЛАМА В АСПЕКТЕ ГЕНДЕРНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: гендер, модель поведения, организация повествования, рекламный текст.

Исследованию рекламы посвящено огромное количество работ российских и зарубежных исследователей: изучаются психологические приемы воздействия на потребителя, процесс создания рекламной продукции и собственно язык рекламы [Жданова 2015: 82]. Лингвистов интересуют в первую очередь лексика и синтаксис рекламного текста, поскольку именно разнородные по своему составу (просторечие, жаргонизмы, заимствования) лексические единицы в совокупности с экспрессивными синтаксическими конструкциями образуют емкий, краткий и динамичный по своему характеру текст.

Большой интерес вызывает исследование рекламного дискурса в аспекте гендерного подхода, согласно которому модели поведения мужчины и женщины задаются не природой, а конструируются обществом, предписываются институтами социального контроля и культурными традициями. «Гендерные отношения фиксируются в языке в виде культурно обусловленных стереотипов, накладывая отпечаток на поведение, в том числе и речевое, личности и на процессы ее языковой социализации» [Кириллина 1999: 1]. Гендерную лингвистику интересует проявление эмоциональности, языковое сознание, языковая личность. Языковые единицы рекламного текста и его композиционная структура определенным образом маркируют мужское/женское речевое поведение, поскольку образ рекламируемого товара и, в конечном итоге, фигура адресата рекламного сообщения моделируются в контексте традиционных представлений о роли мужчины и женщины в современном обществе. С другой стороны, посредством собственного текста реклама оказывает влияние на реципиента и таким образом участвует в формировании массового сознания, распространяет идеалы, установки, знания, внедряемые адресантом [Томская 2003: 38].

На сегодняшний день существует множество определений рекламы. Наиболее подходящим нам представляется определение, согласно которому реклама рассматривается как «текст, зафиксированный в устной или письменной форме, заранее подготовленный, обладающий автономностью, изначально направленный на донесение до адресата определенной информации, с преобладающей коммерческой целью — привлечение внимания адресата к тому или иному виду товара» [Ильясова, Амири 2012: 12]. Язык рекламы оперирует различными вербальными (языковыми) и невербальными (изобразительными, графическими) средствами, оказывающими воздействие на потребителя [Жданова 2015: 83].

Исследование рекламного дискурса в настоящей работе проводилось на основе анализа телевизионных рекламных роликов: чая различных марок («Гринфилд», «Тесс», «Нести», «Принцесса Нури высокогорный», «Ахмад»), шоколада («Сникерс», «Марс», «Вдохновение», Dove), детского питания («Фрутоняня»). В ходе исследования удалось установить, что рекламный дискурс в аспекте гендерной лингвистики основан на глубинной оппозиции «движение, активность / отсутствие движения, покой, статичность».

Так, рекламные тексты, целевой аудиторией которых являются мужчины, презентуют свой товар, как правило, через идею движения, перемещения, физической активности (спорт, путешествие, поездка на автомобиле/мотоцикле). Например: *Решено! Ради тех, кого любишь, можно покорить и парочку новых вершин!* (реклама чая «Принцесса Нури»); игра в баскетбол (реклама шоколадного батончика «Сникерс»), поездка на автомобиле (реклама шоколадного батончика «Марс»). Примечательно, что иногда активная деятельность мужчины может преподноситься со знаком минус на фоне статичного (умиротворенного) образа героини (реклама чая «Ахмад» со слоганом *Все пропало! Все нашлось!*).

Наоборот, роль женщины в рекламном дискурсе — это стремление к статичной деятельности (созерцание), даже если достижение покоя требует совершения каких-либо активных действий. Интересно проследить в этом отношении процесс создания серии рекламных текстов чая «Гринфилд», ориентированных на женщин, где отчетливо прослеживается оппозиция «движение / покой». Причем состояние активности представляется чем-то несвойственным, чуждым, внешним по отношению к женщине, в то время как статичность, отсутствие действия представлены как органичное качество женского характера, что повлекло за собой трансформацию текста слогана даже на уровне грамматической формы — элиминирован глагол.

Первичный слоган (*Чай «Гринфилд». Не меняет мир. Меняет настроение!*) трансформируется в новый (*Чай «Гринфилд». Гармония внутри*).

Можно предположить, что образ мужчины соотносится с патриархальным представлением о нем как о добытчике, охотнике, в связи с чем признаки «активность», «движение» являются доминирующими в рекламных текстах, ориентированных на мужскую аудиторию. Образ женщины интерпретируется через доминанту хранительницы домашнего очага. Отсюда ведущие признаки женского начала в рекламном дискурсе — статичность, покой. Очевидно, что создатели рекламного текста учитывают закрепленные в массовом сознании модели поведения мужчины и женщины.

Некоторые ученые отмечают наметившийся в последнее время процесс нейтрализации гендерного признака в рекламном дискурсе путем использования технологий парного изображения мужчины и женщины, но признают, что стереотипные модели поведения «достаточно прочно закреплены в общественном и языковом сознании» [Томская 2003: 43]¹.

Реклама товаров для детей младшего возраста обычно ориентирована на женщин в соответствии с закрепленным в коллективном сознании представлением об исключительной связи матери и ребенка на самом раннем этапе его жизни. В настоящее время в телевизионных роликах все чаще наряду с образом женщины/мамы и ребенка возникает и образ папы. Как, например, в рекламе детского питания: «Фрутоняня» — *в помощь маме. И папе*. Однако возникновение в кадре и дискурсе образа мужчины скорее актуализирует гендерную оппозицию, чем нивелирует ее. Это прослеживается в том числе и на уровне отбора языковых единиц. Например, в рекламе детского питания «Фрутоняня»:

Героиня: *Вы Степочку покормили?*

Папа: *Не знаем мы никакого Степочку! Если ты про Степана Сергеевича. Вот он! Сам ест!*

Использование уменьшительно-ласкательного суффикса характерно для женского речевого поведения. В то время как преобладание форм мужского рода (*Вот он! Сам ест!*) сигнализирует о реализации в данном высказывании картины мира мужчины. Актуализация гендерной оппозиции происходит, кроме того, за счет номинации: ребенок по-разному поименован (*Степочку / Степана Сергеевича*), а также благодаря внезапной смене субъектно-объектных отношений в тексте (*Степочку покормили?* — реализация точки зрения женщины на ребенка как на объект заботы меняется

¹ В указанной работе М.В. Томской о нейтрализации гендерного признака говорится на основе анализа немецкой социальной рекламы.

на точку зрения мужчины, где ребенок предстает уже активным субъектом действия: ...*ты про Степана Сергеевича. Вот он! Сам ест!*

Важным моментом анализа рекламного дискурса в аспекте гендерного подхода является определение ведущего субъекта восприятия/действия/речи, которому приписывается текст (выступает в качестве субъекта речи и/или действия), чьими глазами дана представленная в рекламе ситуация (субъект восприятия)¹. Фигура субъекта (героя), которому приписывается текст, задает образ адресата данного рекламного ролика. Кроме того, зритель распознаёт целевую аудиторию рекламного текста/продукта в тот момент, когда слышит голос за кадром (существует достаточно четкая взаимосвязь: мужской закадровый голос маркирует реализацию мужского речевого поведения, соответственно, женский голос реализует картину мира женщины).

Примечательно, что в небольшом по объему рекламном тексте возможна двойная повествовательная рамка. Так, реклама чая «Нести» в версии, ориентированной на мужскую аудиторию, содержит видеоряд, центральным образом которого является сексуально привлекательная девушка на пляже. Героиня выступает субъектом оценки и восприятия рекламного продукта — чая. Однако сама девушка и рекламируемый чай вписаны в первичную повествовательную рамку, где девушка оказывается объектом наблюдения, а субъектом выступает герой рекламного ролика — молодой человек. Таким образом, точкой отсчета является позиция главного героя (голос за кадром также принадлежит мужчине).

В рекламной версии того же продукта, предназначенной женщинам, ведущим субъектом текста оказывается уже героиня. Мужской образ, присутствующий в рекламном ролике, является вспомогательным элементом. Голос за кадром — женский. Отметим, что субъектно-объектная организация рекламного текста определенным образом маркирует гендерные характеристики.

В случае, когда один и тот же рекламный продукт рассчитан на мужскую и женскую аудиторию, реализуются два сценария одного рекламного ролика. Так, реклама чая «Нести», предназначенная мужской аудитории, включает в себя тему путешествия, реализованную в тексте на невербальном уровне (с помощью видеоряда), а также образ девушки, которая пьет этот чай.

¹ Исследованию субъектно-объектной организации повествования посвящены следующие работы: [Адорно 1997; Виноградов 1971; Кожевникова 1994; Корман 2006; Мукаржовский 1996; Одинцов 2007; Успенский 2000; Падучева 1996; Тодоров 1975; Шмид 2003].

Модель мужского речевого поведения в рекламе отражается в нанизывании грамматических форм мужского рода и использовании конструкций, отражающих обращение на «ты» (*Ты не ты, когда голоден; Съел и порядок!*), в то время как в роликах, рекламирующих женские товары, обращение на «ты» используется достаточно редко, например, с целью подчеркнуть юный возраст героини и адресата рекламного текста или душевный/дружеский тон диалога. В рекламных слоганах, ориентированных на мужчин, чаще используется форма императива (*Дарите «Вдохновение» любимым!* (из рекламы шоколада); *Не тормози — сникерсни!* (реклама шоколадного батончика). В слоганах, ориентированных на женщин, чаще встречается именительный падеж (*Dove! Мой шелковый шоколад; Вдохновение! Превыше всего; «Гринфилд»! Гармония внутри!*). Что касается отбора лексики, то сниженная лексика, использование жаргонизмов зачастую репрезентируют речевое поведение мужчины, в то время как стилистически нейтральная, как правило, характеризует языковую личность женщины.

Интересно отметить, что гендерный фактор проявляется и в отборе синтаксических конструкций. Короткие рубленые фразы, использование таких стилистических фигур, как парцелляция и эллипсис, как правило, репрезентируют картину мира мужчины. В рекламных текстах, ориентированных на женщин, чаще используется структура простого предложения, осложненная, например, деепричастным оборотом, однородными членами предложения и т.д.

Большой интерес вызывают рекламные ролики с использованием игровых приемов на уровне как языка, так и содержания. Например, реклама сока, сопровождаемая слоганом *Гламур — для дур, витамины — для народа*, изображает некоторые типичные модели женского поведения в комическом ключе. Игровой элемент блокирует способность воспринимающего сознания моментально реконструировать образ рекламируемого объекта (невозможно сразу понять, что выступает в качестве объекта данной рекламы) и адресата данного рекламного ролика и требует от зрителя определенных усилий по дешифровке смысла рекламного сообщения. Включение рекламного дискурса в культурологическую концепцию игры роднит рекламный текст с художественным, где способ организации повествования определяет степень эстетического и художественного воздействия текста на сознание читателя.

Таким образом, наиболее отчетливо гендерные характеристики языковой личности проявляются на уровне лексики и синтаксиса. Можно предположить, что механизм гендерной стратификации в рекламе запускается

средствами композиции, а именно организацией субъектно-объектных отношений в тексте, поскольку именно модели поведения, приписываемые коллективным сознанием в качестве характерных для мужчины и женщины, являются важным аспектом социальной организации. «Гендерные отношения особым образом выражают системные характеристики общества и структурируют отношения между говорящими субъектами» [Кириллина 1999: 1].

Литература

Адорно Т.В. Позиция повествователя в современном романе // Мысль: Философия в преддверии XXI столетия: Сб. ст. / Редкол.: А.И. Бродский и др. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. С. 172–178.

Виноградов В.В. Проблема образа автора в художественной литературе // Виноградов В.В. О теории художественной речи. М., 1971. С. 105–121.

Жданова Е.Ю. Рекламный текст как объект лингвистического исследования // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2015. № 2-1 (32-1). С. 82–85.

Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. 2-е изд. М.: Флинта, 2012. 296 с.

Кириллина А.В. Гендер. Лингвистические аспекты. М., 1999. С. 1–10.

Кожевникова Н.А. Типы повествования в русской литературе XIX–XX вв. М.: Ин-т русского языка РАН, 1994. 336 с.

Корман Б.О. Теория литературы. Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2006. 552 с.

Мукаржовский Я. Индивидуум и литературное развитие // Мукаржовский Я. Структуральная поэтика. М.: Языки русской культуры; Кошелев, 1996. 479 с.

Одинцов В.В. Стилистика текста. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 261 с.

Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 464 с.

Тодоров Ц. Поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 68–112.

Томская М.В. Гендерный аспект рекламы (на материале социальных рекламных текстов) // Общество и гендер: Материалы Летней школы. Рязань: Поверенный, 2003. 368 с.

Успенский Б.А. Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000. 352 с.

Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с. (Studia philological).

ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ В ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ И СПОСОБЫ ИХ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ (на примере блока «Письмо»)

Ключевые слова: блок «Письмо», комплексный экзамен, лингводидактическое тестирование, письменная речь, РКИ, трудовые мигранты.

Проблема лингвокультурной адаптации иностранных граждан, приезжающих в Россию для осуществления трудовой деятельности, возникла достаточно давно. Ежегодно на территорию Российской Федерации прибывает огромный поток мигрантов, многие из которых не владеют русским языком вовсе или же владеют очень слабо, что затрудняет их коммуникацию с носителями языка: работодателями, работниками сферы обслуживания, миграционной службы и других государственных учреждений.

Иностранные граждане, прибывающие в Россию для устройства на работу, получили название «трудовые мигранты». Согласно современной терминологии, трудовой мигрант (трудоустроенный мигрант) — это лицо, которое для найма на работу к иностранному физическому или юридическому лицу на законном основании переезжает на определенный срок в страну, гражданином которой оно не является [Ивахнюк 2005: 273]. По мнению исследователей, занимающихся данным вопросом, к общим признакам трудовых мигрантов относятся следующие: иностранное гражданство, место постоянного проживания (трудоустроенный зарегистрирован не в принимающей стране), цель прибытия в страну (выполнение оплачиваемой работы), временный характер пребывания в принимающей стране, легальность, то есть разрешение компетентного государственного органа на такое временное пребывание, регулирование трудовых отношений национальным законодательством страны пребывания) [Утешева 2015: 18]. Отметим, что среди вышеперечисленных признаков упоминается легальность пребывания трудового мигранта на территории принимающей страны. Таким образом, иностранный гражданин обязан встать на учет в Управлении Федеральной миграционной службы и получить все документы, перечень которых предусмотрен законодательством Российской Федерации. В связи с принятием

Федерального закона от 20.04.2014 № 74-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О правовом положении иностранных граждан в РФ”» и его вступлением в силу 1 января 2015 года иностранные граждане должны подтвердить владение русским языком, знание истории России и основ законодательства Российской Федерации для получения разрешения на работу (патента). В случае успешной сдачи экзамена гражданин получает документ государственного образца — сертификат.

Экзамен для получения сертификата построен в формате лингводидактического тестирования, то есть большая часть заданий по русскому языку и модули «История России» и «Основы законодательства Российской Федерации» представлены в виде вопроса с приведенными тремя вариантами ответа. Но есть два блока в модуле «Русский язык», которые требуют более глубокого владения русским языком, — «Письмо» и «Говорение». Устная речь дается экзаменуемым легче, так как их профессиональная деятельность во многом связана с русскоязычным населением. Таким образом, они успешно выучивают язык на слух, способны распознавать интонацию, что очень важно, так как она обладает «воспринимаемыми качествами», благодаря которым можно сегментировать речь на синтаксические блоки, понять связь частей фразы, а следовательно, и раскрыть содержание [Малова, Саврасова 2015: 67]. Блок «Письмо» является более сложным. Он представляет собой бланк, типовую форму, которая заполняется с целью устроиться на работу, уволиться с нее, получить посылку или денежный перевод на почте и др., тематика и жанры таких текстов актуальны для официально-деловой, профессиональной и социально-бытовой сфер общения [Ковальчукова, Метлякова 2015: 48]. В соответствии с требованиями к уровню владения русским языком гражданин должен уметь строить письменное монологическое высказывание репродуктивно-продуктивного характера в соответствии с коммуникативной установкой или с опорой на вопросы. Таким образом, в первую очередь экзаменуемый должен уметь письменно отвечать на вопросы, касающиеся его личности: писать на русском языке свои личные данные (ФИО, дату рождения), указывать страну, гражданство которой он имеет, и родной язык, а также сведения об образовании (название учебного заведения и сроки обучения) и трудовом стаже.

При анализе было решено разделить ошибки на две группы: коммуникативно незначимые и коммуникативно значимые. Важно учитывать этот аспект, так как тип ошибки влияет на оценку данного задания: за коммуникативно значимую ошибку проверяющий вычитает 2 балла из общего количества, тогда как коммуникативно незначимая ошибка «стоит» экзаменуе-

тому всего 0,5 балла. Конечно, следует обратить внимание на тот факт, что коммуникацию затрудняет любая ошибка — и грамматическая, и лексическая, не говоря уже о логических ошибках. Таким образом, коммуникативно значимыми следует, вероятно, считать такие ошибки, при которых коммуникация не просто затруднена, а становится невозможной [Жорова 2005].

Среди типичных коммуникативно значимых ошибок стоит выделить:

- Полное непонимание вопроса. Например, при ответе на вопрос: *Какую специальность вы получили в учебном заведении?* экзаменуемые часто указывают название текущего рода деятельности: *вадитил, грузчик и вигрузчик, домохозяйка*. Также часто встречается написание сегодняшней даты вместо даты рождения. Ошибки нередки и при указании семейного положения: *да, нет, нет женщины, семейное*.

- Мена понятия при полисемии одного из слов в вопросе. Например, в графе «Семейное положение» слово *положение* воспринимается не как наличие/отсутствие семьи, а как состояние, положение дел, обстоятельства, отсюда и неправильные ответы с оценочным значением: *средний, хорошо* и т.д. Тот же вид ошибки встречается и при указании уровня зарплаты, в этом случае экзаменуемый пишет не желаемый диапазон зарплаты с указанием сумм (например, 15 000–20 000 руб.), а оценочную степень: *средний, договорной, нормальная*.

К коммуникативно незначимым относятся практически все грамматические и орфографические ошибки вне зависимости от их количества. Сюда можно отнести нарушения в области падежных форм существительных и прилагательных, форм глагола и т.д., а также неправильное написание слов. Но даже при большом скоплении ошибок такого рода в пределах одного предложения правильный вариант легко восстанавливается, и смысл высказывания становится вполне понятен.

Зачастую ошибки в словах связаны именно с социолингвистическими чертами иностранцев: национальностью, местом рождения, возрастом, временем обучения в школе, образованием, опытом заполнения официальных документов. Люди старшего поколения, получившие образование еще в СССР, чаще всего легко справляются с письменными заданиями, так как изучали русский язык в школе по советским методикам. При этом у иностранных граждан в возрасте от 20 до 30 лет грамматические и орфографические ошибки встречаются чаще. Во многом избежать их удастся тем, кто работает на крупном предприятии и имеет опыт заполнения официальных документов: для таких экзаменуемых заполнение типового бланка практически не составляет труда.

Некоторые буквы, совпадающие в родном и русском языках экзаменуемых, могут обозначать разные звуки. Например, буква «в» в русском языке обозначает губно-зубной согласный [в], а в английском, французском, немецком и других языках — губно-губной [б]. Эти различия могут быть причиной ошибок: некоторые учащиеся будут обозначать на письме звук [б] буквой «в»: *вивлиоотека*. И наоборот, один и тот же звук в русском и родном языках может выражаться при помощи разных букв. Так, губно-губной глухой согласный [п] в русском языке обозначается буквой «п», а в ряде европейских языков — буквой «р», что также может быть причиной ошибок. Аналогичные ошибки возникают при написании русских букв «м», «н», «р», «у» и некоторых других. Такие ошибки не встречаются в письменной речи граждан Таджикистана, Казахстана, Украины и т.д. где используется кириллический алфавит. Сложность может возникнуть у тех, кто приехал из Узбекистана, Турции и других стран дальнего зарубежья.

Коммуникативно незначимые ошибки чаще всего встречаются при указании профессии: *водитель, каменщик, гурусчик, разный работчи* и т.д., семейного положения: *женати, нежнат, жнаты, семянин, замужная*. Кроме того, экзаменуемые часто неправильно указывают название родной страны и языка: *узбекискый, Тажикистан* и т.д.

Во избежание подобных ошибок планируется создание следующих методических разработок для подготовки к экзамену:

- упражнений, включающих в себя подобные анкеты (например, анкета для получения почтового перевода, бланк резюме, заявление об увольнении) с обязательным включением граф «ФИО», «Дата рождения», «Гражданство», «Адрес места жительства», «Семейное положение» и т.д.;
- списка названий рабочих специальностей (например, грузчик, уборщик, продавец, автослесарь, каменщик и др.) с кратким определением, чтобы экзаменуемые могли выучить написание и значение того или иного слова и корректно использовать его при дальнейшем заполнении анкеты;
- списка стран с указанием национального языка, в котором особое внимание уделяется проблемным частям слов (*таджикский, узбекский, кыргызский* и др.);

Подготовка к комплексному экзамену может быть достаточно эффективной, если учесть наиболее распространенные ошибки, встречающиеся в письменной речи мигрантов, и создать правильный комплекс упражнений с заданиями на отработку проблемных случаев.

Литература

Жорова А. Коммуникативно значимые ошибки, допускаемые при выполнении субтеста «Письмо» Первого уровня // Тестовые формы контроля по русскому языку как иностранному (РКИ). II Всероссийская научно-практическая конференция. Доклады и сообщения. ЦМО МГУ им. М.В. Ломоносова, 10–12 апреля 2005 г. / Под ред. Н.П. Андрушиной, О.А. Усковой. М.: ИКФ Каталог, 2005. С. 98–107. URL: <http://www.kto-rki.org/zhorova2005M.html>.

Ивахнюк И.В. Международная трудовая миграция. М.: Изд-во МГУ, 2005. 286 с.

Ковальчукова М.А., Метлякова Е.В. Основы подготовки к комплексному экзамену по русскому языку, истории России и основам законодательства России (субтесты по русскому языку) // Русский язык и проблемы социокультурной адаптации иностранных граждан в Российской Федерации: Сб. науч.-метод. матер. Междунар. науч.-практ. конф. М.: РУДН, 2015. С. 47–50.

Лебединский С.И., Гербик Л.Ф. Методика преподавания русского языка как иностранного: Учеб. пос. Минск, 2011. 309 с.

Малова А.В., Саврасова О.М. Лингводидактическое тестирование как средство контроля качества знаний русского языка в рамках комплексного экзамена // Русский язык и проблемы социокультурной адаптации иностранных граждан в Российской Федерации: Сб. науч.-метод. матер. Междунар. науч.-практ. конф. М.: РУДН, 2015. С. 62–68.

Утешева А.П. Социолингвистические факторы при близительности норм письма в текстах трудовых мигрантов // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2015. № 2 (26). С. 17–26.

ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕЛОВОЙ РЕЧИ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Ключевые слова: деловое общение, дискурс, клише, лексическая сочетаемость, формула, фразеология.

Процесс глобализации затрагивает все области человеческой жизни и неизбежно приводит к все более частым и тесным контактам народов и стран, прежде всего в сферах экономики, политики и образования. Деловое общение становится наиболее важным фактором диалога культур в наши дни, поэтому во многих зарубежных вузах возрос интерес к изучению русского языка как средства делового общения.

Для русского языка как средства делового общения характерны две экстралингвистические особенности:

- «язык законов требует прежде всего точности и невозможности каких-либо кривотолков» [Щерба 1957: 118];
- языковой стандарт, стремление к выражению мысли при помощи готовых формул-клише, стандартизация, стремление к унификации при отборе языковых средств.

Тематика текстов официально-делового стиля строго определена и ограничена, ситуации использования делового языка однотипны, соответственно, однотипны и документы. Поэтому вслед за И.Л. Роляк [2011] мы считаем, что для каждой ситуации делового общения существует свой сценарий, разработав который, можно быть готовым к любому диалогу с оппонентом, как к письменному, так и устному. Для разработки такого сценария необходимо спрогнозировать ситуацию, продумать возможные вопросы оппонента, постараться правильно ответить на них и привести аргументы. Все это можно осуществить при помощи набора фразовых клише и этикетных формул.

При составлении деловой письменной документации важно также научить студентов основам лексической сочетаемости. Существует ряд трудностей при изучении иностранными студентами клишированных оборотов в русском деловом языке. На уроке с иностранными учащимися (сербами,

поляками, китайцами и французами) было установлено, что наибольшую трудность для них представили следующие конструкции:

- Выражения *на чей-то счет; за чей-то счет* и т.п. Например, у польских и сербских студентов при переводе используется только предлог *на*, что не может не привести к интерференции.

Пример упражнения:

Прочитайте предложения, используя слова, данные в скобках, с правильным предлогом.

Поставка осуществляется (на/за счет) покупателя.

Деньги требуется перевести (на/за счет) продавца.

- Использование оборотов с отыменными предлогами: *в связи, с целью, в силу* и т.д.

Пример упражнения:

Составьте предложения, используя следующие предлоги:

в целях, в отношении, на предмет, в силу, в части, в связи, в соответствии, в течение, во избежание, на основании, в виде, ввиду, в порядке, наряду с, по линии, в дополнение

- Параллельные синонимические конструкции с предлогом и без него (например, *меры по воздействию, меры воздействия*). Обычно в деловой переписке и общении используется конструкция с предлогом, но нередко исключения: например, в конструкциях с предлогом с предпочтением отдается беспредложному варианту (например, *трудности со снабжением — трудности снабжения*). В ряде случаев предлоги в предложении могут взаимозаменяться в зависимости от контекста и существующей традиции.

Пример упражнения:

Выберите словосочетание, наиболее предпочтительное в деловых текстах.

департамент по транспорту — департамент транспорта;

распоряжение по переводу сотрудников — распоряжение о переводе сотрудников;

договорные обязательства — обязательства по договору;

план реорганизации — план по реорганизации;

решение о перестройке работы — решение по перестройке работы;

агентство продажи недвижимости — агентство по продаже недвижимости

- Использование таких синонимов, которые выражают волю законодателя, именно его приказ, а не просьбу. В употреблении будут частотными гла-

голы *постановить, обязать, запретить, разрешить*, но при этом не будут встречаться глаголы со значением рекомендации, предостережения.

Пример упражнения:

Прочитайте предложение, вставьте на месте пропуска то слово, данное в скобках, которое подходит для официально-делового стиля.

Президент Российской Федерации ... (формирует / рекомендует кандидатов) и возглавляет Совет Безопасности Российской Федерации, статус которого определяется федеральным законом, ... (советует принять / утверждает) военную доктрину Российской Федерации.

- Наличие антонимических пар: *истец — ответчик, прокурор — адвокат.*

Пример упражнения:

Прочитайте слова, подберите к ним антонимы.

обвинитель, оправдательный, судья, запретить, обязать, порядок, действие, работа, заключение (договора), кризис

Данные лексические особенности письменного языка официально-делового стиля требуют от преподавателя русского языка как иностранного владения особыми приемами работы над специальной лексикой, устойчивыми словосочетаниями, антонимическими и синонимическими парами, поскольку абсолютно недопустима их подмена языковыми средствами, принадлежащими, например, к разговорному стилю.

Если говорить об устном деловом общении, то можно выделить два вида: подготовленную устную речь (которую учащиеся прорабатывают на занятиях, а также в домашних условиях) и спонтанную, то есть неподготовленную устную речь, использование которой становится возможным только на высших уровнях владения языком. Для устной деловой речи, или, как принято говорить в настоящее время, дискурса, свойственно слияние делового стиля с разговорным, а также с публицистическим. Преподаватель русского языка как иностранного должен научить иностранного студента правильно использовать особенности устной деловой речи: преобладание коротких предложений, которое напрямую связано с быстротой речевых реакций, употребление специальных слов (профессионализмов, канцеляризмов, фразовых штампов), активность присоединительных конструкций разных видов и способов выражения (с вводными словами и частицами), использование вопросительных и побудительных предложений, а также устойчивых словосочетаний и, самое главное, более свободный порядок слов в предложении по сравнению с письменной речью.

Принято считать, что язык делового общения не предполагает использования эмоциональной лексики, он буквален, а партнеры не используют в своей речи каких-либо идиоматических выражений, включающих фразеологические обороты и другие выразительные средства языка. Необходимо принять к сведению тот факт, что официально-деловой стиль предполагает не только сообщение какой-либо информации, но и воздействие на адресата сообщения, и эти две функции (информационная и воздействующая) гармонично сосуществуют в нем. Именно функция воздействия говорящего на собеседника позволяет ему расширить набор лексических средств, поэтому для создания нужного эффекта говорящий может прибегать к экспрессивно-образным средствам, ведь не существует безэмоционального общения, и в деловой речи эти эмоции вуалируются идиоматичностью речи.

Употребление фразеологизмов в деловой речи подчиняется исторически сложившимся правилам, закрепленным традицией и обязательным для всех. В тех случаях, когда нормы нарушаются, возникает ошибка. По результатам урока с иностранцами самыми распространенными оказались следующие ошибки:

- искажение состава фразеологизмов в результате лексической подмены компонента: *Отчет представителя отдела оказался ниже любой критики (всякой критики)*;

- изменение грамматической формы слов, входящих в оборот: *Представитель компании явно покривил в душе (покривил душой)*;

- совмещение двух различных фразеологизмов: *Не надо сыр-бор городить (огород городить или сыр-бор разгорелся)*;

- вставка лишнего компонента: *Следует отдать должную дань (отдать дань)*;

- стилистическая несовместимость фразеологизма с деловым стилем речи: фраза *Меньший налог — вот стимул приватизации, и не надо никого через колено ломать* совершенно неуместна в деловой речи, так как относится к разговорному стилю общения.

Для деловой речи нехарактерна использование образной фразеологии, но однотипность ситуаций делового общения, их многократная повторяемость, отражающаяся в ограниченном наборе речевых формул и штампов, приводят к тому, что они приобретают устойчивый характер и сближаются с фразеологизмами (*В связи с нашей предыдущей договоренностью...*; *Согласно договору...* и т.д.). Студентам было предложено составить устный диалог с партнерами, используя набор речевых формул и штампов. Учащиеся создали своеобразный сценарий, выражая интенции речевыми средствами.

После эксперимента преподаватель вернулся к самому началу диалога и, подробно разобрав вопросы стратегии и тактики, определил, насколько этот диалог был эффективным. Студенты повторили диалог с учетом ошибок. Затем партнеры поменялись ролями. Таким образом, упражнение превратилось в своеобразную игру, в которой учащиеся играли с текстом, изменяя стратегии и тактики участников диалога. То же самое, по мнению И.Л. Роляк [2014], можно провести в форме альтернативной версии полилога.

Деловые игры мотивируют студентов к обучению, помогают снять психологические и языковые барьеры, дают возможность многократного повторения языкового и речевого материала. Игра, «будучи творческой по своему характеру... активизирует мыслительную деятельность учащихся и способствует развитию творческого отношения к языку» [Акишина, Каган 2004: 219].

Таким образом, современный русский язык как язык делового общения достаточно идиоматичен. Фразеологизация делового языка обнаруживается в использовании стандартизированных штампов и клише, а также устойчивых словосочетаний, которые можно использовать согласно разработанному сценарию в определенной ситуации делового общения. При обучении иностранных студентов деловому русскому языку преподаватель должен обязательно обращать внимание на фразеологизацию деловой речи и лексическую сочетаемость изучаемых конструкций в сопоставлении с родным языком студентов, для того чтобы научить правильно использовать их в устной и письменной деловой речи. Для обучения устному деловому дискурсу предпочтительнее всего выбирать игру, так как она развивает умения спонтанной речи, позволяя запоминать лексику, фразы, высказывания прямо на занятиях, моделировать собственные высказывания, используя пройденный материал множество раз. И, конечно же, необходимо закреплять полученные знания специально разработанными упражнениями.

Литература

Акишина А.А., Каган О.Е. Учимся учить. Для преподавателя русского языка как иностранного. 6-е изд., стер. М.: Русский язык. Курсы, 2008. 256 с.

Роляк И.Л. Деятельностный подход к обучению русскому языку делового общения // Русский язык в иностранной аудитории — теория, практика, цели и результаты преподавания. Łódź: Wyd. Primum Verbum, 2011. С. 151–158.

Роляк И.Л. Устный деловой дискурс и вопросы его преподавания иностранным учащимся // Язык и культура. 2014. №2 (26). С. 107–117.

Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. 187 с.

МОТИВАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ ЭСТОНСКИХ СТУДЕНТОВ КАК ФАКТОР ОСВОЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: ведущий мотив, вид мотива, внутренний мотив, внешний мотив, возраст студентов, мотивационная установка.

Обеспечение качественного уровня обучения иностранному языку в высшем учебном заведении трудно осуществить без учета мотивов, которые являются важнейшим фактором результативности и влияют на успешность всего процесса обучения. Е. Пассову принадлежит мысль, что учить чему-либо при отсутствии мотивации неэффективно и даже безнравственно. Если у школьника отсутствует мотивация, он, по меткому выражению Е. Пассова, «подвергается обучению» [Пассов 2007: 14].

Знание о ведущих мотивах, побуждающих выбрать тот или иной иностранный язык для изучения в высшем учебном заведении, дает преподавателю возможность наметить стратегию, выбрать адекватные тактические приемы и обеспечить лично ориентированный подход. Сложно воздействовать на мотивацию и сохранять ее устойчивость на протяжении всего курса без конкретного, а не приблизительного знания о ее составляющих и динамике.

Необходимость решения практических задач стала поводом для исследования с целью выявить:

- ведущие мотивы эстонских студентов при выборе русского языка как иностранного;
- зависимость между мотивами к изучению русского языка и возрастом студентов.

О понятиях «мотив» и «мотивация»

Начнем с определения границ понятий «мотив» и «мотивация». Уже несколько десятилетий бесспорным является тезис: залогом успеха изучения иностранного языка является высокая мотивация. Указывают на это и заголовки статей, рассматривающие актуальные вопросы методики: «Способы повышения мотивации...», «Формирование мотивации...», «Создание мо-

тивации...», «Пути и средства повышения мотивации...», «Использование ИКТ как средство повышения мотивации...» и т.д.

Несмотря на частоту употребления слов «мотивы» и «мотивация», необходимо признать, что в связи с этими понятиями существует терминологическая неясность. В психологии под термином «мотив» принято понимать «внутреннее побуждение к действию на основе личного интереса», внутреннее психическое состояние человека, которое связано с объективными характеристиками предмета, на который направлена активность [Бердичевский 2000: 30]. Примерно такое же определение мотива используется и в методике. В РКИ термин «мотив» трактуется как «побуждение к деятельности, связанное с удовлетворением потребностей человека... вызывающее активность субъекта...» [Азимов, Шукин 1999: 162].

В работах методистов мотивация связывается с делением мотивов на внутренние и внешние [Лукина 2008]. Внешние мотивы — это те, что возникают вне пределов субъекта (СМИ, общественное мнение, сложившиеся стереотипы, ценности общества и мн. др.). Внутренние мотивы — это мотивы, которые возникают у человека под воздействием собственных мыслей, раздумий, стремлений, потребностей и эмоциональных переживаний.

Что касается термина «мотивация», то в современной российской методической литературе этот термин понимается по-разному:

- совокупность внешних факторов, вызывающих учебную активность [Бердичевский 2000];
- совокупность мотивов [Аббас 2006];
- совокупность мотивов и факторов, влияющих на активизацию этих мотивов [Шепелевич 2005].

Определение мотивации, данное Л. Шепелевич, больше других отражает суть явления и определяет соотношение мотива и мотивации: мотивация — это комплекс мотивов и совокупность факторов, приводящих их в активное состояние.

В основе мотивации лежат мотивы. Мотивы, соединяясь их с факторами, которые активизируют, придают им силу и устойчивость, увеличивают их количество и т.д., создают мотивацию, которая выступает как необходимое условие, способствующее достижению эффективности обучения. Мотивация, в свою очередь, намечает цель и активизирует учебную деятельность.

Для того чтобы у учащегося появился мотив или мотивы (при отсутствии потребности), нужно искусственно создать интерес или отношение, а затем открыть ему возможность или создать ситуацию нахождения цели, то есть произвести «сдвиг мотива на цель» (А. Леонтьев). Таким образом,

учебный предмет, вызывающий интерес, — это предмет, ставший «сферой целей» учащегося.

Типология мотивов изучения русского языка

Несмотря на сложность и комплексность понятия «мотив», существует несколько типологий мотивов изучения иностранного языка. Одна из них, наиболее авторитетная, принадлежит канадским исследователям Гарднеру и Ламберту, изучавшим отношение к французскому языку и ее пользователям в Канаде. Им удалось выделить два вида мотивов к изучению языка у учащихся:

- инструментальные (мотивы, нацеленные на изучение языка как инструмента);
- интегративные (мотивы, связанные с интересом к стране, ее культуре и людям, говорящим на данном языке, и собственно к процессу изучения).

Типология мотивов изучения РКИ принадлежит В. Молчановскому и Л. Шепелевич. Согласно данной типологии, выделяются следующие группы мотивов:

- эмоционально-эстетические мотивы (отношение к русскому языку и России);
- прагматические мотивы (желание получить образование или работу в России);
- дидактические (увлечение процессом учения);
- познавательные (увлечение содержанием учения);
- коммуникативные (желание общаться с русскими или на русском языке);
- мотив принуждения и обязательности (отсутствие выбора или необходимость сдать экзамен).

Принимая данную типологию в качестве основы для собственного исследования, считаем необходимым внести следующую поправку. Как показывают мои наблюдения преподавателя-практика, прагматические мотивы изучения русского языка эстонскими студентами связаны только с увеличением своей конкурентоспособности за счет расширения сферы деятельности — работы с русскоязычным клиентом.

Описание проведенного исследования

С целью изучить приведенные выше вопросы был проведен опрос студентов, изучающих русский язык как иностранный в Центре изучения языков Таллинского университета. Всего в опросе участвовало 120 студентов,

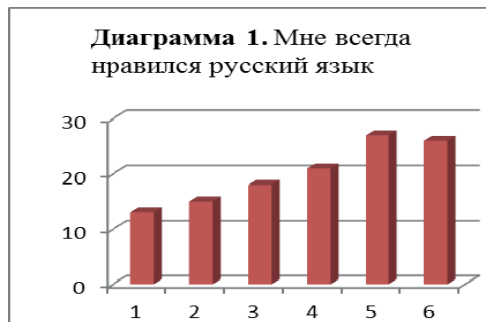
для которых русский язык как учебный предмет не является обязательным. В качестве респондентов были выбраны эстонские студенты дневной формы обучения. Полученные данные обрабатывались с помощью количественного метода. Анонимный опрос был проведен в электронной форме.

Мотивы эстонских студентов при выборе русского языка как иностранного

В анкете, распространенной среди студентов, был вопрос закрытого типа с вариантами ответов, выявляющий мотивы студентов в отношении русского языка как языка для изучения. Вопросы были сформулированы в соответствии с типологией В. Молчановского и Л. Шепелевич. Была использована методика выбора из готового перечня вопросов, которая позволяет выявить наиболее осознанные мотивы. Предлагались следующие варианты ответов:

- Мне всегда нравился русский язык;
- Мне необходим русский язык для того, чтобы найти хорошую работу;
- Мне нужно получить необходимое количество пунктов¹;
- Мне хочется общаться со знакомыми и родственниками по-русски;
- Мне нравится учить язык, все равно какой;
- Мне нравится выполнять задания по иностранному языку.

Студенты должны были против каждого предложенного утверждения поставить цифры от 1 (самый высокий) до 6 (самый низкий), исходя из собственных предпочтений. Обработанные результаты опроса представлены в виде диаграмм.

¹ В высших учебных заведениях Эстонской Республики для выполнения учебной программы студенту необходимо набрать определенное количество пунктов.

Диаграмма 2. Мне необходим русский язык для того, чтобы найти хорошую работу

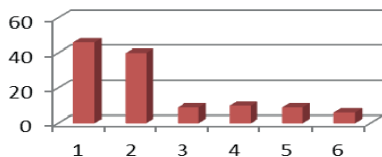

Диаграмма 3. Мне хочется общаться со знакомыми и родственниками по-русски.

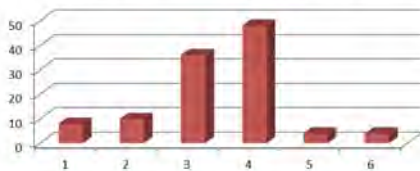

Диаграмма 4. Мне нравится учить язык, всё равно какой.

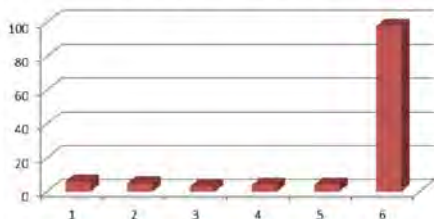
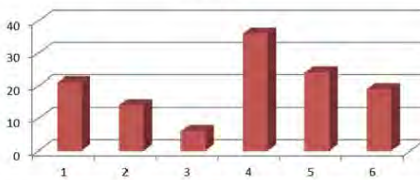

Диаграмма 5. Мне нравится выполнять задания по русскому языку.

Результаты опроса наглядно демонстрируют, что в отношении выбора русского языка в качестве иностранного преобладают прагматические мотивы: желание получить лучшую работу, укрепить свои позиции на рынке труда. Для эстонских студентов является значимым коммуникативный мотив. Утверждение, сформулированное в анкете, звучало так: «Мне хочется общаться со знакомыми и родственниками по-русски». Большинство эстонских студентов ставят этот мотив на 3-е и 4-е места. Для эстонских студентов этот мотив тоже имеет значимость, однако носит лично-индивидуальный характер.

Мотивы выбора русского языка как иностранного в зависимости от возраста студентов

Одним из разделов проведенного исследования было выявление возможной зависимости между мотивами и возрастом студентов. Проведенное исследование показало, что такая зависимость существует. Результаты, полученные в ходе опроса, были помещены в таблицу. При анализе результатов видна устойчивая тенденция.

Мотивы выбора русского языка в качестве языка изучения в зависимости от возраста студентов (количество выборов в качестве 1-й и 2-й позиций в перечне мотивов), %

Вариант ответа	Количество респондентов (возраст)			
	58 (19–24 лет)	47 (25–30 лет)	12 (31–36 лет)	3 (37–42 года)
Мне всегда нравилось, как звучит русский язык	13	42,5	83	33
Мне необходим русский язык для того, чтобы найти хорошую работу	82	80,8	66	0
Мне нужно получить необходимое количество пунктов	1,7	14	0	0
Мне хочется общаться со знакомыми и родственниками по-русски	17	17	33	66
Мне нравится учить язык, все равно какой	13	6,3	0	0
Мне нравится выполнять задания по русскому языку	39	25	8,3	0

Сопоставленные результаты позволяют сделать выводы. Чем моложе студент, тем сильнее выражен у него прагматический мотив. 82% молодых людей от 19 до 24 лет и 80,8% респондентов от 25 до 30 лет высказались в пользу того, что русский язык им необходим, чтобы найти хорошую работу. Среди студентов 31–36 лет было 66% тех, кто высказался в пользу этого утверждения. Таким образом, для более молодых студентов ведущим мотивом в отношении выбора русского языка остается стремление получить лучшую работу. У студентов следующей возрастной группы (25–30 лет) прагматический мотив немного ослабевает, а нарастает другой — эмоциональный. Для студентов в возрасте от 31 до 36 лет эмоциональный мотив в значительной степени вытесняется прагматическим мотивом.

Анализируя наличие коммуникативных мотивов у студентов разных возрастных групп, нельзя не заметить: у студентов до 30 лет он остается неизменным, а дальше начинает стремительно возрастать. Это можно объяснить тем, что у людей старшего возраста личный опыт использования русского языка значительно богаче и шире, и они стремятся к расширению опыта, в связи с этим у них становится ведущим коммуникативный мотив.

При анализе полученных данных обращает на себя внимание такой факт: чем моложе студент, тем сильнее у него выражены познавательные мотивы (утверждение «Мне нравится учить язык, все равно какой»). С возрастом, на это указывают данные, он уменьшается вдвое и совершенно отсутствует у студентов начиная с 30 лет.

То же происходит и с дидактическими мотивами (утверждение «Мне нравится выполнять задания по русскому языку»): чем моложе студенты, тем привлекательнее для них содержание практического занятия. Для студентов старшего возраста содержание, приемы, формы работы не имеют существенного смысла.

Итак, выше были приведены данные, выявляющие зависимость между возрастом студентов и мотивами к изучению русского языка. Их анализ дает основания утверждать, что у более молодых студентов, которые относительно недавно окончили среднюю школу, сильнее выражены прагматические мотивы, эмоции в отношении русского языка у них выражены слабее, они слабо проявляют интерес к русскому языку как таковому, и им небезразлична система организации обучения (приемы, содержание, формы, подходы и т.д.). Для следующей возрастной группы студентов (25–30 лет) значимы те же прагматические мотивы, однако несколько усиливаются эмоциональные мотивы. Что касается познавательных и дидактических мотивов, то они относительно слабы. Для следующей группы студентов (36–42 года) возрас-

тает доля эмоциональных мотивов, однако остаются существенными прагматические мотивы, познавательные и дидактические мотивы не играют значительной роли.

Заключение

Мотивация — это «запускной механизм» (И. Зимняя), она создает условия для включения студента в долгий процесс изучения иностранного языка. Мотивация состоит из мотивов и факторов, приводящих их в активность.

Наше исследование установило, что при освоении у студентов-эстонцев русского языка включаются прагматические мотивы. Также фиксируется наличие коммуникативных мотивов. Познавательные и дидактические мотивы сильнее выражены у тех студентов, которые недавно окончили школу. Удалось установить, что с возрастом данная группа мотивов уменьшается.

Исследование, хотя и не претендует на исчерпывающее, предоставляет материал для анализа. Знание о реальных мотивах, заставляющих выбирать русский язык в качестве иностранного языка, влияет на весь спектр методических средств: на выбор методической стратегии и тактики, подходов, способов организации курса, выбор учебного материала, форм обучения, приемов и видов организации контроля. Это, в свою очередь, определяет успешность овладения русским языком у студентов-эстонцев.

Литература

Аббас Ясин Хамза. Диагностирующий эксперимент по выявлению особенностей мотивации изучения русского языка у студентов-русистов Багдадского университета // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 11, № 32. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/diagnostiruyuschiy-eksperiment-po-vyyavleniyu-osobennostey-motivatsii-izucheniya-russkogo-yazyka-u-studentov-rusistov-bagdadskogo> (15.04.2015).

Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Словарь методических терминов (Теория и практика преподавания языков). СПб., 1999.

Бердичевский А.Л. Является ли русский язык международным // Мир русского слова. 2000. № 4. С. 30.

Василиевич Д. Мотивация к изучению русского языка у белградских слушателей курсов. // Русский язык как инославянский. 2013. Вып. 5. С. 99–109. URL: http://www.slavistickodructvo.org.rs/pdf_dokumenti/rj2013.pdf. (15.04.2015).

Лукина Я.В. Зависимость мотивации при выборе и изучении иностранного языка от образа страны изучаемого языка. 2008 // Языковая школа «Златоуст». URL: <http://www.zlat-edu.ru/CatalogImages/File/lukina.doc>. (15.04.2015).

Молчановский В.В., Шепелевич Л. Преподаватель русского языка как иностранного. Введение в специальность. М., 2002.

Пассов Е.И., Кибирева Л.В., Колларова Э. Концепция коммуникативного иноязычного образования: Метод. пос. для русистов. СПб., 2007.

Шепелевич Л. Повышение мотивации студентов-филологов при обучении русскому языку с использованием сети Интернет // Русистика и современность: Матер. VII Междунар. науч.-практ. конф. 17–18 сентября 2004 г. Т. 2. Диалог культур в обучении русскому языку и русской словесности. СПб., 2005. С. 325–330.

Gardner R.C. Motivation and Second Language Acquisition // Universidad de Granada. http://www.ugr.es/~portalin/articulos/PL_numero8/1-R%20C%20%20GADNER.pdf (15.04.2015).

И.Э. Федотова, И.И. Лапуцкая
Белорусский государственный экономический университет,
Минск

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РУССКОЙ РЕЧИ БЕЛОРУССКИХ СТУДЕНТОВ

Ключевые слова: билингвизм, интерференция, норма, речь, среда, трясанка, язык.

Билингвизм — необходимое условие совместного проживания и сотрудничества разноязычных народов. На территории Беларуси двуязычие существовало издавна, хотя его характер и языковые компоненты менялись. Объективные причины подобного явления — в генетической близости и тесных исторических связях белорусского и русского языков. Контактное взаимодействие этих языков происходило и происходят в сложных общественно-политических социально-экономических, культурно-исторических и этнолингвистических условиях. В разные исторические эпохи функции государственного языка на территории Беларуси исполняли разные языки: старобелорусский и латинский во времена Великого Княжества Литовского, польский во времена Речи Посполитой, русский в эпоху Российской империи. В период вхождения республики в состав СССР наиболее распространенным языком был русский, хотя наравне с ним в средней школе изучался белорусский. С конца XX века в Республике Беларусь русский язык, наряду с белорусским, является государственным языком, что законодательно за-

креплено (статья 17 Конституции Республики Беларусь). Однако положение обоих языков нельзя признать равным.

Лингвисты констатируют смену языковой ситуации в республике в начале XXI столетия, определяя ее как переход от национально-русского (белорусско-русского) к русско-национальному (русско-белорусскому) двуязычию. Билингвизм белорусов активно ориентирован на русский язык и пассивно ориентирован на язык собственного этноса. Поэтому можно говорить о русско-белорусском двуязычии при подавляющем доминировании русского языка. Сегодня количество носителей литературного белорусского языка небольшое. Как правило, его используют представители тех сфер образования и культуры, где владение белорусским является частью профессии либо оппозиционной деятельности [Мечковская 2011].

Наравне с белорусским и русским языками в Беларуси существует так называемая смешанная речь, или трасянка. Под данным термином понимают «множество и стихийно по-разному русифицированных индивидуальных вариантов белорусской речи» [Мечковская 1994]. Для трасянки характерны белорусская фонетика и интонация, смешанная морфология и русская и белорусская лексика. По данным исследовательского проекта «Трасянка в Беларуси — смешанный код как продукт белорусско-русского языкового контакта», проведенного лингвистами Ольденбургского университета им. Карла фон Осецкого (Германия), филфака БГУ и сотрудниками Центра социологических и политических исследований при БГУ [Хентшель, Киттель 2011: 62–78], в настоящее время именно смешанная речь имеет более широкое распространение, чем многие предполагают. Именно трасянку респонденты чаще называли в качестве родного языка. Трасянку назвали языком коммуникации большинство респондентов, которые родились в сельской местности. Сегодня ошибочно полагать, что именно в сельской местности преобладает «нетронутый» литературный белорусский язык. Влияние процессов глобализации, средств массовой коммуникации, Интернета способствует активизации процессов интерференции (сознательного или несознательного употребления элементов одного языка в процессе использования другого). И надо признать, что сегодня в Беларуси в языковой среде в основном преобладает русский язык. Его влияние настолько велико, что на данном историческом этапе коммуникативные функции белорусского языка значительно снижены. В этом плане очень показательным наблюдением молодого человека из обсуждения в социальных сетях: «В Белоруссии человек, не знающий белорусского, но знающий русский, чувствует себя как дома.

А человек, знающий белорусский, но почему-то не знающий русского, в любом городе будет чувствовать себя натуральным иностранцем».

По данным переписи населения 2009 года, несмотря на то что более половины населения Беларуси родным языком назвали белорусский (53,2%, русский — 41,5%), основным языком, используемым для общения, является русский. На нем обычно разговаривает дома более 70% населения. Белорусский язык используют для общения чуть более 23% [Волынец, Ратникова 1997: 219–223]. Данный факт лишь подтверждает существование внутреннего межъязыкового конфликта в Беларуси, проявляющегося в интерференции: в русских текстах очень часто встречаются элементы белорусского языка, а в белорусских — русского. Это дало основание многим белорусским лингвистам (Г.А. Цихуну, Н.Б. Мечковской, А.А. Лукашанцу, И.С. Ровде) говорить о русском языке, функционирующем в Беларуси, как о полномочном варианте русского языка. С этим утверждением связана цель данной работы — анализ особенностей русской речи современных белорусских студентов (на примере БГЭУ).

Родным языком современная молодежь чаще называет русский («Это язык, на котором я думаю»). В качестве языка коммуникации современный студент, как правило, также выбирает русский, подтверждая подавляющее доминирование русского языка в Беларуси. И этот русский далеко не всегда можно назвать смешанной речью (трасянкой), хотя, конечно, речи современной молодежи присущи некоторые признаки, отличающие русский язык на территории Беларуси.

Наиболее сильно интерференция проявляется на уровне фонетики. Белорусский акцент составляют специфически белорусские особенности: дзеканье (звонкая аффриката [дз] на месте мягкого [д]), цеканье ([тс] на месте мягкого [т]: тетя, термин). Такие фонетические особенности, как произнесение звука [г] фрикативного, твердых [ч], [шч], [р] перед йотированными гласными *е, и, я* (*рака (река), Бранск (Брянск)*), уже практически исчезли из языка молодежи, хотя являются яркой чертой русской речи предыдущих поколений. Влияние белорусской орфоэпии проявляется и в произношении фонем <е>, <о>, <а> в первом предударном слоге после мягких согласных. Согласно белорусским нормам произношения, в указанной позиции на месте этих фонем должен произноситься более отчетливый звук [’а], наблюдается яканье. В русском языке ему соответствует иканье, то есть произношение нормативного редуцированного гласного переднего ряда, близкого к [и]. «Якающая» русская речь белорусов приобретает признаки полноголосия и кажется более певучей, чем русская речь русских. Также отсутствует

редуцирование гласного в первом предупредном слого, характерное для русской речи, особенно московского говора [м'лако] — [малако], [к'рова] — [карова].

Практически не встретить в речи студентов архаическое ассимилятивное смягчение звуков в словах *две, ангел, твердый* и др. Слово *дождь (дожди)* белорус не произнесет с долгими мягкими [ж] и [ш], звук [д] с вариантом [т] слышится в этом слове отчетливо. Очень редко встречается произношение *жюри* с мягким [ж']. Отсутствуют архаичные варианты типа *верх, четверг, первый* с мягким [р'].

Особенно отчетливо перечисленные особенности проявляются в речи представителей сельской местности или небольших населенных пунктов, где еще можно услышать приближенную к литературной белорусскую речь у представителей старших поколений.

По общепринятому мнению, некоторые отступления от акцентологических норм русского литературного языка в речи белорусов могут быть связаны с параллельными вариантами белорусского языка (где употребление считается нормативным): рус. *крапива* — бел. *крапіва*, рус. *верба* — бел. *вярба*, рус. *некоторый* — бел. *некаторы*, рус. *звонит* — бел. *звониць*, глагольные формы прошедшего времени женского рода: рус. *брала* — бел. *брала* и др.

Однако вполне вероятно, что подобные ошибки никак не связаны с влиянием белорусского языка на русский, а являются результатом элементарной безграмотности. Современное молодое поколение (особенно городское) уже в меньшей степени испытало влияние белорусского языка, так как среда, в которой оно выросло, была преобладающе русскоязычной: русскоязычная школа (минимум уроков белорусского языка и литературы), русскоязычное окружение, русскоязычные телевидение и Интернет и т.д. Если и есть сегодня влияние белорусского языка, то оно опосредовано (через старшее поколение, владеющее белорусским), так как молодые люди чаще не говорят по-белорусски. Большинство из них белорусский язык усвоен искусственно: «...не от матери и даже не на школьных уроках белорусского, а путем самостоятельного изучения» [Мечковская 1994: 123]. Усваивать акцентологические нормы русского языка белорусы начинают еще в школе (не только в словах, различающихся ударением в русском и белорусском языках, но и в трудных случаях постановки русского ударения). Отличается и ИК русскоязычных белорусов: повышение силы звука на последнем слого: [здрасце], [алё], [ты відз'эла].

В условиях двуязычия особенно интенсивно протекают процессы интерференции в лексике. Именно на этом уровне наиболее очевидно проявляет-

ся трясанка, в которой нарушаются нормы как русского, так и белорусского языка.

В речи белорусских студентов параллельно с русскими активно употребляются некоторые белорусские лексемы: *бульба* (рус. *картошка*), *хата* (рус. *дом*), *жонка* (рус. *жена*), *хлопец* (рус. *парень*), *бацька* (рус. *отец*), *грошы* (рус. *деньги*), *добра* (рус. *хорошо*), *гарэлка* (рус. *водка*), *сябры* (рус. *друзья*), *працаваць* (рус. *работать*), *бусел* (рус. *аист*), *крыніца* (рус. *родник, источник*), *зничка* (рус. *звезда*), *шилда* (рус. *вывеска, табличка*), *спадар* (рус. *господин*), *батьковщина* (рус. *отечество*), *сциплы* (рус. *скромный*), *гаротны* (рус. *несчастный*), *шуфляда* (рус. *выдвижной ящик стола*) и др. Белорусские лексические вкрапления могут придавать речи дополнительный национально-культурный характер или разговорный (часто иронически-сниженный) тон.

Только употребляя некоторые белорусские лексемы, можно придать русской речи определенную стилистическую окраску: *Меня угощали такими прысмакамі!* (бел. *прысмакі* имеет большую яркость и экспрессивность, чем рус. *вкусности*); *Погода нам спрыяла* (употребление рус. *благоприятствовала* придало бы фразе книжный оттенок); *Я трохі (трошечки) опоздаю*. Среди лингвистов есть мнение, что «большинство белорусскоязычных вкраплений — это прямые апелляции к затекстной информации» [Норман 2010: 16].

В русской речи белорусов присутствуют белорусские выражения, которым очень сложно подобрать соответствующий эквивалент в русском языке (например, *агульная млявасць і абьякавасць да жыцця; з глузду з'ехаў; няма дурных*). В речи студентов они употребляются в качестве жаргонизмов.

Белорусские антропонимы, как правило, не переводятся на русский язык: *Рыгор, Янка, Ясь, Алесь, Алеся, Михась, Язэп, Змитрок, Змицер, Винцук*. Особенно если они являются составляющими имени известной белорусской личности (*Рыгор Бородулин, Янка Купала, Янка Брыль, Змитрок Бядуля* и т.д.).

Еще одно отличие русского языка в Беларуси — наличие своей системы прецедентных названий (ключевых имен культуры). В нашей речи всегда будут присутствовать слова, которые касаются нашей белорусской жизни и культуры: название праздника *Купалье*, название хлеба *Спадчына* или печенье *Слодыч*. В настоящее время на улицах городов все чаще появляются «колоритные» надписи на белорусском. Не думаем, что современному студенту захочется искать эквиваленты им в русском (да и всегда ли возможно это сделать?): *встретимся в «Салодком фольварке», зашел в «Раковский бровар», заедем в «Кирмаиш», пообедал в «Страўне»*.

Морфология наиболее консервативна по отношению к изменениям. Однако в условиях двуязычия отдельные случаи интерференции имеют место. В русской речи белорусов наблюдается морфологическая интерференция в виде перенесения грамматических отношений родного языка на русский язык и наоборот. Так, например, в русском и белорусском языках может по-разному выражаться категория рода у имен существительных: рус. *собака* (ж. р.) — бел. *сабака* (м. р.), рус. *боль* (ж. р.) — бел. *боль* (м. р.), рус. *яблоко* (ср. р.) — бел. *яблык* (м. р.), рус. *медаль* (ж. р.) — бел. *медаль* (м. р.), рус. *гусь* (м. р.) — бел. *гусь* (ж. р.), рус. *полюнь* (ж. р.) — бел. *палын* (м. р.) и т.д. Этой особенности достаточно внимания уделяется в школьном курсе, поэтому студенты редко ошибаются в определении рода подобных лексем.

Русский и белорусский языки различаются реализацией категории числа имен существительных: рус. *черника, малина, брусника, клюква, крупа* единственного числа — бел. *чарніцы, брусніцы, журавіны, маліны, крупы* имеют форму множественного числа; рус. *чернила, белила, макароны, сумерки* употребляются только во множественном числе, бел. *чарніла, бяліла, макарона, змрок* — только в единственном числе.

В русском и белорусском языках формы некоторых слов могут совпадать в единственном числе, а во множественном различаться: рус. *бок, бока* — бел. *бакі*; рус. *крыло, крылья* — бел. *крылы*; рус. *брат, братья* — бел. *браты* и т.д.

Возможны ошибки при склонении: *без погонов, мы с папом, по окне* и др., использование укороченного варианта суффикса несовершенного вида глаголов: *подкрадваться, выкраивать* и др.

Расширено употребление глаголов с возвратной морфемой *-ся* по аналогии с белорусским языком, на те глаголы, которые в русском языке постфикса не имеют: *забылся конспект*.

Происходит грамматическое калькирование фразеологизмов. В белорусском языке *не маю часу, няма часу, няма калі* эквивалентны русским *нет времени, некогда*. Но в русской речи белорусов встречаются *не имею времени, нет когда, не имею когда*, что является калькой.

На уровне синтаксиса в русской речи часто встречается ошибочное управление, связанное с переносом предлогов, характерных для белорусского языка, в русскую речь: *прийти со школы* (рус. *прийти из школы* — бел. *прыйсці са школы*), *стоять на коридоре* (рус. *стоять в коридоре* — бел. *стаяць на калідоры*), *смеяться с меня* (рус. *смеяться над кем* — бел. *смяяцца з каго*), *мне болит голова* (рус. *у меня болит голова* — бел. *мне баліць галава*), *заведующий кафедры* (рус. *заведующий кафедрой* — бел. *загадчык кафедры*),

два большие дерева (рус. два больших дерева — бел. два вялікія дрэвы), благодарить кому (рус. благодарить кого — бел. дзякаваць каму), жениться с кем (рус. жениться на ком — бел. ажانیцца з кім), пойти по ягоды, по грибы, по хлеб (рус. пойти за ягодами, за грибами, за хлебом — бел. пайсці па ягады, па грыбы, па хлеб) и др.

Выводы. Русская речь современных белорусских студентов не имеет принципиального отличия от речи русских студентов. Многие речевые ошибки вызваны и у одних, и у других незнанием норм русского языка.

Особенности, обусловленные влиянием белорусского языка, не столь значительны и связаны не столько с интерференцией, сколько с влиянием языка Интернета, растущим этносамосознанием, модой на белорусское, языковой игрой.

Литература

Волынец, Т., Ратникова И. Социокультурные процессы в Беларуси и двуязычие / Т. Волынец, И. Ратникова // Лингвистические и культуроведческие аспекты русского языка в сопоставлении с родным: Доклады Междунар. конф. 11–14 октября 1996 г. Пловдив, 1997. С. 219–223.

Мечковская Н.Б. Языковая ситуация в Беларуси: Этические коллизии двуязычия // Russian Linguistics. 1994. Vol. 18. P. 312.

Мечковская Н.Б. Почему в постсоветской Беларуси все меньше говорят на белорусском языке? // Неприкосновенный запас. 2011. №6 (80). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/6/>. Дата обращения: 20.09.2015.

Норман Б.Ю. Русский язык в современной Беларуси: практика и норма // Русский язык. 2010. № 6.

Перепись населения Республики Беларусь 2009 года. URL: <http://census.belstat.gov.by/pdf/BOOK-ru-RU.pdf>. Дата доступа: 20.09.2015.

Хентшиель Г., Киттель Б. Языковая ситуация в Беларуси: мнение белорусов о распространённости языков в стране // Социология. 2011. № 4. С. 62–78.

РУССКИЕ СОЦИОЛЕКТЫ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ: К ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ

Ключевые слова: арго, жаргон, парадигма, разговорная речь, сленг, словари, социолектология, термин.

Русская социолектология — наука с традициями¹, но относительно молодая, не вполне устоявшаяся и пока еще не нашедшая в полной мере системного отражения в лексикографии, часть которой может называться социолексикографией. Некоторая неупорядоченность, неустойчивость вопроса начинается с терминологии. В последнее время исследователи все чаще используют термин *социолектология*, по аналогии с *диалектология* — *социальная диалектология*, отсюда и основной объект — *социолекты*, *социолектизмы*. Однако сохраняется и традиционный термин *жаргонология* (см.: [Герд 2005]), а значит, и термины *жаргон*, *жаргонизмы* — лексические, семантические, идиоматические единицы языкового субстандарта, социально ограниченные, находящиеся за пределами кодифицированной языковой нормы. Термин *социолект* (и *социолектизмы*), несомненно, удобен, поскольку воспринимается как родовой по отношению к видовым названиям: *арго*, *жаргон*, *сленг*. При этом наличие в отечественной лингвистической науке и речевой практике трех разных названий с не вполне неясным и определенным различием также свидетельствует о некоторой неупорядоченности, неясности.

Между тем, если рассматривать триаду *арго* — *жаргон* — *сленг* (см.: [Химик 2000: 11–17]) как своеобразную парадигму русского социолекта, отражающую три этапа развития и функционирования социально-профессионального субстандарта и представляющую типологическую иерархию социолектизмов по их состоянию, роли в речи, то такая иерархия и дифференциация русских социолектизмов должны находить определенное отражение и в словарях. Суть парадигмы в следующем.

¹ См., например: Срезневский 1839; Тихонравов 1854; Тиханов 1895; Шейн 1899; Романов 1901; Ларин 1931; Стратен 1931; Жирмунский 1936; Котков 1949; Бондалетов 1987 и другие работы.

Арго — это закрытые арготические социолекты, состоящие исключительно из арготизмов, недоступных для непосвященных: условные (тайные, офенские) языки ремесленников-отходников XIX — начала XX века (*биямщик* — ‘стекольщик-отходник’, *лейкать* — ‘резать’, *паруха* — ‘изба’ и т. п.), воровские арго (*выначить* — ‘выманить’, *сары* — ‘деньги’, *слам* — ‘добыча’ и т.п.). И хотя закрытый, арготический характер лексики имеют и некоторые профессиональные социолекты (военных, медиков, программистов и т.п.), в составе которых имеются и собственно арготические, терминоидные единицы, однако название *арго* по традиции связывают, прежде всего, с уголовным жаргоном [Грачев 1997: 11]. Но и здесь наблюдается терминологический разнобой: *воровское арго*, *тюремно-лагерное*, *блатной жаргон*, *язык отверженных*, *деклассированных*, *асоциальных элементов*, *уголовное*, *криминальное арго*, *жаргон преступного мира*, не говоря уже о множестве самоназваний, которые встречаются и в языке научной литературы: *блат*, *фэня*, *блатная музыка*, *байковский язык* и т.п. Разумеется, вся эта вариативность означает не только разные аспекты и оценки явления, но и широкое разнообразие самого объекта, наличие в составе уголовного жаргона множества внутренних подсистем. И это объективное обстоятельство отражается в терминах и в названиях арготических словарей (например, [Грачев 2003]).

По хронологии словари русского уголовного арго можно разделить на досоветские, раннесоветские, зарубежные и постсоветские. Досоветских и раннесоветских арготических словарей немного¹, несколько больше изданных за рубежом². В советское время словари уголовного арго почти не издавались (по идеологическим причинам), и поэтому довольно много появилось словарных работ в постсоветское, перестроечное время³, правда, в большинстве своем не вполне профессиональных или с неглубокой лексикографической проработкой, но с богатым в целом языковым материалом.

Второй член парадигмы русского субстандарта — **жаргоны**. Это нестабильные по употреблению и полуоткрытые социолекты, объединяющие более или менее доступные для широкого понимания слова и устойчивые единицы с яркой экспрессивной окрашенностью: подростковые, школьные, студенческие жаргоны, жаргоны спортсменов, охотников, чиновников, му-

¹ Авдеенко (Ванька Бец) 1903; Трахтенберг 1908; Попов 1912; 1923; 1927.

² Крестинские 1965; Флегон 1973; Бен-Якоб 1982; Скачинский 1982; Козловский 1983; Росси 1987; Shlyakhov, Adler 1995.

³ Например: Вакутин 1990; Словарь воровского языка 1991; Толковый словарь уголовных жаргонов 1991; Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона 1992; Быков 1994; Юганов, Юганова 1994.

зыканти, офисных работников, официантов, стюардесс и многих других представителей разного рода групповых объединений и/или практической деятельности. В составе таких жаргонов встречается и некоторое количество единиц узкогрупповой терминой тематики (арготизмов), но в основном это экспрессивные жаргонизмы бытового или околопрофессионального назначения: *дембель, водила, крыжить, приходник, фанера, шпора* и т.п. Отечественная лексикография жаргона в этом его специальном представлении развита слабо, словарей социально-групповых и профессиональных жаргонов не так уж много¹, зато довольно часто встречаются разного рода материалы к словарям, жаргонные лексиконы с комментариями к ним или без таковых², особенно в Интернете³.

Третий член социолектологической парадигмы — **сленг**. В отличие от арго и жаргона, *сленг* рассматривают как явление наддиалектное, со слабой или утраченной профессионально-групповой принадлежностью (см.: [Жирмунский 1936: 153]), интегральное (см.: [Гальперин 1956; Хомяков 1971]). Сленг — это относительно стабильная и практически открытая подсистема ненормативных лексико-фразеологических единиц разговорно-обиходной речи, которая, однако, сохраняет общую жаргонную окрашенность (*беспредел, верняк, в шоколаде, знобить, кайф, менты, облом, по жизни, халява* и т.п.) и активно используется в качестве особого стилистического регистра, предназначенного для выражения усиленной экспрессии и оценочной окраски. Например:

Это он нас, выходит дело, кинуть хотел? Службную квартиру впарить?.. Разумеется, Рябинин не хотел ни кидать, ни впаривать, напротив: хотел он совершить все по самым честным правилам (А. Волос. Недвижимость). *Народу эта ваша риторика — «Бог», «миссия», «искупление» — до полной фени...* (А. Понизовский. Обращение в слух).

В качестве третьего члена парадигмы социолектов *сленг* сомнения не вызывает, но как термин порождает споры и поиски альтернативного названия, каждое из которых, на самом деле, характеризует одну из сторон рассматриваемого вида социолектизм. Например: *полужаргон* (по аналогии с *полудиалект* [Жирмунский 1976]) — промежуточный, переходный социальный статус субстандартных единиц; *интержаргон* [Серебренников

¹ См., например: Клыков 1968; Коровушкин 2000.

² Рожанский 1992; Пономарев 1996; Макловски, Кляйн, Щуплов 1997.

³ См.: Биржевой жаргон [б.г.]; Словарь солдатского жаргона [б.г.]; Наркоманский словарь [б.г.]; Онлайн-словарь компьютерного сленга [б.г.]; Словарь компьютерного жаргона [б.г.]; Сленг турагента [б.г.] и др.

1970] — наддиалектный характер, сближающий разные социальные варианты речи; *жаргоноиды* [Быков 1994] — подобные жаргонизмы; *общий жаргон* [Ермакова, Земская, Розина 1999] — фактор общеизвестности, популярности, а также косвенное наименование — слова *жаргонизированной разговорной речи* («жрр») [Мокиенко, Никитина 2000: 15]. Как можно видеть, использование альтернативных терминов отражает многоаспектность и сложность рассматриваемой позиции в парадигме социолектов, которая объединяет социолектизмы, входящие или имеющие тенденцию к вхождению в русскую разговорную речь. Единственный опыт лексикографического объединения и описания части таких жаргонизмов/сленгизмов предпринят в специальном словаре с говорящим названием «Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона» [Ермакова, Земская, Розина 1999].

Наиболее полные собрания «общих» социолектизмов представлены в словарях так называемого молодежного жаргона, или сленга¹. Почему «так называемого» и почему именно в этих словарях? С одной стороны, молодежный сленг фактически распадается на ряд субжаргонов, различающихся по возрасту его носителей (подростковые, школьные, уличные), по региону использования², по интересам или занятиям молодых людей (студенческие, музыкальные, спортивные, компьютерные и прочие). С другой стороны, именно этот интегральный жаргон, молодежный сленг объединяет в «верхнем» своем слое максимальное число общих слов и идиом — *сленгизмов*, которые встречаются у носителей разных жаргонов, в разных субжаргонах молодых людей. И не только, впрочем, молодых, хотя именно в речи молодежи многие жаргонизмы подвергаются социализации, популяризации, становятся общим жаргоном, или сленгизмами, и проникают в разговорную речь.

И здесь мы подходим к главному в соотношении социолектологии и корпуса ее единиц и лексикографии: как отражаются русские социолектизмы в словарях общего типа? какое место должен занимать жаргон в толковых словарях?

Если следовать парадигме *арго — жаргон — сленг*, то нельзя не принять следующее. *Арготизмы* должны быть представлены в специальных арготических словарях русского языка, среди которых наиболее известные и разработанные — словари уголовного арга. *Жаргон* в предложенном по-

¹Никитина 1998; Щуплов 1998; Словарь молодежного жаргона 1992; Левиков 2003.

²Напр.: Елистратов 1994; Живая речь 1995; Вахитов 2001; Рюмин 2004; Никитина, Рогалева 2006.

нимании — предмет специальных словарей социально-групповых и профессиональных жаргонов. С некоторыми оговорками к этому лексикографическому типу можно отнести и большинство существующих словарей молодежного жаргона. Однако самый заметный объект таких словарей — это *сленг*, или *общий жаргон*, который должен быть предметом лексикографического описания в словарях общего типа — толковых.

Как известно, существует два основных типа толковых словарей: нормативные и описательные. Нормативные, или предписывающие, — это словари, ориентированные на литературный язык, на более или менее строгие ограничения в выборе и описании слов и сочетаний, на ту часть русского национального лексикона, которую принято считать литературной¹. Из всего корпуса русских социолектизмов на представление в нормативных толковых словарях могут претендовать только некоторые *сленгизмы*, *общий жаргон* — наиболее освоенные и относительно нейтрализованные слова с сохраняющейся в той или иной мере жаргонной окраской (типа *беспредел*). Таковы практика и сложившаяся традиция: фактическими ограничителями отбора являются также нормы этические и эстетические, которые закрывают путь в нормативные словари единицам низким, вульгарным, обценным.

Иную цель преследуют дескриптивные толковые словари, описательные, которые представляют и описывают все существующие в общенациональном речевом обороте слова и устойчивые сочетания. Образец такого словаря — «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля. По дескриптивному принципу построен «Большой словарь русского жаргона» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной, который, по замыслу, объединяет все существующие социолектизмы, а по жанру является своеобразной лексикографической хрестоматией — собранием данных всех (до 2000 года) словарей и исследований русских жаргонов.

И все же для дескриптивных словарей русского языка определенные рамки, границы, если не нормативные, то функциональные, тоже необходимы. Нижней границей включения ненормативных лексических, семантических и фразеологических единиц в создаваемые или уже созданные толковые словари² описательного типа является их общеизвестность, общепонятность — базовый, хотя и в некоторой мере условный критерий. Впрочем, эта

¹ Например: Словарь русского языка 1981–1984; Ожегов, Шведова 1992; Большой толковый словарь 1998; Ефремова 2005; Большой академический словарь 2004–2014 и другие известные и авторитетные издания.

² Квеселевич 2003; Словарь современного 2003; Химик 2004; Толковый словарь 2014.

условность преодолевается в той или иной мере современными средствами: высокая частотность и общепонятность некоторых субстандартных единиц легко проверяется с помощью поисковых систем Google и «Яндекс».

Что же касается непосредственно социолектизм, то, согласно критерию общеизвестности и общепонятности, в толковые словари описательного типа — их обычно называют словарями разговорной речи — должны входить некоторые более или менее известные социально-групповые и профессиональные жаргонизмы, а также, вне всякого сомнения, все *сленгизмы*, или *общий жаргон*, как неотъемлемая часть современного разговорно-обиходного и отчасти публичного речевого общения, как особый стилистический регистр жаргонизированной разговорной речи.

Литература

- Быков В. Жаргоноиды и жаргонизмы в речи русскоязычного населения («Новые» слова и значения в современном русском языке) // Русистика. Берлин, 1994. № 1–2.
- Гальперин И.Р. О термине «слэнг» // Вопр. языкознания. 1956. № 6.
- Герд А.С. Жаргонология: предмет, объект и типы единиц // Грани слова: Сб. науч. ст. к 65-летию проф. В.М. Мокиенко. М., 2005. С. 614–621.
- Грачев М.А. Русское арг. Н. Новгород, 1997.
- Грачев М.А. Словарь тысячелетнего русского арг. М., 2003.
- Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона / Под общ. рук. Р.И. Розиной. М., 1999.
- Жирмунский В.М. Национальный язык и социальные диалекты. М.; Л., 1936.
- Жирмунский В.М. Проблема социальной дифференциации языков // Общее и германское языкознание: Избранные труды. Л.: Наука, 1976.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000.
- Серебренников Б.А. Территориальная и социальная дифференциация языка // Общее языкознание: Формы существования языка. функции, история языка / Отв. ред. Б.А. Серебренников. М., 1970.
- Химик В.В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб., 2000.
- Хомяков В.А. Введение в изучение сленга — основного компонента английского просторечия. Вологда, 1971.

Словари

- Авдеенко И. А. (*Ванька Бец*). Босаяцкий словарь: Опыт словотолкователя выражений, употребляемых босаяками: Сост. по разным источникам. Одесса, 1903.
- Бен-Якоб Б. Словарь арг. ГУЛага. Frankfurt/Main, 1982.
- Биржевой жаргон. [Б.г.] URL: ru.forex-mmcis.com/books/Dictionaries/The...Russian...
- Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К.С. Горбачевич. М.; СПб., 2004–2014.

- Большой толковый словарь русского языка* / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998.
- Бондалетов В.Д.* Типология и генезис русского арго. Рязань, 1987.
- Быков В.* Русская фея. Словарь современного интержаргона асоциальных элементов. Смоленск, 1994.
- Вакутин Ю.А.* Словарь жаргонных слов и выражений. Татуировки: для служебного пользования. Омск, 1990.
- Вахитов С.* Словарь уфимского сленга. Уфа, 2001.
- Елистратов В.С.* Словарь московского арго: Мат-лы 1980–1994 гг. М., 1994.
- Ефремова Т.Ф.* Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. 2-е изд. М., 2005.
- Живая речь уральского города: Тексты.* Екатеринбург, 1995.
- Жирмунский В.М.* Национальный язык и социальные диалекты. М.; Л., 1936.
- Квеселевич Д.И.* Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. М., 2003.
- Клыклов А.А.* Краткий словарь рыбацких слов. М., 1968.
- Козловский В.* Собрание русских воровских словарей. Т. 1–4. New York, 1983.
- Коровушкин В.П.* Словарь русского военного жаргона: нестандартная лексика и фразеология вооруженных сил и военизированных организаций... Екатеринбург, 2000.
- Котков С.И.* Условный язык орловских шорников // Мат-лы и исследования по русской диалектологии. Т. III. М., 1949.
- Крестинскине М.М.* Краткий словарь современного русского жаргона. Frankfurt a. M., 1965.
- Ларин Б.А.* Западноевропейские элементы русского воровского арго // Язык и литература. Т. 7. Л., 1931.
- Левиков С.И.* Большой словарь молодежного сленга. М., 2003.
- Макловски Т., Кляйн М., Шуплов А.* Жаргон-энциклопедия музыкальной тусовки. М., 1997.
- Наркоманский словарь* Баяна Шириянова. [Б.г.]. URL: // http://cannabismoon.net/ru/books/dictionary/sl_nark_bayan.html.
- Никитина Т.Г.* Так говорит молодежь: Словарь сленга. СПб., 1998.
- Никитина Т.Г., Рогалева Е.Н.* Региональный словарь сленга (Псков и Псковская обл.). М., 2006.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992.
- Онлайнный словарь компьютерного сленга.* [Б.г.] URL: slovari.net/contents.php?sl=ej.
- Пономарев В.Т.* Бизнес-сленг для «новых русских». Донецк, 1996.
- Попов В.М.* Словарь воровского и арестантского языка. Киев, 1912.
- Потапов С.М.* Блатная музыка. М., 1923.
- Потапов С.М.* Словарь жаргона преступников: Блатная музыка. 2-е изд. М., 1927.
- Рожанский Ф.И.* Сленг хиппи: материалы к словарю. СПб.; Париж, 1992.
- Романов Е.Р.* Катрушницкий лемезень. Условный язык дрибинских шаповалов. СПб., 1901.
- Росси Ж.* Справочник по ГУЛАГ'у: Исторический словарь советских пенитенциарных институций и терминов, связанных с принудительным трудом. 2-е изд. London: Overseas Publications Interchang Ltd., 1987.

Рюмин Р.В. Лексико-семантическая организация молодежного жаргона (на материале речи молодежи г. Вологды). Череповец, 2004.

Скачинский А. Словарь блатного жаргона в СССР. Нью-Йорк, 1982.

Сленг турагента. [Б.г.]. URL: <http://www.tourvest.ru/azbuka/sleng/>.

Словарь воровского языка: Слова, выражения, жесты, татуировки. Тюмень, 1991.

Словарь компьютерного жаргона. [Б.г.] URL: win.www.sci-nnov.ru/~phil/computer/index.

Словарь молодежного жаргона: Слова, выражения, клички рок-звезд, прозвища учителей / Под ред. И.А. Стернина. Воронеж, 1992.

Словарь русского языка. Т. 1–4 / Гл. ред. А. П. Евгеньева. М., 1981–1984.

Словарь современного русского города / Под ред. Б.И. Осипова. М., 2003.

Словарь солдатского жаргона / Запись Я. Бройдо. [Б.г.]. URL: <http://lib.web-malina.com/getbook.php?bid=76>.

Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (Речевой и графический портрет советской тюрьмы) / Авт.-сост.: Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Исупов. М., 1992.

Срезневский И.И. (И. Срезнев). Афинский язык в России // Отечественные записки. 1839. Т. V.

Стратен В.В. Арго и арготизмы // Труды комиссии по русскому языку. Т. I. Л., 1931.

Тиханов П. Брянские старцы. Тайный язык нищих. Этнологический очерк. [Б.м.] 1895.

Тихонравов К. Офени Владимирской губернии // Журнал министерства внутренних дел. 1854. Ч. 9.

Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1. А–И / Отв. ред. Л.П. Крысин. М., 2014.

Толковый словарь уголовных жаргонов / Под ред. Ю.П. Дубягина и А.Г. Бронникова. М., 1991.

Трахтенберг В.Ф. Блатная музыка («Жаргонъ тюрьмы») / Под ред. и с предисл. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. СПб., 1908.

Флегон А. За пределами русских словарей. London: Flegon Press, 1973.

Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб., 2004.

Шейн П.В. К вопросу об условных языках // Известия ОРЯС. 1899. Т. IV.

Щуплов А. Жаргон-энциклопедия современной тусовки. М., 1998.

Юганов И., Юганова Ф. Русский жаргон 60–90-х годов. Опыт словаря / Под ред. А.Н. Баранова. М., 1994.

Shlyakhov V., Adler E. Русский сленг. Dictionary of Russian Slang & Colloquial Expressions. Barron's Educational Series, Inc. New York, 1995.

РУССКИЙ РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ И СЛОВАРЬ КОММУНИКАТИВОВ ДЛЯ ИНОСТРАННОЙ И ДЛЯ РУССКОЙ АУДИТОРИИ

Ключевые слова: диалог, коммуникативы, лексикография, лингвистическая прагматика, речевой этикет.

Речевой этикет принято рассматривать как с теоретических позиций, как систему правил речевого поведения наряду с другими принятыми формами бесконфликтного поведения в общественном месте, так и с практических позиций, как описание общепринятых стереотипных оборотов и их использования в стандартных ситуациях социального взаимодействия.

Общая теория речевого этикета основывается на работах по языковой прагматике, теории коммуникации и принципов вежливости (см.: [Грайс 1985, Leech 1983, Brown, Levinson 1987 и др.]). Теоретическое описание русского речевого этикета представлено в работах В.Е. Гольдина [1983], Н.И. Формановской [1982; 1998; 2009 и др.], Р. Ратмайр [1997; 2003], М.А. Кронгауза [1999; 2008] и др.

С практических позиций речевой этикет рассматривается как языковое оформление социально принятых речевых действий на разных стадиях диалога. Речевые действия представлены в основном шаблонными репликами (называемыми в разных работах *рутинами*, *прагматическими клише*, *речевыми* или *этикетными формулами* и т.д.). Формулы этикета группируются в списки по речевым интенциям говорящего лица: *привлечения внимания, обращения к знакомому / незнакомому адресату, знакомства* через / без посредника, *приветствия, прощания, поздравления / пожелания, благодарности, извинения, утешения* и некоторых других речевых действий.

Одно из дальнейших направлений в описании русского речевого этикета — описание этикетных и других частотных единиц диалога через их дискурсивную адекватность, уместность употребления в определенных социальных ситуациях. Знание таких единиц и умение пользоваться ими необходимы для успешного и бесконфликтного взаимодействия коммуникантов. Очень важны и пока крайне слабо описаны ответные реплики в

диалогических парах, короткие стереотипные высказывания междометного типа, которые принято называть коммуникативами.

Класс коммуникативов состоит из нескольких групп, имеющих как общие, так и специфические характеристики: это грамматические идиомы (*Ну да; Еще бы; Вряд ли; Вот как?; Так и быть; Никаких!* и т.п.), предикативы (*Обязательно!; Да ладно, Годится; Точно!; Чудно!; Кранты!* и т.п.) и речевые формулы (*На здоровье!; С Богом!; Спасибо на добром слове!; На нет и суда нет!; Знай наших!; Это другое дело!* и т.п.).

Для иностранной аудитории в первую очередь интересны наиболее употребительные и «модные» коммуникативы, которые иностранцы встречают в художественной литературе и в речи носителей русского языка. Активное усвоение этих единиц по аналогии с обычной лексикой затрудняется ввиду особых дискурсивных правил использования коммуникативов, пока подробно не описанных.

Специфика адекватного использования коммуникатива связана с неотрывностью его от инициирующей реплики, ее синтаксического оформления, ее иллокутивного типа и «спрятанных» в ней представлений и эмоций собеседника. Подробное описание языковых и дискурсивных свойств коммуникативов представлено в работе [Шаронов 2015].

В данной статье мы остановимся только на некоторых аспектах употребления коммуникативов, связанных с этикетным и дискурсивным характером ведения диалога, и рассмотрим употребление единиц из трех вышперечисленных групп коммуникативов. Ошибки при выборе наиболее оптимального коммуникатива для той или иной диалогической ситуации различаются в диапазоне от легкой стилистической или этикетной шероховатости до полной коммуникативной неудачи.

Грамматические идиомы

Как известно, для выражения положительного и отрицательного ответа, подтверждения и возражения в русском языке используются, соответственно, коммуникативы *Да* и *Нет*. У этих единиц есть значительный набор вариантов (дуpletов и сочетаний) с модифицирующими частицами, употребление которых не описано ни в грамматиках, ни в словарях. Между тем механическая замена *Да* или *Нет* на их варианты в целом ряде коммуникативных ситуаций оказывается дискурсивно усложняющей, неудачной или даже невозможной. Ср. использование в одном контексте близких по значению единиц с центральным компонентом *нет* при выражении отрицания и несогласия:

— Вы знаете Марию Петровну Пименову?

(1) — Нет.

(2) — [?]Да нет.

(3) — [?]О нет.

(4) — ^{??}Нет-нет.

(5) — ^{??}Э, нет!

(6) — *Нет уж.

(7) *Ну нет.

Эксплицитное описание правил использования близких по форме и значению, но различающихся по употреблению единиц полезно и необходимо для иностранных студентов, лишенных по естественным причинам языковой интуиции.

Рассмотрим в качестве примера этикетной корректности проблему выбора коммуникатива подтверждения из нескольких вариантов (*Да; Да-да; О да; Ну да*) в ситуации долгого ожидания.

В ответ на нетерпеливый вопрос: *Приехал ли наконец Иван Петрович?* коммуникативно правильный ответ *Да, приехал, подождите одну минуту* может быть воспринят как этикетно неудачный, холодно-отчужденный или даже враждебный. Здесь правильно использовать «успокоительно» подтверждающий коммуникатив *Да-да (Да, да): Да-да, приехал, подождите одну минуту*. Данный коммуникатив используется в ситуациях, когда, подтверждая, нужно снять беспокойство собеседника.

Ср.: — *Первым делом: все ли здоровы?*

— *Да, да, успокойся. Все в порядке* (Б. Пастернак. Доктор Живаго).

Работать будешь по вечерам. Тебе есть с кем оставить своего мальчика? И дала мне бумажку. Я говорю — да, да. Всё в порядке. За Сережу можете не беспокоиться (А. Геласимов. Жанна).

Коммуникатив *О да* в рассматриваемой коммуникативной ситуации будет звучать странно. В отличие от британского аналога, *О да* в современном русском диалоге используется нечасто и обычно указывает на важность, значительность подтверждаемой информации и в связи с этим на некоторую озабоченность говорящего.

— *Доктор, — шепотом спросил потрясенный Рюхин, — он, значит, действительно болен?*

— *О да, — ответил врач* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

— *Что-нибудь произошло?*

— *О да. Вы ведь знаете, что бизнес подобен войне* (В. Пелевин. Чапаев и пустота).

Возможны, впрочем, и шутивно-иронические контексты, обыгрывающие заложенную в коммуникативе значительность обсуждаемой темы:

— *Марек тогда сказал, что она бессмертна, как марксистско-ленинская теория.*

Катя хмыкнула:

— *Остроумно.*

— *О да* (Л. Улицкая. Пиковая дама).

Коммуникатив *Ну да* в рассматриваемой нами ситуации, так же как и *Да*, будет невежливым, но по другой причине. Коммуникатив выдаст недоумение говорящего, ведь все знают, что Иван Петрович уже давно приехал.

Ну да используется в нескольких типовых контекстах, в которых выражает разные значения и, соответственно, по-разному интонируется. В указанном значении коммуникатив используется обычно при подтверждении факта, банального для говорящего, но вызывающего удивленный переспрос собеседника. Произносится он в таких ситуациях полувопросительно.

— *Но вообще я биолог, и у меня есть свой институт, который занимается созданием нового человека.*

— *Нового человека? — удивился я.*

— *Ну да, — подтвердил он. Нового человека* (В. Войнович. Москва 2042).

— *Первовампиры? — подозрительно переспросил дядя Герман.*

— *Ну да! Ты что, не знал, братик? — удивился Халявий* (Д. Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона).

Другой, более нейтральный контекст коммуникатива *Ну да* — согласие с субъективным мнением, оценкой собеседника. Произносится неспешно, после короткого обдумывания.

— *Что-то, Виктор Сергеевич, вы со всеми своими друзьями расстались, — наконец осторожно заметила Маша.*

— *Ну да, — подумав, согласился Служкин и закрыл альбом* (А. Иванов. Географ глобус пропил).

— *Вот вы, насколько я себе представляю, считаете, что искусство является всего лишь отражением жизни. Не так ли?*

— *Ну да, — сказал я. — В общем-то примерно так и считаю* (В. Войнович. Москва 2042).

Еще один типовой контекст использования *Ну да* — при подтверждении правильности догадки, которая содержится в уточняющем вопросе собеседника. Произносится *Ну да* в таких случаях быстро и эмоционально.

— *Она жила с другим человеком, и я там тогда... С этой, как ee...*

— *С кем? — спросил Бездомный.*

- *С этой... ну... с этой, ну...* — ответил гость и защелкал пальцами.
- *Вы были женаты?*
- **Ну да**, вот же я и щелкаю... (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).
- *Дайте мне тридцать рублей до вечера. <...>*
- *А зачем тебе?*
- *Шар такой!..* — Тоня взмахнула руками какой.
- *Водушный, что ли?*
- **Ну да**, — уже обрадовавшись, сказала Тоня (А. Битов. Большой шар).
- *Откуда это у тебя?*
- *Да все твой Граня. <...>*
- *Граня Живаго?*
- **Ну да**, твой омский брат Евграф (Б. Пастернак. Доктор Живаго).

Такого рода прагматическая информация полезна и для носителей русского языка, поскольку использование стереотипных диалогических оборотов не регламентировано литературным языком и основано исключительно на узусе. Прагматические ошибки, обусловленные нечувствительностью к языковому употреблению, — нередкое явление в речевой практике неискушенных носителей. Такие ошибки нарушают диалог, могут приводить к снижению престижа говорящего в глазах собеседника, затрудняют решение коммуникативных задач. В качестве иллюстрации возьмем пример из второй группы коммуникативов.

Предикативы

Толкование полнозначных слов можно обнаружить в любом толковом словаре. Не исключение и слово *Обязательно*. В МАС [т. 2] данное слово определяется как наречие и толкуется через синонимы ‘во что бы то ни стало, непременно’. Использование данного слова как коммуникатива во внимание не принимается, и анализ толковых словарей в целом показывает, что неучет диалогических контекстов для полнозначных слов, способных выполнять функции коммуникатива, — явление регулярное.

В позиции коммуникатива *Обязательно* используется в двух значениях:

- твердое, убедительное обещание в ответ просьбу, горячее согласие с предложением:

- *Так вы с ней поговорите?*

- **Обязательно**, — сказал я. — *Не думайте об этом. До свидания* (А. Волос. Недвижимость).

- *Не могли бы вы просмотреть мои контрольные работы? Мне, конечно, неудобно затруднять...*

— **Обязательно**, — сказал Аркадий Лукьянович, — я вам очень обязан... (Ф. Горенштейн. Куча).

— Будешь коньячок? — спросил он у Саши.

— **Обязательно** (З. Прилепин. Санька).

• убедительное подтверждение предположений собеседника, уверение в том, что ситуация под контролем и действие будет осуществлено:

[Галина:] *Мы здесь заживем дружно, верно? <...> По вечерам будем читать, разговаривать... Будем?*

[Зилов:] **Обязательно** (А. Вампилов. Утиная охота).

— *Значит, несмотря на некоторые пессимистические прогнозы, «Калина» будет?*

— **Обязательно!** (П. Меньших, В. Каданников. В Тольятти придут инвесторы // За рулем. 2003. 15 мая).

№ 3. *Боитесь / что он отомстит?*

№ 4. *Конечно / обязательно* (Беседа в Новосибирске (2003)).

В устной речевой практике *Обязательно* иногда используется и в контексте прошедшего времени. Однако такое его использование — маркер современного просторечия или намеренная игровая неправильность в речи образованных носителей языка.

— *Аркаш, ты в армии служил?*

— **Обязательно.**

— *Командовал отделением?*

— *Что, заметно?* (Е. Прошкин. Эвакуация).

Добрый вам денечек! Это я, Власик.

— *Ты что, Николай Сидорович, у меня ночевал, что ли?*

— **Обязательно, Ёсиф Высарьоныч! День был такой!**

— *Какой?*

— *Исторический, Ёсиф Высарьоныч!*

— *Ну и как, Власик, просох после «исторического»?*

— **Обязательно!** (Н. Джин. Учитель).

Этикетные и речевые формулы

В качестве примера особенностей употребления речевых формул рассмотрим использование коммуникатива *На здоровье!* В иностранной среде укоренилось неверное использование коммуникатива в качестве русского заздравного тоста, который иностранцы путают с коммуникативом: *Ваше здоровье!*

Среди гостей я заметил Алекса... <...> мне припомнилась его способность находить в любой американской Тмутаракани очаровательные рестораны и пабы... <...> Мы пожали друг другу руки и чокнулись.

— Салют.

— **На здоровье** (Б. Левин. Иностранное тело).

Как правильно использовать этот коммуникатив? В русском языке распространены вежливые формульные ответы на благодарность за подарок или за угощение. *Носите на здоровье* говорят в ответ на благодарность за подаренную одежду, *Пользуйтесь на здоровье* — за подаренную технику. *Кушайте / Пейте на здоровье!* — за принятое угощение. Коммуникатив *На здоровье!* является редукцией на последний из перечисленных типовой ответ. Опущение первого компонента *Кушайте / Пейте* привело к определенной трансформации в употреблении. Коммуникатив используют в ответ на благодарность уже **после** трапезы, когда сытому говорить «кушайте» бессмысленно.

Когда чашка и вазочка опустели, он благодушно откинулся на спинку стула и сказал:

— Большое спасибо.

— **На здоровье**, — ответила я (Мартовский кот // Истории из жизни. 2004).

Популярность коммуникатива *На здоровье!* привела к дальнейшему расширению его употребления в сторону неформальной игровой коммуникации, намеренно ненормативного использования коммуникатива в ответ на любую благодарность. При помощи *На здоровье!* говорящий пытается снизить пафосность ситуации, поставить под сомнение уместность благодарности в целом и т.п.:

— Ей напишут, — пообещал генерал... <...> — Я сам напишу.

Нефедов от этого еще сильнее смутился и ответил, кашлянув:

— Спасибо...

— **На здоровье**, — генерал поднял стопку. — И чего это мы с тобой раскаркались? Верней — я. Ничего не должно случиться (Г.Н. Владимов. Генерал и его армия).

(Разговор с офицером НКВД, который отвез освобожденную из тюрьмы в город.)

— Спасибо, — искренне говорю я, адресуя эти слова не Гайдукову, а куда-то поверх его головы.

— **На здоровье**, — улыбается он и добавляет: — *Завтра приходите к часу в «белый дом», ко мне, чтобы оформить подписку о невыезде* (Е.С. Гинзбург. Крутой маршрут).

При помощи коммуникатива также можно подыграть собеседнику, выражающему легкую обиду или осуждение через мнимую благодарность. *На здоровье!* в таких контекстах служит в качестве неприятия претензий собеседника.

Я им сразу сказала: «В этой голове студиться нечему. И без того сквозняк».

— *Спасибо на добром слове.*

— **На здоровье**. *Вертолет еще из-за этой сволочи гоняли!* (С. Данилюк. Бизнес-класс).

— *...Вам уже за сорок. Талантливые мужики к этому времени успевают все сделать и помереть с сознанием состоявшейся жизни.*

— *Спасибо, — засмеялся Коришунов, — на добром слове.*

— **На здоровье** (Г. Щербакова. Подробности мелких чувств).

Еще один устоявшийся в узусе контекст употребления, также изначально шуточный, но уже с сильно стершейся внутренней формой, хотя и сохраняющий экспрессивный и часто негативный запал, — это выражение полного безразличия, непротиводействия в ответ на чьи-то экспансивные намерения или действия.

— *...Объединенное «Единство», например, пошло по другому пути.*

— **На здоровье**. *КПСС тоже ходила по разным путям* (С. Бабаева. Г. Явлинский: «В двух часах лёта все существует в практическом виде» // Известия. 2001. 16 дек.).

— *...Но его дом требует ремонта, и поэтому мы с Василием Парамоновичем и Петенькой проживем пока у нас, если ты не возражаешь.*

— **На здоровье!** — *сказал резче, чем собирался, а потом жалел* (Б. Васильев. Дом, который построил Дед).

С недавнего времени нейтральное *На здоровье!* я стал слышать от врачей в ответ на мою благодарность за оказанную медицинскую помощь. Так, на днях без тени иронии в голосе ответил на мое *Спасибо!* врач, передав мне снимок. Когда я слышал такой ответ от врачей, для которых русский язык не был родным, просто улыбался про себя, но когда я стал слышать это от «коренных» носителей русского языка, то растерянность усилилась. Что это — прагматическая ошибка нечувствительных к языку людей или очередной этап расширения употребления коммуникатива у нового поколения?

Выводы

Продемонстрированные примеры коммуникативов и ситуаций их использования, как кажется, наглядно демонстрируют необходимость составления словаря русских коммуникативов с описанием условий их адекватного употребления как для иностранной, так и для русскоязычной аудитории.

Литература

Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985. С. 220–234.

Гольдин В.Е. Речь и этикет. М., 1983.

Кронгауз М.А. Обращения как способ моделирования коммуникативного пространства // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1999. С. 124–134.

Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2008.

Словарь русского языка АН СССР: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеновой. М., 1984–1989 (МАС).

Райтмайр Р. Функциональные и культурно-сопоставительные аспекты прагматических клише (на материале русского и немецкого языков) // Вопросы языкознания, 1997, № 1. С. 15–23.

Райтмайр Р. Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры. М., 2003.

Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методологический аспекты. М.: Рус. яз., 1982.

Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты общения. М., 1998.

Формановская Н.И. Речевой этикет в русском общении. М., 2009.

Шаронов И.А. Поиск и описание коммуникативов на основе Национального корпуса русского языка // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход. М., 2015. С. 145–187.

Brown P, Levinson S.C. Politeness: Some universals in language usage. Cambridge, 1987.

Leech G.N. Principles of Pragmatics. London; New York, 1983.

УСТНАЯ РЕЧЬ ИНОСТРАНЦЕВ: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: модель порождения, обучение иностранцев, психолингвистика, устная речь.

Устную речь можно рассматривать с двух сторон — как объект изучения и как предмет обучения. В первом случае исследуются механизмы создания устного высказывания, описываются уровни порождения речи, анализируются правила функционирования и языковые формы. Во втором случае создается система упражнений, выполняя которые учащиеся должны овладеть устной речью, то есть уметь выразить некоторое внеязыковое содержание в устной форме. Очевидно, что в основе обучения должна лежать модель порождения устного высказывания, следуя которой можно построить правильное предложение. Однако на практике все выглядит несколько иначе. Чаще всего учащимся предлагается набор определенных тем или ситуаций и языковых форм, которые эти ситуации обслуживают. Задача учащегося — выбрать из данного набора те формы, которые подходят. При этом сам процесс создания высказывания выпадает из поля зрения. В результате устная речь учащихся превращается либо в набор готовых форм-клише, либо в произвольный набор случайно выбранных компонентов, которые с трудом поддаются осмыслению. Например, такое высказывание стажера из Швейцарии относительно планов на будущее: *Я тоже думаю иду в Пекине и там жить моим братом. После полугоду будет слишком время, я думаю, потому что это он мой брат, даЮ и все. Следующий учеба я могу выбрать из славистики и восточно-европейской истории. Еще не знаю оба мне интересуют. Я не думаю о изменении учебы. Это бы не первый раз в моем жизни.* Другой пример — высказывание немецкой учащейся: *И это был просто мы просто там прогуляли, не знаю, полтора часа и это был так интересно, потому что мы все ну, такие люди, которые там живут, мы все спросили: вы не знаете, вы не знаете, там был какой-то авто, ну, остановка, и мы там просто как прогуляли, не знаю, четыре раза, сюда-туда и они были просто так — а? Еще раз, опять. Они еще не нашли, да.* Как мы видим, далеко не все в приведенных примерах поддается осмыслению. Иногда создается впечатление,

что смысл выражению приписывается уже после его создания, а не до того, как это происходит в случае родного языка. Поэтому мы предлагаем использовать элементы теории порождения речи для обучения устным формам.

Современная психолингвистика выработала достаточно убедительную и обоснованную модель порождения устного высказывания на материале родного языка. Вкратце эта модель выглядит следующим образом: *мотив — замысел — семантическое конструирование — синтаксическое конструирование — выбор лексики — фонетическая реализация — контроль*. Аналогичная модель может быть применима и к иностранному языку, однако на каждом этапе создания высказывания на иностранном языке происходят определенные изменения, которые, тем не менее, не влияют на общую схему.

Так, мотивация в изучении русского языка носит, как правило, внутренний характер, то есть учащиеся выбирают язык, руководствуясь собственными интересами и потребностями. Наша цель — сохранить и укрепить их мотивы. Для этого следует выбирать такие темы и ситуации, которые в большей степени удовлетворяли бы интересам учащихся, а их преимущественно интересуют такие темы, как политика, история, культура, спорт. В учебниках же обычно даются такие темы, как биография, учеба, отдых, город и т.п. В результате может произойти снижение мотивации, поскольку учащиеся хотят обсуждать серьезные вопросы, а им предлагают «детские» темы. Вместе с тем по мере знакомства со страной происходит некоторое изменение мотивов, учащиеся открывают для себя новые области знаний, получают новый опыт, что укрепляет их уверенность в правильности выбора и усиливает мотивацию. Некоторые даже приходят к выводу, что не они выбрали язык, а язык выбрал их, то есть этот выбор был предопределен.

Уровень замысла самый закрытый, на нем происходит выбор общего направления движения высказывания. «Замысел (или “мысль”), с которого начинается процесс формирования высказывания, несомненно, всегда отражает известную реальность, обобщая то содержание, которое подлежит речевому оформлению, и относя объект высказывания к определенной категории» [Лурия 1975: 9]. Действия на этом этапе, скорее всего, происходят в рамках несловесного кода, в виде символов или образов, из которых впоследствии формируется семантический каркас высказывания. Если этот код несловесный, тогда влияние родного языка должно быть минимальным, однако мы знаем, что уже на этом этапе проявляется национальная специфичность. Например, англо-саксонская модель развития высказывания предполагает линейное развертывание, в то время как для высказывания на русском языке более характерно зигзагообразное движение с пропусками

элементов смысла (см.: [Триандис 2007]). Именно такую модель и стоит показать учащимся.

Уровень синтаксического конструирования дает больше возможностей для совершенствования, поскольку на нем выбираются соответствующие синтаксические схемы высказывания. Самым характерным для звучащей речи является случай, когда субъект речи выносится на первое место и дублируется в предложении, то есть именительный темы: *Студенты они такие ленивые; Первое впечатление оно, как правило, самое верное*. Преподаватели чаще всего исправляют такие фразы, считая их ошибочными, что справедливо для письменной речи. На самом же деле это структурная особенность устной речи, на что и стоит обратить внимание студентов. Полезными заданиями являются разнообразные упражнения на составление словосочетаний, заполнение пропусков в них, выбор нужных форм из ряда данных, завершение фраз и т.п. Такие задания формируют навыки синтаксического прогнозирования, без которых высказывание будет несвязным и отрывочным. Новые слова также желательно давать сразу в словосочетаниях, глаголы — с управлением и зависимыми словами. На этом этапе очень важно преодолеть мощное влияние родного языка, который стремится подменить модели изучаемого языка своими. Сравнивая способы выражения в разных языках, можно до некоторой степени нивелировать это влияние. Речь, разумеется, не идет о сопоставительном анализе языков, мы говорим только об ошибках типа *Это жаль; Погода хорошо; Я 20 лет; Это хорошо за бизнес; Это первый раз, когда я приехал в Россию* и т.п. Ситуация осложняется тем, что реальная устная речь носителей языка подвержена столь сильным трансформациям, что в ней иногда очень сложно найти нормативные синтаксические модели — они все время меняются. Зачастую начав с одной схемы, говорящий заканчивает совсем другой, потому что программа изменилась в процессе создания высказывания. Где проходит граница между сбоем в программе и намеренным ее изменением, не всегда понятно.

Следующий этап — выбор слов. По мнению ряда исследователей, в частности В.Б. Касевича, главное — зайти в словарь, а по каким параметрам осуществляется этот вход (по значению, форме, ассоциациям, схожести, подобию), не столь важно. Но для этого нужно, чтобы этот словарь был. Поэтому главная задача — создание лексикона. Для устной речи одним из основных параметров является скорость, а она появляется, когда выбор слова осуществляется мгновенно. Добиться этого можно, тренируя учащихся в скорости подбора синонимов, антонимов к самым частотным словам. Ограничение времени выбора ставит учащихся в реальную ситуацию, поскольку

ку в общении слушающий не будет долго ждать, пока вы найдете слово. Способность быстро найти слово, не обязательно самое подходящее, а еще лучше способность привести ряд синонимов является признаком успешного владения устной речью. Хорошим подспорьем будет учебное пособие Е.Р. Ласкаревой «Прогулки по русской лексике». В нем как раз используется описанный выше прием. Важным фактором является форма слова. Чтобы оно стало частью словаря, необходимо ввести его во всех четырех формах: слышимое, видимое, произнесенное и написанное. Усвоенное в полной форме, потом это слово может сокращаться и модифицироваться, но все равно останется узнаваемым.

Переходим к этапу фонетической реализации. Как было давно доказано, для правильной артикуляции необходимо, чтобы артикуляторные органы заняли нужную позицию не в момент произнесения звука, а до того, то есть с некоторым упреждением. Тогда произношение будет слитным и быстрым. Аналогично дело обстоит с произнесением слова целиком, синтагмы и всего высказывания. Преподавателям знаком такой феномен, как изолированное чтение слов, когда каждая единица произносится как законченный фрагмент, вне связи с окружением. В устной речи действуют несколько иные закономерности членения звукового потока, нежели мы привыкли считать. Например, совершенно четко прослеживается тенденция к выделению открытых слогов, например *над домом; перед игрой; снег идет; нож и вилка; отец и сын* и т.п. Вероятно, послоговое чтение или проговаривание не самый эффективный прием, поскольку оно не создает целостный образ слова. Стоит показать учащимся эти закономерности и тренировать их в чтении и проговаривании.

Итак, существование вышеописанных этапов порождения речи вполне объективно и закономерно. Каждый этап предоставляет возможности для совершенствования устной речи. В совокупности это может дать положительный эффект в виде улучшения качества речи, а именно снижения количества ошибок, увеличения темпа речи, роста лексического запаса, увеличения разнообразия используемых синтаксических структур.

Литература

- Ласкарева Е.Р.* Прогулки по русской лексике. СПб.: Златоуст, 2011.
Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. М.: МГУ, 1975.
Триандис Г. Культура и социальное поведение. М.: Форум, 2007.

ИНОЯЗЫЧНАЯ ЛЕКСИКА ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ, БЛЮДА И НАПИТКИ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НОВЕЙШЕГО ПЕРИОДА

Лексическая система русского языка новейшего периода характеризуется предельной открытостью и динамикой процесса неологизации, сопровождающегося, как известно, заимствованием иноязычных слов, словообразованием, формированием новых фразеологизмов и устойчивых сочетаний слов, а также семантической деривацией.

Предметом настоящего исследования являются неолексемы русского языка новейшего периода, представляющие собой результат процесса заимствования. Иноязычная лексика активно пополняет различные лексико-тематические группы русского языка: политическую, дипломатическую, экономическую, финансовую терминологию (*аваль, франкофония, кулисье, индигенат*), номинации, функционирующие в сфере культуры и искусства (*ар нуво, ню, биеннале, декор, фуэте, па*), кинематографии и телевидения (*рендеринг, аниме, гала-концерт, нуар*), модной индустрии (*лаке, ламэ, годе, бутик, кардиган*), названия продуктов, напитков, блюд и способов их приготовления (*конфи, сорбет, аль денте, бёф-брeze, фуа-гра, болоньезе, тагглателли*) и др.

Процесс заимствования иноязычной лексики сопровождается адаптацией слова на всех уровнях языка: фонетическом, морфологическом, семантическом. Рассмотрим ступени адаптации прототипа на примере лексики, функционирующей в ресторанной сфере, к ней мы относим номинации продуктов, напитков, блюд, способов их приготовления, а также названия новых профессий, связанных с этой производственной сферой. Следует отметить, что большая часть иноязычной лексики исследуемой в настоящей работе тематической группы является заимствованием из французского и итальянского языков (*глясе, кастеманьо, биен кюи*). Довольно значительная часть иноязычных имен существительных в новой лексической системе не включается в ее падежную систему. Путь языкового заимствования остается одной из причин активного увеличения числа несклоняемых слов. К этому

приводит столкновение различных фонетических, морфологических систем языка-источника и языка-рецептора (*равиоли, фри, амарело, кастеманьо, белмонте, киви, манго, эспрессо, ткемали, саперави, салями, кольраби, профитроли, ризотто, капелетти*).

Главная особенность несклоняемых имен существительных состоит в том, что они обладают неизменным морфемным составом, который позволяет говорить как об отсутствии у них формально выраженной морфологической парадигмы, так и о ее синтагматическом присутствии. Несклоняемость иноязычных лексем объясняется недостаточной освоенностью прототипов морфологической системой русского языка, поэтому представляет интерес их изучение на фонологической ступени адаптации, когда происходят замена неприемлемых звуков языка-источника близкими им звуками заимствующего языка и, как следствие, появление формальных показателей слова. Необходимость изучения этой группы слов связана, с одной стороны, с тенденцией к увеличению объема несклоняемых имен в современном русском языке в различных тематических группах (*гран-при, дефиле, моноски, эмансипе, парео, годе, сомелье, ар деко, аниме, велькро, фротте, франже*), а с другой — с необходимостью осмысления морфологического статуса несклоняемых существительных в грамматическом строе языка.

При переходе в другой язык слова обычно приспособляются к фонетическому строю и морфологической системе заимствующего языка, подвергаются лексико-семантическим трансформациям. Прежде всего, устраняются иноязычные особенности звукового оформления слова. Данный период отражает борьбу двух тенденций: стремления языка-рецептора ассимилировать слово и стремления иноязычной лексики сохранить следы произносительных норм языка-источника [Габдреева, Агеева, Тимиргалеева 2013: 90]. В результате фонологической и фонетической адаптации заимствование приобретает вид, оформленный с помощью фонетических средств языка-рецептора. Одновременно происходит освоение прототипа графической системой, что позволяет воспроизвести лексему графическими средствами принимающего языка.

В ходе фонетико-графической рецепции прототип в языке-рецепторе может быть оформлен с опорой как на транскрипцию (*carpaccio — карпаччо, boeuf + braise — бёф-брезе, chaud + froid — шофруа, barbecue — барбекю, fois-gras — фуа гра / фуагра / фуа-гра, bien cuit — биен кюи, risotto — ризотто*), так и на транслитерацию, которая передает его графическую форму (*ravioli — raviоли, Lowenbrau — ловенбрау* (нем.), *minestrone — минестроне, pesto — песто*). Как известно, в контактологии подобные модели ре-

цепции характеризуют способ рецепции, путь проникновения прототипа в иную языковую систему: устный или письменный. Однако сильное влияние языков-источников способствует появлению и сосуществованию фонетико-графических вариантов заимствований, которые, с одной стороны, воспроизводят графическое изображение иностранных форм, а с другой — произношение языка-источника:

pate — *name* / *патэ*;

linguine — *лингуине* / *лингвини*;

agnolotti — *аньолотти* / *аньёлотти*;

osso buco — *особуко* / *оссобуко* / *оссо буко*;

radicchio — *радицио* / *радиккьо* / *радикио* / *радииччо*;

Процесс оформления через двойные согласные происходит достаточно интенсивно (*rappardelle* — *панарделле* / *панпарделле*, *capelletti* — *капеллетти* / *канпеллетти* / *капелетти*), что влияет и на лексемы, прототип которых в языке-источнике не имеет удвоения: *glace* — *глясе* / *глассе*.

Для некоторых вариантных форм характерно приобретение формальных показателей, включающих лексему в падежную систему русского языка: *sorbet* — *сорбе* / *сорбет*, однако частотность употребления склоняемой формы на фоне несклоняемой низка.

Получив фонетико-графический облик, заимствование начинает постепенно включаться в морфологическую систему языка. Как было установлено, несклоняемые имена существительные иноязычного происхождения, являясь результатом борьбы фонологических систем языка-источника и языка-реципиента, в ходе фонетико-графической ассимиляции приобретают такие формальные показатели, которые становятся основным фактором исключения слова из падежной системы русского языка. Основную массу исследуемых заимствований составляют имена существительные, поэтому интересным представляется вопрос формирования категории рода и числа у этих слов. Установлены следующие закономерности морфологической рецепции исследуемых лексем:

1. Приобретение иноязычными существительными в процессе заимствования грамматической категории рода — явление регулярное. Заимствуемое существительное может остаться без внешнего, материального грамматического оформления, без противопоставления по числу, но не может употребляться в русской речи вне категории рода. Установлены следующие закономерности приобретения заимствованием родовой принадлежности. Как показывают наши данные, морфологические признаки прототипа не влияют на приобретение родовой принадлежности заимствованной лексемой. Это

объясняется тем, что категория рода во французском и итальянском языках представлена оппозицией «мужской — женский», средний род отсутствует, основным показателем родовой принадлежности исследуемых прототипов является артикль, который при заимствовании не сохраняется. Заимствуемые из французского и итальянского языков имена существительные с конкретным значением (продукты питания, напитки, блюда) в основном принадлежат к женскому роду, в русском языке такие существительные часто употребляются в мужском роде [Габдреева, Агеева, Тимиргалеева 2013: 99].

Так как система падежных флексий не является достаточным критерием для различения рода несклоняемых существительных, необходимым представляется синтагматическое выявление.

*Profetrole, f. Пустые **профитролы** подают к супам и бульонам на отдельной тарелке [gotovim.ru›recepts/bake/eklery/].*

*Начинка для **профитролей** должна быть кремообразной и не слишком влажной [vkysnoemenu.com›2011/12/nachinka-dlya-profitrolej/].*

*Pate, f. Нежное **патэ** говядина [smartory.club/.../korm-cezar-d-sobak-nezhnoe-pate-govyadina-ovoshchi...].*

2. Существенную роль играет фонетический облик слова, то есть характер основы как основной фактор приобретения несклоняемыми заимствованиями категории среднего рода:

*Правильно приготовленное **ризотто** имеет кремовую структуру и насыщенный аромат [RussianFood.com›recipes/bytype/?fid=911].*

*Вкусно и сытно: итальянское **ризотто** [ekskyl.ru›vse-o-rizotto-vkusnaya-istoriya.html].*

***Бланманже** творожное [rutxt.ru/node/3050].*

Формальные показатели часто влияют на переход иноязычного слова в разряд существительных pluralia tantum, что часто становится вариантной склоняемой формой употребления заимствования:

*Приготовление **равиоли** [EdimDoma.ru›retsepty/popular/otvarnie...iz...ravioli].*

***Равиоли** очень похожи на наши пельмени [bankreceptov.ru›trimm/trimm-0159.shtml].*

*Есть свои особенности и у **равиоли**. **Равиоли** популярны во всех регионах Италии.*

*Аналогом **равиолей** в русской кухне являются пельмени [www.djurenko.com/cooking/pesto.html].*

3. Наиболее распространенной тенденцией является оформление рода по семантическим признакам, то есть влияние родовидовых отношений

прототипа и русского синонима. Данный процесс знаменует начало освоения заимствований лексической системой русского языка.

Песто классический [www.gastronom.ru/recipe/4836/pesto-klassicheskij] (соус).

Домашний песто является универсальным и простым, но очень изысканным [ru.wikihow.com/приготовить-песто].

Как приготовить идеальный минестроне [telo-v-delo.ru/zdorovoe-pitanie/sup-minestrone] (суп).

Часто процессу морфологической адаптации сопутствует наличие в языке-рецепторе вариантных форм:

*Лучшее — гусиное — **фуа-гра** перед подачей нужно на сутки убрать в холодильник* [eda.ru/wiki/ingredienty/poultry_and_game/14018/fua-gra].

*На смену европейским продуктам приходят крымские устрицы и твердая **фуа-гра***. [www.1tv.ru/news/economic/271466] (печень).

*Я не сдержался и все же заглянул в их тележку. Какое-то черное мясо, какой-то красный террин, какая-то бледная **фуа-гра*** [Snob.ru/go-to-comment/734233].

*Французская **фуа-гра*** [www.medpulse.ru › Здоровье и профилактика › Дieta].

*Утиная **фуа-гра** с яблоками* [www.romecavalieri.ru/pdf/MenuLaPergola_Ru.pdf].

Таким образом, продолжается процесс адаптации новейших заимствований французского и итальянского происхождения в русском языке. Описательный анализ несклоняемых существительных иноязычного происхождения на примере активно пополняющейся лексико-тематической группы «Продукты питания, напитки, блюда и способы их приготовления» позволяет продемонстрировать процессы, характерные для ранней стадии освоения галлицизмов и итальянизмов на всех уровнях русского языка новейшего периода. Многие заимствования сохраняют следы своего иноязычного происхождения в виде звуковых, орфографических, грамматических и семантических особенностей, чуждых исконным словам.

В результате столкновения фонетической, морфологической, лексической систем языка-источника и языка-рецептора появляются и функционируют вариантные формы, однако можно выделить основные закономерности рецепции на различных уровнях. В результате фонетико-графического освоения большая часть заимствованной лексики приобретает фонетическое написание (*al dente* — *альденте*, *confit* — *конфи*), что, по мнению Н.В. Габдревой, является признаком недостатка времени, необходимого для подобной

ассимиляции [Габдреева, Агеева, Тимиргалеева 2013: 104]. На морфологическом этапе освоения возникает множество вариантных форм. Решающую роль при морфологической адаптации, как справедливо указывает Н.И. Гайнуллина, имеют особенность финали слова при окончательном включении в тот или иной лексико-грамматический класс и родовая принадлежность соответствующего лексического эквивалента в русском языке [Гайнуллина 2008: 113].

Более полная картина адаптации несклоняемых имен существительных иноязычного происхождения может быть представлена при рассмотрении моделей семантической рецепции иноязычных новообразований, что находится в дальнейшей перспективе нашего изучения.

Литература

Вербицкая Л.А. Вариативность как основная черта развивающейся системы // Славистический сборник. СПб., 1998. С. 36–44.

Габдреева Н.В. Лексика французского происхождения в русском языке (историко-функциональное исследование). Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2001. 340 с.

Габдреева Н.В., Агеева А.В., Тимиргалеева А.Р. Иноязычная лексика в русском языке новейшего периода. М.: Флинта; Наука, 2013. 328 с.

Гайнуллина Н.И. Заимствованная лексика в петровскую эпоху: Процессы адаптации. Алматы: Казак университеты, 2008. 295 с.

Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма. Л.: Наука, 1978; 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком»; URSS, 2009. 240 с.

Калиневич М.М. Заимствования из французского языка в современном русском литературном языке в свете фонологической и морфологической систем. Roznau, 1978. 71 с.

ДЕЛОВОЙ РУССКИЙ ЯЗЫК И СОВРЕМЕННЫЙ РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ¹

Ключевые слова: кодификация, культурный скрипт, норма, орфография, речевой этикет.

При обсуждении изменений языковых норм отдельную проблему составляет речевой этикет. Обсуждение вопроса о действительных или мнимых изменениях речевого этикета неизбежно наталкивается на нестандартное соотношение нормы и узуса. Дело в том, что правила речевого этикета, вообще говоря, описывают норму, а не узус. С другой стороны, именно в нормах речевого этикета, как ни в каких других нормах, чрезвычайно велики расхождения между представлениями разных носителей нормы относительно того, что правильно, а что — нет. При этом достоверной кодификации норм, которая позволила бы судить, кто из носителей взаимоисключающих представлений прав, обычно нет (исключение составляют нормы протокола и ритуализованного этикета).

Рассмотрение речевого этикета возможно в более широкой перспективе. По существу, речевой этикет относится к области культурных скриптов, регулирующих использование языка в соответствующей культурно-языковой общности. В конечном счете именно культурные скрипты определяют стиль коммуникации. Неудачи при межкультурной коммуникации часто бывают связаны с различием культурных скриптов, не осознаваемым собеседниками. При этом существенно, что различие культурных скриптов может иметь место не только между носителями разных языков, но и между носителями одного языка, принадлежащими к разным культурным общностям.

В различных социумах нормы речевого этикета весьма различны. В результате обнаруживается, что самые простые вопросы, касающиеся особен-

¹ В статье нашли отражение выводы ряда предшествующих публикаций, в частности [Шмелев 2011; 2012а, б; 2014; 2015]. Окончательный вариант статьи написан при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований № 15-04-00488 «Изменения узуса и кодификация норм русского литературного языка».

ностей русского речевого этикета и его предполагаемых изменений, вызывают разногласия. Культурные нормы, которые стоят за нормами речевого этикета, также подвержены индивидуальному и социальному варьированию.

Заметим, что разногласия в отношении норм речевого этикета могут касаться не только словоупотребления (выбор между формами *ты/вы*, необходимость обращения, выбор обращения, именование кого-либо в третьем лице, этикетные формулы и т.д.), но и частных вопросов, например орфографических, в частности употребления строчных и прописных букв (*Государственная дума* или *Государственная Дума*, *святые Дары* или *Святые Дары*, *Ваше Превосходительство*, *Ваше превосходительство* или *ваши превосходительство*, *Стена Плача* или *Стена плача* и т.д.).

Разногласия относительно норм речевого этикета накладываются на то, что и в отношении господствующего узуса данные нередко ненадежны и опираются чаще на личные впечатления, чем на результаты проведенного исследования. Эта ситуация не поддается исправлению, если дело касается прошлых времен и при этом устного этикета (о письменном узусе можно судить по сохранившимся документам, а об устном — лишь отчасти по его отражению в художественной литературе). Соответственно, почва для описания диахронических изменений речевого этикета обычно оказывается совсем зыбкой: чаще всего приходится основываться на собственных субъективных впечатлениях касательно изменившегося узуса. Эти впечатления иногда бывают связаны с изменившимися личными обстоятельствами исследователя (например, с попаданием в новый социум), тогда как узус использования форм речевого этикета в целом остается прежним.

Адекватное описание особенностей русского речевого этикета и его изменений предполагает объективную оценку существующего узуса на фоне узуса предшествующих периодов, а также эксплицитных суждений об этикетных нормах, принадлежащих носителям языка. Необходимо также учитывать возможность различий речевого этикета разных социальных групп (в частности, возрастное и региональное варьирование). При этом необходимо отличать субъективные рекомендации составителей пособий по русскому речевому этикету (в частности, деловому этикету) от объективно существующих этикетных норм. Это особенно важно в связи с вопросом, какие особенности русского делового этикета уместно упоминать при обучении русскому языку как иностранному. Излишнее внимание к частным и не общепринятым нормам речевого этикета может создавать у иностранных учащихся превратное впечатление о русском речевом поведении (так,

многие иностранцы убеждены, что русские не могут начать трапезу, не пожелав друг другу *приятного аппетита*).

Сказанное можно иллюстрировать некоторыми особенностями современного русского делового этикета и его изменениями, происходящими за последние десятилетия. Здесь необходимо отличать действительные изменения от мнимых.

Как известно, главная черта официального документа — его предельно стандартная форма. Значительная часть текста однотипных официальных бумаг повторяется во всех документах данного типа, то есть является постоянной. В совокупности этот постоянный текст и определяет, к какому типу официальных документов относится данная бумага. Оставшаяся часть текста, меняющаяся от документа к документу, является переменной, она определяет индивидуальные характеристики данного документа. Именно поэтому для многих типов официальных бумаг (анкет, справок, типовых договоров и т.д.) существуют бланки, на которых «постоянный» текст бумаг данного типа уже напечатан. Для того чтобы завершить создание документа, необходимо заполнить бланк — вписать или впечатать «переменный» текст. Предельно стандартизованная форма официальных бумаг облегчает поиск нужной бумаги среди множества документов, подшитых в дело, а в наше время она делает возможным создание баз данных, позволяющих вести поиск нужных сведений автоматически.

Главная языковая особенность делового языка остается неизменной уже много десятилетий. Она заключается в том, что все типы речевых действий, будь то сообщения, вопросы или побуждения, выражаются в нем посредством повествовательных предложений. В деловом языке существует такой жанр, как *приказ*, представляющий собою, как ясно уже из самого его названия, разновидность побуждения. Однако приказ в норме не включает побудительных предложений; в приказе была бы неуместна фраза: *Сделайте то-то и то-то*. Обычно приказ включает в себя формулу *Приказываю сделать то-то и то-то*, то есть повествовательное предложение, выражающее побуждение, с перформативным глаголом в вершине. Именно это является нормой для официально-делового стиля: все типы речевых актов выражаются при помощи повествовательных предложений, а речевой акт, определяющий для соответствующего жанра, как правило, выражен предложением, в вершине которого стоит перформативный глагол, точно указывающий на то, какой именно речевой акт осуществляется посредством данного высказывания. Это позволяет однозначно установить статус текста, что чрезвычайно важно для официальных документов. Чаще всего обозна-

чение речевого акта дублируется в названии документа: *приказы* включают предложение со словом *приказываю*, *доверенности* — со словом *доверяю* и т.д. Однако это правило не абсолютно. Так, заявления (о приеме на работу, о командировке, об очередном отпуске) начинаются не со слова *заявляю*, а со слова *прошу*, поскольку в таких заявлениях выражается какая-то просьба (не случайно когда-то такие заявления назывались *прошениями*), например: *Прошу предоставить мне очередной отпуск*. Очевидно, что неправильно, с точки зрения использования стилистических средств языка, было бы написать: *Предоставьте мне, пожалуйста, очередной отпуск*.

Именно в силу того, что рассмотренная особенность (использование для выражения вопросов и побуждений повествовательных предложений) — одна из самых характерных черт делового языка, употребление повествовательных предложений в побудительной или вопросительной функции может восприниматься как канцеляризм (*Просьба не шуметь!* вместо более пригодного для разговорной речи способа выражения просьбы: *Не шумите, пожалуйста!*).

Понятно, что не являются отклонением от стилистических норм случаи, когда название некоторого жанра делового языка используется для создания текста, преследующего иные цели, нежели включение в официальную документацию. Так, некоторые *приказы* Верховного Главнокомандующего времен советско-германской войны по своему предназначению и своим языковым характеристикам ближе к публицистике. Не отменяют общих стилистических характеристик делового языка и примеры (впрочем, весьма редкие) их сознательного нарушения при создании документа (так, в воспоминаниях Григория Агеева «Ввиду отмены смертной казни» рассказывается, как он написал заявление о переводе на работу в механический цех в стихах, чтобы «развеселить» начальника цеха, которому заявление и было адресовано, и побудить его удовлетворить просьбу).

Отмеченная особенность делового языка оставалась и остается неизменной многие десятилетия. Менялся только набор речевых штампов, используемых в рамках того или иного жанра (так, в жанре *справки* оборот *сим удостоверяется, что...* был заменен на оборот *дано в том, что...*, а в настоящее время большинство справок обходится без интродуктивных оборотов). Происходили также изменения названий жанров: как уже говорилось, название жанра *прошение* было заменено на *заявление*. Впрочем, с появлением целого ряда православных университетов, гимназий и др., работники которых пишут *прошения* (например, *прошение о приеме на работу, прошение об очередном отпуске, прошение о командировке*), слово *прошение* снова

вошло в канцелярский обиход (тем самым помета «устар.», которой снабжено слово *прошение* в большинстве современных словарей, сама представляется устаревшей).

В настоящее время многие документы создаются с использованием новых технологий. Так, электронные системы создания налоговых деклараций предполагают, что налогоплательщик введет в систему необходимые сведения, после чего система сама изготовит декларацию по требуемой форме. Однако сути это не изменило: на выходе система выдает документ, в точности соответствующий нормам официально-делового стиля.

Правда, в некотором отношении внедрение в жизнь электронного документооборота привело к тому, что объективно существующая вариативность норм ведет к недоразумениям. Многие личные имена существуют в разных вариантах, и часто любому носителю русского языка (кроме некоторых работников паспортных столов, пенсионных фондов и т.д.) понятно, что это варианты одного имени (напр., *Наталия* и *Наталья*). Но в наше время обладателям таких имен часто приходится собирать многочисленные справки, чтобы доказать свое тождество самому себе. Вариативность внешнего облика характерна и для многих топонимов, особенно иноязычного происхождения, и при использовании названия в официальной документации (например, при указании места рождения) с этой вариативностью приходится считаться.

Правила образования отчеств в некоторых случаях не дают однозначного результата (например, от имени *Самуил* могут быть образованы отчества *Самойлович* и *Самуилович*). Паспортисты часто бывают вынуждены принимать решение, лишь опираясь на собственную интуицию, и это иногда также приводит к юридическим затруднениям.

Кроме того, существует проблема именованя иностранцев и иностранных географических объектов в официальной документации. Если мы имеем дело не с общеизвестным именем собственным, то обычно используется метод практической транскрипции иноязычного имени; но существует много различных систем практической транскрипции, и разные ведомственные инструкции бывают ориентированы на разные системы.

В заключение заметим, что за последние десятилетия все же произошли некоторые изменения в официальном языке, и не всегда очевидно, какова в таких случаях должна быть кодификация норм речевого этикета. Так, произошло возрождение обращений, заимствованных из дореволюционной Табели о рангах. Покойный Патриарх Алексей II в официальных (устных)

обращениях к президенту России (г-ну Ельцину, а затем г-ну Путину¹) использовал форму *ваше превосходительство*. Однако в соответствии с Табелю о рангах это обращение вовсе не предполагает, что адресат — самое высокопоставленное лицо в государстве. Отвлекаясь от обращений к членом царствующего дома (*ваше величество, ваше высочество*), напомним, что к государственному канцлеру положено было обращаться *ваше высокопревосходительство*, а обращение *ваше превосходительство* предназначалось любому генералу или лицу, носящему аналогичный гражданский титул².

Отсутствие единых норм в узусе имеет неизбежным следствием отсутствие единства в нормативных рекомендациях (ср., например, вопрос о том, как обратиться к полицейскому на улице). Представляется, что описание норм речевого этикета должно быть объективным (в том числе в пособиях, адресованных иностранным учащимся) и не загушевывать объективно существующие расхождения в мнениях и практике носителей языка.

Литература

Шмелев А.Д. Имя собственное в речевой коммуникации: проблемы нормы // Русский язык сегодня. X Шмелевские чтения: Сб. докл. / Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. М., 2012а. С. 462–473.

Шмелев А.Д. Парадоксы адресации // Логический анализ языка. Адресация дискурса. М., 2012б. С. 135–151.

Шмелев А.Д. Распространенная ошибка или новая норма: как отличить одно от другого? // Отечественные записки. 2014. № 2 (59). С. 274–285.

Шмелев А.Д. Русский язык начала XXI века: действительные и мнимые изменения // Русский язык за рубежом. 2011. № 4. С. 117–124.

Шмелев А.Д. Функциональные разновидности русского языка: константы и переменные // Деловой и публицистический стиль в истории русского языка и русской культуры. Петрозаводск, 2015. С. 20–29.

¹ Последние месяцы жизни Святейшего пришлось на президентство г-на Медведева, однако мне не встретились примеры официального обращения Патриарха Алексия II к Президенту Медведеву.

² Не случайно, когда в пьесе Евгения Шварца «Обыкновенное чудо» первый министр обратился к королю *ваше превосходительство*, король возмутился: «Меня, величайшего из королей, обозвали генеральским титулом? Да ведь это бунт!»